

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

165

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

165

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

Редакционная коллегия:

*О. С. Гадзюцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, В. В. Кропоткин, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

В. П. ЛЮБИН

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА В СССР

В 70-х годах прошлого века в России были открыты первые палеолитические памятники: стоянка у военного госпиталя в Иркутске (1871 г.), Гонцы на Полтавщине (1873 г.), Карачарово близ Муромы (1877 г.), Костенки под Воронежом (1879 г.), Волчий грот в Крыму (1880 г.). Истекшее десятилетие — 70-е годы — юбилейное в изучении каменного века на территории СССР. Оно ознаменовалось большой и серьезной работой советских археологов по систематизации и интерпретации накопленных материалов. Результаты разведок и раскопок за сто лет были обобщены в сборнике «Каменный век на территории СССР» (М., 1970) и в подготовленных к печати первых томах «Археология СССР».

Подытоживание и обобщение материалов проводилось также в рамках отдельных крупных регионов (Украина, Азербайджан, Сибирь, Средняя Азия и др.)¹. Появились монографии, посвященные обоснованию существования локальных образований различного ранга (культурные области, группы родственных индустрий, археологические культуры)², и публикации материалов отдельных памятников³.

Теоретические разработки советских исследователей охватывали проблемы периодизации истории первобытного общества, реконструкции древних социальных и хозяйственных систем⁴. В последнее время остро дискутируются вопросы социального устройства человеческого общества на ранних этапах его развития. Открытие в ашеле и мустье оседлости, настоящих жилищ, локальных явлений требует, по мнению ряда исследователей, коренного пересмотра старого мнения о стадном образе жизни домустьевак людей, старого представления о наличии резкой границы между мустье и верхним палеолитом. История палеолита, как нижнего, так и верхнего, рисуется теперь как история сложного переплетения и взаимодействия разнообразных путей развития, локальных образований и культур. Конкретно-исторический подход к изучению ранних этапов первобытной истории позволяет подойти к вопросам передвижений, связей, взаимных влияний отдельных палеолитических общин.

Одним из самых значительных достижений советских исследователей каменного века за последнее десятилетие явилось завершение и частичное издание (вышло два первых тома) капитального труда «Палеолит мира»⁵. Издание это уникально по своему объему и характеру: читатель найдет в нем не сводку или справочник накопленных данных, а описание, анализ и интерпретацию огромных палеолитических материалов, попытку раскрыть общие закономерности развития культуры человечества на ранних этапах его существования и выявить конкретно-историческое своеобразие развития палеолита на разных территориях.

Вышедшие книги дают общее представление о возникновении человека и человеческой культуры, характеризуют начальные этапы становления первобытнообщинных отношений, излагают оригинальные концепции развития палеолитических культур Африки и Юго-Западной Азии.

Проблемы происхождения человека, истории первобытной культуры, взаимоотношения природы и общества нашли свое отражение и в более популярных и массовых изданиях⁶, которые показывают, как далеко ушла наука о каменном веке за последние 15—20 лет, характеризуют историю древнейшего населения нашей страны, освещают вопросы взаимодействия человека и среды на протяжении трехмиллионной истории человечества.

Одной из самых важных и ярких особенностей исследования каменного века в нашей стране в 70-е годы является резкое усиление комплексного характера этих исследований. Вышли в свет статьи, сборники, монографии, выполненные совместными усилиями археологов, палеогеографов, палеонтологов, палинологов и других представителей естественнонаучных дисциплин. В них на основании геолого-геоморфологического изучения условий залегания и комплекса лабораторных исследований воссоздается природная обстановка времени существования древних стоянок⁷. Комплексные разработки способствуют разрешению вопросов относительной датировки памятников, реконструкции образа жизни и хозяйства древнего человека. Исследования такого рода ведутся как на палеолитических поселениях открытого типа⁸, так и на пещерных стоянках⁹.

Важным стимулом усиления комплексных исследований явился организованный в марте 1973 г. Институтом географии АН СССР и Комиссией по изучению четвертичного периода АН СССР Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда»¹⁰. Изучению особенностей взаимосвязей между природой и человеком на протяжении последнего миллиона лет посвящены также работы специального советско-французского семинара, проводимые в период 1977—1982 гг. на территории Советского Союза и Франции¹¹.

Прошедшее десятилетие характеризуется стремительным накоплением материалов о культуре каменного века на территории СССР. Фронт поисков и исследований палеолитических памятников захватывает все новые и новые районы Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Ежегодно в издании «Археологические открытия» появляются имена новых исследователей, названия десятков новых стоянок и местонахождений. К исследованию каменного века приступили многие университеты, педагогические институты и музеи. На местах вырастают новые коллективы специалистов, возникают археологические лаборатории (Новосибирск, Иркутск, Кемерово, Чита, Магадан, Душанбе, Самарканд и др.). Успехи археологической науки сопровождаются небывалым ростом общественного интереса к древнейшей истории человечества. Налицо, к сожалению, и такие издержки роста, как стремление к сенсациям, заблуждения и мистификации¹².

В юбилейное десятилетие советские археологи снова вернулись к стоянкам-первенцам отечественной палеолитической науки (Гонцы¹³, Волчий грот¹⁴), возобновив их исследование на современном научном уровне. Особенное внимание при этом уделялось памятникам Костенковско-Боршевского района, ставшим одним из главных опорных пунктов по изучению древнейшего прошлого нашей страны. На Всесоюзном совещании, посвященном 100-летию открытия палеолита в Костенках, отмечалось мировое историко-культурное значение этого уникального скопления древних стоянок (около 60 разновременных поселений эпохи позднего палеолита). Пятьдесят сезонов провела Костенковская экспедиция в поле, вскрыв около 7000 кв. м площади и обнаружив достоверные остатки палеолитических жилищ, разнообразные произведения палеолитического искусства, погребения верхнепалеолитических людей.

С Костенками связаны многие выдающиеся достижения советского палеолитоведения (разработка методики раскопок стоянок открытого типа; установление этнографических различий в культуре древнекаменного века и решающей роли социальной среды в развитии позднепалеолитической культуры; утверждение главенствующего значения стратиграфии при определении хронологии памятников)¹⁵. В 1979 г., к началу Всесоюзного совещания, в Костенках был открыт первый в нашей стране палеолитический музей, возведенный непосредственно над крупным палеолитическим жилищем из костей мамонта.

В последние годы усилилось внимание к важнейшему источнику первобытной археологии — к морфологии каменных орудий. Последние рассматриваются как элемент производительных сил общества, как показатель тех общественных сил, при которых совершался труд древнего человека: в технике изготовления и морфологии орудий зафиксирован опыт многих поколений, производственные традиции, определенная социальная программа¹⁶. Разработке типологии и классификации каменных орудий были посвящены всесоюзные совещания, организованные сектором палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР¹⁷. Важным побудителем усиления исследований палеолитических индустрий Средней Азии и Казахстана явилось Всесоюзное совещание в Самарканде в 1972 г.¹⁸ Большое значение имел ашельский симпозиум в Ужгороде (1979 г.), участники которого ознакомились с важным многослойным ашельско-мустьерским памятником Королево на р. Тиссе и коллекциями добытых при его раскопках каменных орудий¹⁹. Состоявшийся в 1978 г. в Душанбе Международный симпозиум по проблеме «Граница неогена и четвертичной системы» проявил большой интерес к древнейшим палеолитическим памятникам Таджикской депрессии, залегающим в педокомплексах водораздельных лёссов на глубине 50—60 м. Памятники эти характеризуют галечные орудия соанского облика, датируемые (термолюминисцентный анализ лёссов) временем от 200 до 130 тыс. лет до наших дней²⁰.

Рассматриваемый период характеризуется заметным подъемом исследований палеолита в Сибири и на Дальнем Востоке; велика роль Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в организации и координации изучения каменного века на указанных территориях. В 1975 г. в Новосибирске на организованной этим институтом конференции «Корреляция древних культур Сибири и сопредельных территорий Тихоокеанского бассейна» были подведены итоги изучения каменного века Северной Азии. Заслуживают внимания и научно-теоретические конференции Иркутского государственного университета, значительное место на которых занимает палеолитическая тематика. Известный интерес в этом отношении представляют и издаваемые этим университетом сборники «Древняя история народов юга Восточной Сибири» (Иркутск, 1974, № 1 и 2; 1975, № 3; 1978, № 4).

Палеоантропологические находки последних 10—15 лет на нижнепалеолитических стоянках Кавказа и Крыма (пещеры Азых, Кударо I, Джручула, Ахштырь, Ереван I, Бронзовая, Сакажиа на Кавказе; стоянки Заскальная V и VI в Крыму) доставили новые сведения о физическом облике древнейших обитателей этих областей. Фрагмент нижней челюсти из ашельского слоя пещеры Азых в Азербайджане сочетает в себе признаки, характерные для питекантропов и ранних неандертальцев²¹. Костные находки человека из мустьерских слоев кавказских пещер свидетельствуют о том, что процессы сапиентации неандертальцев, сложения человека современного типа завершались на Кавказе еще в рамках мустьерской эпохи (Ахштырь)²²; в то же время другая популяция кавказских палеоантропов (Сакажиа, Джручула, Цудхвати) представляла «в известной мере ветвь, параллельную палестинским палеоантропам»²³. Сходная в общих чертах картина наблюдается и в Крыму: «роль переднеазиатских популяций палеоантропов в генезисе

крымских неандертальцев, — пишут В. П. Якимов и В. М. Харитонов, — кажется нам очень значительной. Именно этот регион дал вариант крымских неандерталоидных форм с более выраженной (Староселье) и менее выраженной (Киик-коба и Заскальная VI) сапиентностью»²⁴.

Приведенные палеоантропологические свидетельства корректируют в известной мере наши представления о путях первоначального заселения человеком территории юга европейской части СССР, выявляя существенную роль переднеазиатского исходного региона. Крымские мустьерские индустрии, впрочем, не имеют, насколько известно, параллелей в Передней Азии. Кавказские же, особенно закавказские, тяготеют к одновременным культурам сопредельных южных областей. На юге Закавказья, в частности, известна мустьерская индустрия Тагларской пещерной стоянки, имеющая, как кажется, прямые соответствия в мустьерских индустриях пещер Загросских гор на территории Ирана и Ирака²⁵.

В Закавказье выявлены и следы наиболее древних в нашей стране палеолитических культур, встреченных в непотревоженных стратифицированных напластованиях пещер Кударо I, III, Цона и Азых²⁶. Наиболее ранние, древнеашельские, установлены в нижнем ашельском слое Азыхской пещеры. В более древних (ашшеронских — ?) слоях этой же пещеры найдены гальки со следами искусственной, как полагают некоторые исследователи, обработки²⁷.

Кавказ по-прежнему сохраняет за собой первое место по обилию памятников древнего каменного века (500 стоянок и местонахождений, в том числе около 50 пещерных поселений). Особого внимания заслуживают исследуемые в последние годы пещерные стоянки Цуцхватского многоярусного пещерного комплекса²⁸ и долины р. Цхалцитела²⁹ в Имеретии, гроты долины р. Раздан в Армении³⁰, скальные убежища Борисовского ущелья на Кубани³¹.

Наиболее важные раскопки в Крыму велись в эти годы на мустьерских стоянках Заскальная V, VI и Пролом в районе Белогорска³². В 1976—1977 гг. в долине р. Бодрак, близ выходов кремня, обнаружены кремневые мастерские, часть находок на которых, как предполагается, может иметь домустьерский возраст³³.

Среди множества открытий и раскопок, сделанных в 70-е годы в других областях страны, отметим раскопки гротов Выхватинцы, Бездужаны I, Тринка I и III, Ла Серетурь и стоянок Рашков VII и VIII, Костешты, Корпач в Молдавии; исследования мустьерских стоянок Кормань IV, Молодова I, Кетросы и местонахождения Кишлянский яр в Среднем Приднестровье; раскопки замечательных жилищ из костей мамонта в Межириче на Днестре; исследование мустьерских и верхнепалеолитических стоянок Хотылево I и II, Бетово и Косица на Десне; раскопки верхнепалеолитической стоянки Авдеево близ Курска; изыскания палеолита в ряде районов Урала, Западной Сибири и Средней Азии; исследование пещер Страшная и Денисова на Алтае и Двуглазка в Хакасии; обнаружение нижнепалеолитических каменных изделий на высоких террасах правого берега р. Ангары; раскопки стоянки Малая Смя в отрогах Кузнецкого Алатау; исследования местонахождений Кумары на р. Амур и Усть-Ту на р. Зее; открытия в Забайкалье, на верхней Лене, на Витиме и Алдане, на Камчатке и Чукотке³⁴. Эти и другие открытия и исследования резко расширяют источниковедческую базу советского палеолитоведения, создают документальную основу для воссоздания древнейшей истории страны.

Рамки данной статьи позволили затронуть лишь некоторые итоги и направления изучения каменного века на территории СССР. Ближайшими задачами советских исследователей является дальнейшее расширение источниковедческой базы, совершенствование методических и методологических основ первобытной археологии, усиление комплексного характера исследований, обобщение и издание накопленных материалов.

- ¹ *Окладников А. П.* История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. I; Археология Украинської РСР. Київ, 1974. Ч. 1, 2; *Гусейнов М. М.* Археология Азербайджана (каменный век). Баку, 1975; *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973; *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976; *Алышбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Деревянко А. П.* Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- ² *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977; *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979; *Она же.* Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979; *Диков Н. Н.* Древние культуры северо-восточной Азии. М., 1979.
- ³ *Мирсаатов Т.* Древние шахты Учгута. Ташкент, 1973; *Касымов М. Р.* Кремнедобывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972; Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М., 1977; *Бадер О. Н.* Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978; *Заверняев Ф. М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л., 1978; *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- ⁴ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- ⁵ *Борисковский П. И., Григорьев Г. П.* Возникновение человеческого общества: Палеолит Африки. — В кн.: Палеолит мира. Л., 1977; *Коробков И. И., Ранов В. А.* Палеолит Ближнего и Среднего Востока. — В кн.: Палеолит мира. Л., 1978.
- ⁶ *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. 2-е изд. Л., 1979; *Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1979.
- ⁷ *Равский Э. И.* Осадконакопление и климаты внутренней Азии в антропогене. М., 1972; Палеоэкология древнего человека. М., 1977; *Ермолова Н. М.* Терриофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978; *Алексеев М. Н.* Антропоген Восточной Азии. М., 1978; *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.
- ⁸ *Петрин В. Т., Цейтлин С. М.* Геология и палеогеография палеолитического памятника Шикаевка. — БКИЧП, М., 1976, № 45; Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М., 1977; *Величко А. А., Грезова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.
- ⁹ *Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н.* Кешпинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья. — КСИА, 1971, вып. 126; *Любин В. П., Левковская Г. М.* Пещера Кударо III (Юго-Осетия). — МИА, 1972, № 185; *Любин В. П., Ауляев П. У., Гричук В. П., Губонина З. П., Монозон М. М.* Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1 (Прикубанье). — КСИА, 1973, вып. 137; Изучение пещер Колхиды: Цудхватская многоярусная карстовая пещерная система. Тбилиси, 1978; Кударские палеолитические пещерные стоянки в Юго-Осетии. М., 1980.
- ¹⁰ Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- ¹¹ Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: Путеводитель совместного советско-французского рабочего полевого семинара по теме: «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества». М., 1978; Le pléistocène supérieur en France: III-e colloque franco-soviétique. Dynamique des interactions entre le milieu naturel et les sociétés préhistoriques. Marseille, 1979.
- ¹² «Открытие», например, Э. Е. Фрадкимым в случайных очертаниях мустьерских и ашельских отщепов изображений древних животных (предметов палеолитического искусства). Жертвой таких заблуждений оказались некоторые журналисты (*Левитин К.* Ископаемые концепции. — Знание — сила, 1979, № 9).
- ¹³ Раскопки В. Я. Сергина.
- ¹⁴ *Бадер О. Н., Бадер Н. О.* Волчий грот, некоторые результаты его изучения. — В кн.: Исследование палеолита в Крыму. Киев, 1979.
- ¹⁵ Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины: Тезисы докл. к Всесоюз. совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костенках (20—25 августа 1979 г.). Воронеж, 1979.
- ¹⁶ *Рогачев А. Н.* Каменные орудия как исторический источник. — КСИА, 1973, вып. 137.
- ¹⁷ *Аникович М. В.* Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита. — СА, 1978, № 3; *Синицын А. А.* Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита. — Там же.
- ¹⁸ Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тезисы докл. совещания. Ташкент, 1972.
- ¹⁹ *Гладилин В. Н., Кузарчук Ю. В., Сиглиный В. И., Солдатенко Л. В., Ткаченко В. И.* Закарпатская палеолитическая экспедиция. — АО 1977 г. М., 1978, с. 312—313.

- ²⁰ *Ранов В. А., Додонов А. Е.* Периодизация и хронология палеолита Южного Таджикистана: Междунар. симпозиум по проблеме «Граница неогена и четвертичной системы». Путеводитель экскурсий. М., 1977.
- ²¹ *Гаджиев Д. В., Гусейнов М. М.* Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера). — Учен. зап. Азгосмединститута, Баку, 1970, т. XXXI.
- ²² *Векилова Е. А., Зубов А. А.* Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахтырской пещеры. — КСИА, 1972, вып. 131.
- ²³ *Ниорадзе М. Г., Векуа А. Г., Габуния Л. К., Мамацашвили Н. С.* Пещера Сакажиа. — В кн.: Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978.
- ²⁴ *Якимов В. П., Харитонов В. М.* К проблеме крымских неандертальцев. — В кн.: Исследование палеолита в Крыму. Киев, 1979; *Колосов Ю. Г., Харитонов В. М., Якимов В. П.* Находка скелетных остатков неандертальцев в Крыму. — БКИЧП, М., 1975, № 44.
- ²⁵ *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- ²⁶ *Любин В. П., Ренгарген Н. В., Черняховский А. Г., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.* Пещера Кударо I. — В кн.: Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978; *Любин В. П., Левковская Г. В.* Пещера Кударо III. — МИА, 1972, № 185; *Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М.* Цонская пещера. — В кн.: Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978.
- ²⁷ *Гусейнов М. М.* Археология Азербайджана (каменный век). Баку, 1975. На азерб. яз.
- ²⁸ Изучение пещер Кольхиды. Тбилиси, 1978.
- ²⁹ *Ниорадзе М. Г.* Пещера Ортвали. — В кн.: Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978; *Ниорадзе М. Г., Векуа А. Г., Габуния Л. К., Мамацашвили Н. С.* Пещера Сакажиа. — Там же.
- ³⁰ *Ерицян Б. Г.* Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; *Он же.* Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт I (Армения). — КСИА, 1975, вып. 141.
- ³¹ *Ауглев П. У.* Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. М., 1977.
- ³² *Колосов Ю. Г.* Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги исследования. — В кн.: Исследование палеолита в Крыму. Киев, 1979; *Он же.* Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом. — Там же.
- ³³ *Щепинский А. А.* К вопросу об ашеле в Крыму. — В кн.: Исследование палеолита в Крыму. Киев, 1979.
- ³⁴ *Кетрару Н. А.* Памятники эпох палеолита и мезолита: (Археологическая карта Молдавской ССР). Кишинев, 1973. Вып. 1; Археологические исследования в Молдавии за 1973 г. (Кишинев, 1974) и 1974 г. (Кишинев, 1975); Стародавние поселения Прикарпаття і Волині. Київ, 1974; Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М., 1977; *Анисьюткин Н. К.* Мустьерская стоянка Кетросы в Среднем Приднестровье. — БКИЧП, М., 1978, № 48; *Он же.* Работы палеолитического отряда Западно-Украинской экспедиции. — АО 1972 г. М., 1973; *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969; *Он же.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976; *Тарасов Л. М.* Раскопки в Бетове и Косице. — АО 1977 г. М., 1978; *Заверняев Ф. М.* Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. — СА, 1978, № 4; *Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* Исследование Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска. — АО 1976 г. М., 1977; *Бабер О. Н., Матюшин Г. Н.* Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале. — СА, 1973, № 4; *Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л.* Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. V; *Касымов М. Р.* Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане. — МИА, 1972, № 185; *Ранов В. А.* Шугноу многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу. — В кн.: Археологические работы в Таджикистане. М., 1973, вып. X (1970 г.); *Ташкенбаев Н. Х.* Палеолит долины Зерафшана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; *Окладников А. П., Муратов В. М., Оводов Н. Д., Фриденберг Э. О.* Пещера Страшная — новый памятник палеолита Алтая. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973; *Окладников А. П., Оводов Н. Д.* Палеолитическая стоянка в Деңисовой пещере на Алтае. — АО 1977 г. М., 1978; *Абрамова З. А., Ерицян Б. Г., Ермолова Н. М.* Новый мустьерский памятник Южной Сибири. — АО 1975 г., М., 1976; *Медведев Г. И.* Местонахождение раннего палеолита в южном Приангарье. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975, вып. 3; *Ларичев В. Е.* Искусство верхнепалеолитического поселения Малая Сыя: датировка, виды его и образы, их художественный стиль и проблема интерпретации (предварительное сообщение). — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, № 11, вып. 3, с. 104—119; *Окладников А. П., Дере-*

вянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973; *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Палеолит Амура. — Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1969, № 1, вып. 1; *Окладников А. П.* Многослойное поселение Санний мыс на р. Уде. — В кн.: Материалы полев. исслед. Дальневосточной экспедиции. Новосибирск, 1974, вып. 2; *Он же.* Варварина гора — новый памятник левалдуазского этапа палеолита за Байкалом. — АО 1973 г. М., 1974; *Константинов М. В.* Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1979; *Аксенов М. П.* Комплекс археологических памятников в районе с. Макарово на Верхней Лене. — Изв. Вост.-Сиб. отдела Геогр. о-ва, 1971, т. 68; *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии. Новосибирск, 1977; *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.

Н. Д. ПРАСЛОВ

СТОЛЕТИЕ ОТКРЫТИЯ ПАЛЕОЛИТА В КОСТЕНКАХ

28 июня 1979 г. исполнилось сто лет со дня открытия палеолита в с. Костенки на Дону. Это открытие связано с именем известного путешественника и естествоиспытателя Ивана Семеновича Полякова (1845—1887 гг.) (рис. 1). 16 июня 1879 г. в центре большого Покровского лога в с. Костенки он обнаружил в суглинке место поселения древнего человека. Вместе с костями мамонта он нашел следы костров и каменные орудия труда — «самые неопровержимые доказательства того, что здесь, как и во многих других местах, .. человек не только существовал вместе с мамонтом и охотился на него, но даже больше, он преследовал его, шел по пятам за ним»¹.

Открытие палеолита в Костенках нельзя считать случайным. Будучи энциклопедически образованным, И. С. Поляков хорошо знал об исследованиях по палеолиту в Западной Европе. В Костенки его привела идея, согласно которой следы палеолитического человека нужно искать там, где встречаются находки костей мамонта. Ученик и последователь замечательного революционера и ученого, основателя ледниковой теории П. А. Кропоткина, И. С. Поляков был убежден в том, что не только в Западной Европе, но и на территории России первобытный человек появился очень рано, в эпоху континентального покровного оледенения, во время существования мамонта.

О находках костей мамонта на Дону он знал из работы академика С. Г. Гмелина, который дважды посетил городок Костенск, в 1768 и 1769 гг., и производил там раскопки с целью проверки сведений о находках костей крупных ископаемых животных.

Многочисленные находки костей крупных ископаемых животных в Костенках были известны со времени основания городка в XVII в. По-видимому, обилие костей, встреченных во время строительства жилых землянок, и послужило причиной столь необычного названия этого населенного пункта. Об этих находках было известно неутомимому Петру I, который лично осматривал их и дал указание отправить несколько образцов в свою кунсткамеру.

Идея И. С. Полякова о сосуществовании мамонта и палеолитического человека блестяще подтвердилась в Костенках. Благодаря регулярным работам, начатым в 1922 г., советскими археологами С. Н. Замятниным, П. П. Ефименко, П. И. Борисковским и А. Н. Рогачевым здесь открыто 26 стоянок и местонахождений. Из них 10 являются многослойными. В общей сложности сейчас здесь известно около 60 разновременных и разнокультурных поселений эпохи позднего палеолита. Все они сосредоточены на ограниченной площади на правой стороне долины Дона, рас-

Иван Семенович Поляков (1845—1887 гг.)

полагаясь в логах и оврагах, разрезающих восточный склон Средне-Русской возвышенности.

Обилие палеолитических памятников в Костенках объясняется, по-видимому, благоприятными природными условиями, привлекавшими сюда первобытных охотников. Высокие меловые обрывы, сильная расчлененность рельефа, прекрасный обзор широкой долины реки с ее озерами и лугами несомненно способствовали успешной охоте на стадных травоядных животных.

Свои поселения палеолитический человек располагал в глубине логов на стрелках и мысах, образованных древними оврагами, по которым текли ручьи с чистой ключевой водой, выбегающей из-под меловых круч. С поселений открывался хороший обзор окрестностей, и в то же время они были надежно защищены крутыми склонами оврагов от холодных ветров, дующих по долине Дона и с водораздельного плато. Здесь было удобно подстерегать животных, спускавшихся с возвышенности к реке на водопой по крутым тропинкам.

Большой заслугой основателей Костенковской палеолитической экспедиции С. Н. Замятина и П. П. Ефименко является не только перечень многих находок и открытий, но и первое серьезное обоснование

главных общих идей первобытной археологии, которые живут и развиваются в современной науке о палеолите.

Открытие достоверных остатков жилищ на поселениях и больших серий разнообразных произведений палеолитического искусства, вырезанных из камня и кости, совершило коренной переворот в наших представлениях об уровне и условиях социальной жизни людей эпохи палеолита². Это обеспечило дальнейшее успешное развитие первобытной археологии в качестве исторической науки³. Благодаря замечательным открытиям, которые последовали за Костенками и в других регионах нашей страны, в конце 20-х и в 30-е годы в среде советских археологов начался творческий процесс освоения марксистско-ленинской теории первобытнообщинного строя. Советские исследователи палеолита впервые стали привлекать для дальнейшего обоснования и развития этой теории не только исторические, этнографические, но и археологические факты, полученные в процессе раскопок⁴.

Такой перестройке в значительной мере способствовали полевые работы в Костенках. Именно здесь были заложены основы новой методики раскопок палеолитических поселений и сформулированы новые методологические принципы исследования памятников. Вскрытие культурных остатков широкими площадями позволило понять поселения со всеми его многообразными связями деталей в качестве единого сложного исторического источника. Все это позволило сформировать особую костенковскую школу палеолитоведения, которая легла в основу советской школы исследования палеолитических памятников и оказывает огромное влияние на развитие первобытной археологии не только в нашей стране, но и за рубежом.

В послевоенные годы на материалах Костенок А. Н. Рогачевым в острых дискуссиях впервые было доказано существование не только хронологических, но и этнографических различий в культуре позднего палеолита⁵. Главную роль при этом сыграло изучение многослойных памятников. Одновременно сделаны выводы о решающей роли социальной среды в развитии позднепалеолитической культуры и о решающей роли стратиграфии для установления хронологии памятников. Эти выводы являются плодотворными и играют огромную роль в современных исследованиях по палеолиту. Именно они позволили преодолеть представления об одинаковых стадиях и ступенях развития техники каменного века.

Закрепить, расширить и углубить достижения Костенковской экспедиции можно лишь в процессе совершенствования методических и методологических основ исследования на базе теории исторического материализма. Об этом шла речь на Всесоюзном совещании, посвященном 100-летию открытия палеолита в Костенках.

Всесоюзное совещание проводилось в Воронеже и Костенках 20—25 августа 1979 г. Оно было организовано Институтом археологии АН СССР совместно с Комиссией по изучению четвертичного периода АН СССР и Воронежским государственным университетом. В его работе приняли участие более 100 ученых из 23 организаций различных городов нашей страны. На пленарных заседаниях, проходивших в Воронеже, было заслушано 15 докладов, посвященных главным образом проблеме изучения палеолитических памятников Костенок и стратиграфии четвертичных отложений близлежащих районов Подонья. Во время экскурсий участникам совещания были продемонстрированы результаты комплексных исследований почти на всех основных палеолитических стоянках Костенок и соседнего села Борщево.

В развернутой резолюции, принятой на Всесоюзном совещании в Костенках, отмечено, что в исследовании палеолитических памятников здесь достигнуты большие успехи, благодаря которым Костенки имеют мировое научное и культурно-историческое значение. Вместе с тем подчеркивалось, что необходимо продолжить работы по дальнейшему совершенствованию планиметрического анализа палеолитических поселений с целью

детального изучения конструкций жилищ, очагов и мест производственной и домашнехозяйственной деятельности.

Следует отметить, что многие важные вопросы историко-социологической интерпретации древних поселений рассматривались на ограниченных материалах, не имеющих достаточной полноты. За пятьдесят полевых сезонов, проведенных экспедицией, в Костенках вскрыто на всех памятниках около 7 тыс. кв. м. Наибольшая площадь (около 1800 кв. м) изучена для верхнего слоя Костенок I (или стоянки Полякова), в то время как разведывательные шурфы показывают, это поселение занимает площадь около 10 тыс. кв. м. На Костенках IV вскрыто 922 кв. м, на Борщеве 2 — 836 кв. м. Из этого перечня видно, что почти половина вскрытой площади в Костенках приходится на три памятника, которые пока тоже исследованы не полностью. Большинство же памятников известны нам по раскопанным участкам менее 100 кв. м. Поэтому начиная с 1971 г. Костенковская экспедиция по решению ученого совета ЛОИА АН СССР приступила к исследованию верхнего культурного слоя Костенок I на всей площади.

Юбилейные торжества всегда вызывают необходимость не только в подведении итогов. Они обнажают наиболее слабые места в предшествующих работах и ставят очередные задачи перед современными исследователями. Программа новых исследований Костенковской экспедиции предусматривает устранение ряда недостатков в ее прежней работе, в частности, например, в недостаточном внимании к важнейшему источнику первобытной археологии — морфологии каменных орудий. Сейчас по этой проблеме работают несколько сотрудников экспедиции. Намечено расширить, углубить и уточнить понятие комплекса органически связанных вещей, характеризующих производство и хозяйство, а также духовную и социальную жизнь людей, оставивших поселения.

Успешное решение поставленных задач невозможно без применения методов естественных наук, которые помогут в определении времени существования древних поселений и воссоздании их экологии. Накопление серии радиоуглеродных дат, данных палеозоологии, палинологии, литологии, геохимии и палеопедологии позволит уточнить многие сложные вопросы хронологии и стратиграфии Костенок — одного из главных опорных пунктов по изучению древнейшего прошлого нашей страны.

¹ Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. СПб., 1880, с. 23.

² Ефименко П. П. Значение женщины в ориньянскую эпоху. — Изв. ГАИМК, Л., 1931, т. XI, вып. 3/4.

³ Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии. — КСИА, 1978, вып. 152, с. 17—23.

⁴ Ефименко П. П. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953.

⁵ Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. — МИА, 1957, № 59.

А. Е. МАТЮХИН

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ БИФАСОВ САТАНИ-ДАРА

В течение многих лет бифасы Сатани-Дара не подвергались детальному анализу. Необходимость такого анализа в настоящее время назрела в связи с пристальным вниманием исследователей к хронологии, типологии и культурной принадлежности ашельских индустрий. В данной

статье излагаются результаты нашего исследования по технологии изготовления и типологии бифасов Сатани-Дара, хранящихся в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа¹. Согласно М. З. Паничкиной, в шельском и ашельском комплексах насчитывается 120 бифасов и 41 рубящее орудие². Нами выделено 127 бифасов. Ни одно из крупных орудий Сатани-Дара не было отнесено к категории рубящих³. Сокращение количества макроорудий произошло за счет изъятия из анализа сильно поврежденных предметов, естественных кусков обсидиана, а также нуклеусов и отщепов, ошибочно принятых ранее за орудия.

Бифасы изготовлены из обсидиановых и андезитовых отщепов (около 90—100 экз.), угловатых обломков и плитчатых кусков. Длина их колеблется от 6 до 15 см, толщина — 2—5 см. Длина же большинства изделий — 8—10 см, толщина — 2,5—3 см. Всю коллекцию макроорудий мы разделяем на две серии: 1) незаконченные бифасы (19 экз.) и 2) законченные бифасы (108 экз.). В свою очередь законченные бифасы подразделены на четыре морфотехнологические группы: а) относительно массивные бифасы с негативами крупных сколов на плоской стороне; б) бифасы, обработанные преимущественно чередующимися сколами и ретушью; в) плоские бифасы с попеременной обработкой каждой из сторон; г) плоские бифасы с предпочтительной обработкой выпуклой стороны (частичные бифасы). Негативы двух-трех крупных сколов на плоской, реже выпуклой, стороне отмечены у всех незаконченных и примерно у 15 оформленных бифасов (рис. 1, 1—3, 5—7). Эти сколы сняты с одной или двух площадок, они более или менее параллельны друг другу. Среди грубых изделий 8 экз. обработано с одной стороны, 11 — с двух сторон. Рабочие лезвия и основание у них практически не выделены. Продольные края, представляющие собой скопленные или крутые участки (в том числе и грани) исходных заготовок, имеют сильно извилистый профиль (рис. 1, 1, 5). Заметим, что именно незаконченные бифасы были отнесены М. З. Паничкиной к категории рубящих орудий⁴. У бифасов обоих типов обратная сторона обработана сколами разной величины и ретушью. У незаконченных бифасов эта поверхность обработана менее интенсивно. Что касается законченных бифасов, то их рабочие лезвия и основание оформлены сколами, а также крупной ретушью. Поверхность с крупными сколами подвергалась чаще всего незначительной обработке. Обе группы изделий представляют особый интерес, поскольку дают возможность проследить начальные стадии изготовления бифасов. По разным причинам древний мастер начинал обработку относительно массивных в сечении заготовок (в том числе и отщепов) с их первичного уплощения, а не выделения рабочих лезвий и основания⁵. В одних случаях это уплощение приводит к грубому оформлению рабочих лезвий и основания (рис. 1, 7; 2, 4), а в других носило характер специальной операции, в ходе которой контуры изделия повторяли очертания заготовки (рис. 1, 1—3, 5). Крупные отщепы снимались с ударных площадок, представляющих пологие или крутые участки, а также настоящие грани на краях заготовок. Участки граней разной величины сохранились как на незаконченных, так и на некоторых оформленных бифасах (рис. 1, 1, 5—7). Отщепы часто скалывались с одной или двух ударных площадок. На отдельных бифасах отмечены и специально подготовленные площадки. Причем перед снятием грубая поверхность выравнивалась сколами и даже крупной ретушью (рис. 1, 5). Не удивительно, что некоторые бифасы Сатани-Дара (прежде всего незаконченные) похожи на нуклеусы (рис. 1, 1—3, 5, 7). По-видимому, целесообразно считать обработку крупными сколами преимущественно плоской стороны отличительной чертой технологии изготовления бифасов Сатани-Дара. Однако на ряде изделий крупные сколы концентрируются на выпуклой стороне или на обеих сторонах (рис. 1, 4). В последнем случае речь идет о чередующейся обработке бифасов. Другие массивные в сечении бифасы (группа б) имеют различную степень выраженности формы и обработки. Продольные края

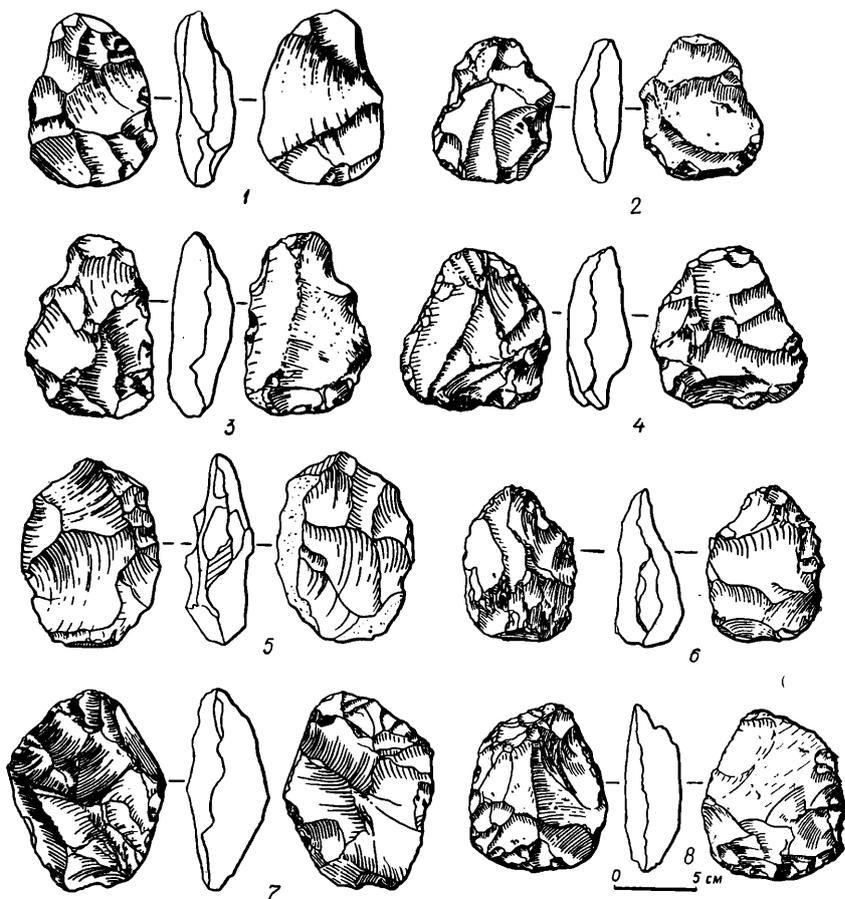

Рис. 1. Бифасы

1—3, 5—7 — незаконченные и грубые с негативами крупных сколов на плоской стороне;
4, 8 — с двусторонне утонченным основанием

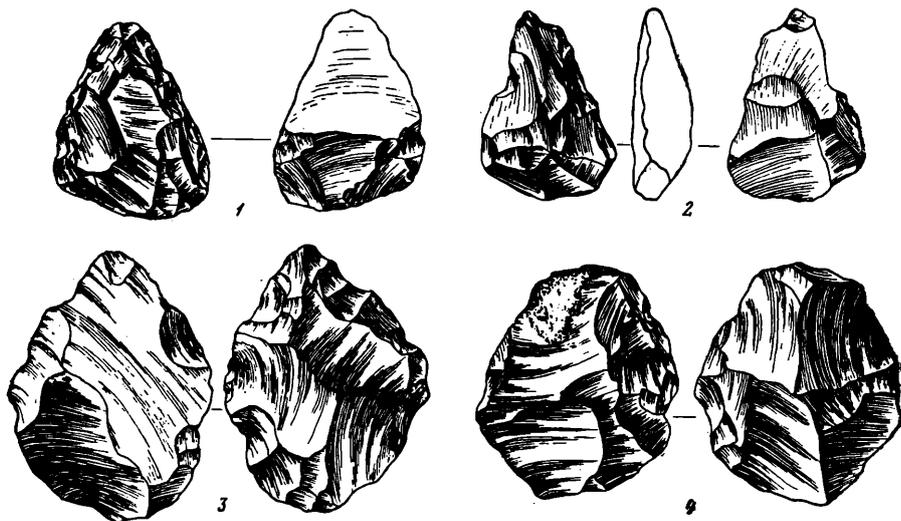

Рис. 2. Бифасы

1—3 — с преимущественной обработкой выпуклой стороны и утонченным основанием (1, 3 — ча-
стичные бифасы); 4 — с частичной отделкой одного из продольных краев

у них прямые или извилистые в профиле. Преобладают плоско-выпуклые экземпляры. Бифасов с двояковыпуклым и двоякопоским профилем меньше. Рабочие лезвия и основание оформлялись как преимущественно с одной стороны, так и чередующимися сколами и ретушью. Снятие сколов осуществлялось с одной-двух (рис. 1, 4, 6—7) или нескольких площадок (рис. 2, 4). Удлиненных негативов крупных и мелких сколов на поверхности бифасов несколько больше, чем укороченных.

Двоякопоские и плоско-слабовыпуклые бифасы (группа в) имеют прямые или слегка извилистые края. Как правило, они симметричны в плане и хорошо обработаны. Однако отмечена группа плоских бифасов с грубой обработкой и невыработанной формы. У рассматриваемых бифасов мелкими сколами и крупной ретушью обрабатывалась вначале выпуклая, а затем плоская поверхности (рис. 1, 8; 2, 2). Для изготовления таких бифасов использовались довольно тонкие отщепы с плоско-выпуклым профилем. В зависимости от рельефа исходной поверхности заготовки обрабатывались и путем чередующихся снятий. Этот прием также следует считать специфической особенностью технологии изготовления исследуемых бифасов. По своим морфотехнологическим показателям к этим бифасам близки и частичные бифасы (рис. 2, 1, 3). Среди них есть прекрасно обработанные и исключительно правильной формы экземпляры. Для их изготовления использовались главным образом андезитовые отщепы с ровной поверхностью бруска. Вначале сколами удалялись ударный бугорок и ударная площадка (или часть ее), затем обработкой выпуклой стороны оформлялись рабочие лезвия и основание. Плоская сторона впоследствии или совсем не обрабатывалась или обрабатывалась совсем незначительно с целью выравнивания продольных лезвий и основания (рис. 2, 1, 3).

Бифасы с поперечным лезвием входят во все морфотехнологические группы. Есть экземпляры, рабочий край которых выделялся одним или двумя крупными сколами на стадии первичного уплощения или на стадии черного оформления бифасов. У других он получался в результате нанесения мелких сколов и ретуши на той же стадии и в ходе их отделки. Кроме широких, имеются и узкие лезвия.

У бифасов с двояковыпуклым и двоякопоским профилем основание равномерно оформлялось крупными и мелкими чередующимися сколами и ретушью в соответствии со степенью обработанности (уплощенности) продольных краев (рис. 1, 7; 2, 4). Иначе обрабатывалось основание у бифасов с плоско-выпуклым профилем, в том числе у частичных бифасов. Вначале мелкие сколы и ретушь наносились с выпуклой, а затем с плоской стороны (рис. 1, 4, 8; 2, 1—3). Если у одних бифасов поверхность обработки получалась более или менее ровная, то у других самая нижняя часть основания скашивалась, т. е. подвергалась утончению (рис. 1, 4, 8). У некоторых бифасов наблюдается двухстороннее утончение (рис. 1, 4). Характер утончения основания тоже следует считать отличительной особенностью технологии изготовления сатанидарских бифасов.

Негативы крупных и мелких сколов, фиксируемые на поверхности бифасов, имеют различную глубину. Выделяются глубокие, полуглубокие и плоские негативы. Плоские и полуглубокие негативы нередко имеют своеобразную рельефную волну. Границы между плоскими негативами прослеживаются порой с большим трудом. Эти признаки указывают на использование при черновом оформлении бифасов мягких отбойников. На многих бифасах видны следы отделки в виде плоских и полуглубоких сколов небольших размеров, а также ступенчатой и чешуйчатой ретуши. Отделка особенно хорошо заметна на очень плоских, прежде всего частичных бифасах. У одних бифасов сколы отделки локализируются по всему периметру или на продольных краях (рис. 2, 1), у других — в зоне острия, у третьих — в зоне основания (рис. 1, 8).

Интенсивность отделки зависит от степени выраженности краев, полученных в ходе черногового оформления бифасов. Судя по рельефу и глубине сколов, а также наличию ступенчатой, полуступенчатой и чешуйчатой ретуши, отделка проводилась преимущественно мягкими отбойниками и главным образом с одной стороны.

На выпуклой поверхности некоторых бифасов, в том числе и плоских, сохранились утолщения, занимающие различную площадь (рис. 1, б). Имеющиеся на продольных краях утолщения свидетельствуют, как нам кажется, с одной стороны, о неудачном уплощении изделий, а с другой — о специальном выделении обушков. Примером удачного удаления утолщений в результате снятия крупных сколов на продольных краях и у острия могут служить бифасы грубормбовидной и груболадьевидной формы, а также бифасы с клювом и с плечиками. Наконец, некоторые бифасы с поперечным лезвием могли получиться в результате «исправления», например, сердцевидных или овальных бифасов с забитым дистальным концом (рис. 1, 8).

Морфологическая классификация бифасов проведена нами по методике Ф. Борда⁶. При выделении типов мы отдавали предпочтение тем признакам, которые выражены наиболее полно. Однако основным критерием в данном случае для нас была форма изделий. В итоге выделены следующие типы бифасов: треугольные (3), треугольные с пяткой (1), треугольные удлинённые (3), подтреугольные (4), сердцевидные (17), сердцевидные удлинённые (1), сердцевидные частичные (6), сердцевидные с пяткой (1), сердцевидные с обушком (1), подсердцевидные (7), подсердцевидные частичные с обушком (1), подсердцевидные частичные (2), миндалевидные (5), миндалевидные короткие (2), миндалевидные частичные (1), овальные (12), овальные с обушком (1), копьевидные (1), фикроны (2), дисковидные (3), дисковидные частичные (1), с поперечным лезвием (6), с поперечным лезвием и обушком (2), с поперечным лезвием частичные (1), частичные (2), с необработанным основанием (1), колуны на отщепах (1), ладьевидные с обушком (1), бифасы с обушком (8). Среди бифасов, входящих в группу «разные», можно выделить бифасы ромбовидные атипичные (1), ромбовидные атипичные с обушком (1), частичные с вогнутыми продольными краями (1), с плечиками (3), с плечиками частичные (2), с клювом (3), незаконченные бифасы (19).

Среди сердцевидных бифасов много типичных форм. Менее выражена форма овальных бифасов. В группе бифасов с обушком основной элемент (обушок) представлен главным образом ровной или слегка скошенной необработанной гранью. Лишь в редких случаях обушок обработан мелкими сколами или ретушью. Очень возможно, что некоторые бифасы классических форм, бифасы с обушком, а также бифасы из группы «разные» являются на деле незаконченными изделиями. Кроме фиксации общей формы бифасов, нами проведен учет существенных морфологических и технологических признаков, которые, по мнению автора, указывают на вероятные функции, специфику технологического процесса, а также археологический возраст. Это такие признаки, как длина и угол заострения всех рабочих лезвий и основания, характер рельефа обработанной поверхности, очертания продольных краев в плане и профиле, толщина всех лезвий и основания, длина участков, обработанных мелкими сколами и ретушью, соотношение обработанной и рабочей частей на продольных краях и др.⁷ Предварительные подсчеты показывают, что у многих бифасов угол заострения лезвий колеблется в пределах 50—60°. Такой же угол заострения имеет и основание у некоторых бифасов. У них рабочие лезвия выражены по всему периметру. Значителен процент бифасов с прямыми и слегка извилистыми в профиле продольными краями.

По преобладанию плоских бифасов комплекс Сатани-Дара сближается с позднеашельскими комплексами Палестины, и прежде всего Ум-

Катафы (слои Д₁—Д₂), Майян-Баруха, Еврона, Киссуфина⁸. Напротив, в среднеашельских памятниках, таких как Джиср Банат Якуб, Ум-Катафа (слой Е), преобладают микокские, копьевидные, миндалевидные бифасы и колуны. Согласно Ф. Борду, сердцевидные и овальные бифасы характерны для позднего ашеля, а в мустье преобладают бифасы сердцевидные и треугольные⁹. Принимая во внимание высокий процент в индустрии Сатани-Дара плоских бифасов и почти полное отсутствие бифасов копьевидной формы и лимандов, а также совершенную технологию обработки и высокие функциональные характеристики, целесообразно датировать основную часть макроорудий этого памятника заключительной порой позднего ашеля. Совсем недавно аналогичная точка зрения была высказана В. П. Любиным¹⁰. Правда, он допускает и среднеашельский возраст некоторых бифасов, в частности бифасов с необработанным основанием. Не исключено, что часть бифасов относится уже к мустьерскому времени. Таким образом, мнение о шелльском или раннеашельском возрасте Сатани-Дара в настоящее время едва ли правомерно.

¹ В статье широко используются данные экспериментов по изготовлению бифасов, проведенных автором.

² Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950, с. 29—46.

³ Сам термин «рубящее орудие» с точки зрения типологической номенклатуры представляется нам нелогичным.

⁴ Паничкина М. З. Указ. соч., с. 27—55; Она же. Шелльский комплекс палеолитического местонахождения Сатани-Дар. — МИА, 1953, № 39, с. 26—28.

⁵ Матюхин А. Е. Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Л., 1977, с. 8—11.

⁶ Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961, t. 1, p. 57—70.

⁷ Матюхин А. Е. Указ. соч., с. 16.

⁸ Bar-Josef O. Archaeological Occurrences in the Middle Pleistocene of Israel. — In: After the Australopithecines. Chicago, 1975, p. 590.

⁹ Bordes F. Op. cit., p. 75.

¹⁰ Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. — В кн.: Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов»: Тезисы пленарных докл. М., 1977, с. 3—4.

Ю. А. СМЕРНОВ

МУСТЬЕРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ (Вариант постановки вопроса)

Мустьерские погребения — источник, постоянно привлекающий внимание многих исследователей и долгие годы подвергающийся достаточно пристальному изучению. К настоящему времени в этой области отечественной и зарубежной наукой уже достигнуты немалые результаты: во многом выяснены и уточнены датировки как давно известных, так и недавно открытых памятников; отдельные погребения соотнесены с выделенными типами мустьерских индустрий; заново определено стратиграфическое положение некоторых скелетных остатков, обнаруженных еще в начале XX в., выявлены и критически оценены формы обрядов большого числа захоронений. Но, несмотря на все эти успехи, погребения эпохи мустье до сих пор остаются источником, изученным еще совершенно недостаточно.

Возможно, поэтому широко распространенным является хрестоматийное мнение, что мустьерские погребения разительно отличаются от верхнепалеолитических. Мысль о разительном контрасте высказывалась неоднократно, ее можно найти практически в любой работе, решающей за-

дачу сопоставления мустьерских и верхнепалеолитических погребений. Новейшие исследования в этой области тоже как будто подтверждают существование определенных различий¹. Но так ли они контрастны, как это принято полагать, и в чем действительно скрыты реальные разграничительные линии — в основополагающих характеристиках обрядов или в их деталях? Какой характер они имеют, качественный или количественный?

Изучение данных, полученных в результате новых открытий, и пересмотр некоторых старых материалов, позволяют поставить под сомнение или даже снять большую часть доводов, приводимых в пользу гипотезы о существовании резко выраженных различий между погребениями среднего и верхнего палеолита.

В наиболее развернутом виде мысль о «разительном контрасте в характере захоронений мустьерской и верхнепалеолитической эпох» была высказана в конце 30-х годов С. Н. Замятниным, который, сравнивая имевшиеся в его распоряжении данные, выдвинул 11 основных доводов в пользу существования подобных различий².

I. «Однородный характер мустьерских погребений, выдерживающийся на протяжении от Франции до Палестины». К этому тезису на сегодняшний день имеется уже несколько поправок: 1) в Европе преобладают захоронения детей, а на Ближнем Востоке — взрослых; 2) в Европе преобладают погребения, у которых руки полностью согнуты, и погребения, у которых ноги согнуты наполовину, а на Ближнем Востоке картина обратная; 3) в Европе погребальный инвентарь встречается чаще и он разнообразнее, чем на Ближнем Востоке³; 4) в Европе чаще встречаются мужские погребения, чем женские, а на Ближнем Востоке число мужских и женских погребений примерно одинаково⁴.

II. «Мустьерские погребения всегда связаны с местами поселений». Тезис об отсутствии в мустье случаев вынесения погребения за пределы поселения почти бесспорен. Действительно, до сих пор нет ни одной находки человеческих костей за границами поселения, которая бы считалась преднамеренным мустьерским погребением. Но все же две поправки в этот тезис внести можно. Во-первых, поправку на огромный процент случайности обнаружения подобных погребений (и для верхнего палеолита такие находки являются исключением). А во-вторых, учитывая, что одним из основных (если не основным) признаков преднамеренности мустьерского погребения признается полнота представленных костных остатков (в особенности если нет других показателей), следует отметить, что достаточно комплектные костные остатки палеоантропов, обнаруженные вне поселений, известны. Так, одними из относительно полно представленных являются, к примеру, остатки знаменитого неандертальца из Неандертала, случайно найденные в 1856 г. в отложениях пещеры Фельдгофер, не имевшей культурных наслоений⁵.

III. Отсутствие в мустье явно выраженных могильных ям. Этот тезис в предложенной С. Н. Замятниным формулировке имеет не совсем ясный характер. Он полагал, «что углубления, в которых они (мустьерские погребения. — Ю. С.) иногда бывали обнаружены, как искусственные, так и естественные, не носят характера могильной ямы» и что раскопанный, скажем, в Ферасси «ряд подобных неглубоких ям, не связанных ни с какими погребениями и весьма правдоподобно объясняемых как «спальные ямы», мог бы, по его мнению, служить подтверждением этого довода. Но, во-первых, на поселении любая яма, в которой зафиксировано погребение, по презумпции должна признаваться могильной, пусть даже и во вторичном использовании. А во-вторых, если этот аргумент С. Н. Замятина сохранить в силе, то он будет тождественным и для верхнепалеолитических погребений, да и для еще более поздних погребений, совершенных на поселении. Здесь, видимо, следует прежде всего учитывать семантическую нагрузку подобного сооружения в конечной его функции. Что же касается самих ям, то они выявлены: Киик-Коба⁶,

Ля Шапель-о-Сен⁷, Ля Ферасси⁸, Ле Мустье II⁹, Рок де Марсаль¹⁰ и Кафзех XI¹¹.

IV. Отсутствие перекрытий над погребенными. В раскрытии этого тезиса у С. Н. Замятнина заключено некоторое противоречие. С одной стороны, он высказывал мысль о маловероятной засыпке землей погребенного, против которой, с его точки зрения, свидетельствовала «незначительная скорченность скелетов», а с другой — писал: «Покойник, по-видимому, помещался в неглубокой (спальной) яме или на поверхности... и в таком виде оставлялся; в некоторых случаях, может быть, прикрывался каким-либо сооружением из ветвей и камней...». Вероятно, этот вопрос следует ставить несколько иначе, хотя бы в целях более планомерного сравнения. Но прежде следует принять во внимание, что существует чисто логическая в своей основе гипотеза, согласно которой все дошедшие до нас мустьерские костяки были как-то перекрыты, ибо только при этом условии они и могли сохраниться относительно полно, как, впрочем, и все остальные погребения, с которыми сталкиваются археологи в процессе раскопок. Другое дело искусственный или естественный характер имело подобное перекрытие. Оползень, обвал ли «похоронил» обнаруженного индивидуума, или он был захоронен преднамеренно, в результате осознанных акций, в определенных случаях ведущих к созданию над умершим искусственных перекрытий. При этом необходимо учитывать, что характер искусственно созданных перекрытий (покрытий) достаточно разнообразен: встречаются жесткие и пластичные перекрытия, одноэлементные и многоэлементные, многоэлементные однородные и разнородные и т. д.; они могут полностью перекрывать (накрывать) покойника или погребальное сооружение, но могут перекрывать и частично; более жесткие элементы иногда дополняют пластичные и т. п. И в этом отношении мустьерские погребения практически не отличаются от верхнепалеолитических: 1) три камня над костяком Ферасси I и плита с чашечными углублениями (наряду с грунтовым заполнением) над черепом Ферасси VI, наполовину перекрывавшая и могильную яму (прим. 8); естественная ниша, частично окруженная известняковыми блоками, в Шанидар IV, VI, VII, VIII¹²; отдельные блоки известняка среди грунтового заполнения могильной ямы в Кафзехе XI (прим. 11); 2) грунтовое заполнение могильных ям Киик-Коба I (прим. 6), Ферасси V (прим. 8), Шапель-о-Сен (прим. 7), Рок де Марсаль (прим. 10) и др.; наполовину грунтовое, наполовину очажное заполнение могильных ям Ферасси III и IV (прим. 8); 3) грунтовая засыпка (могильные ямы либо отсутствуют, либо не прослежены) погребенных Киик-Коба II (прим. 6), Тешик-Таш¹³, Староселье¹⁴, Табун и Схул¹⁵ и многих других; 4) покрытие из камней и грунта с остатками кострищ в виде холма над костяком в Регурду¹⁶; 5) насыпи из камней над погребенными Шанидар I и II (прим. 12); 6) грунтовой холмик, полностью перекрывавший могильную яму Ферасси V (прим. 8). Более того, следует помнить (ожидать), что в некоторых случаях возможно присутствие элементов, менее долговечных, чем перечисленные, типа шкур, ветвей и т. п., следы которых в виде разнообразного тлена при тщательных раскопках иногда фиксируются: белый тлен вокруг стоп погребенного Киик-Коба I (прим. 6).

V. Отсутствие в мустье коллективных захоронений. Этот тезис в настоящее время можно снять благодаря открытиям последних десятилетий. Прежде всего их следует связывать с пересмотром старых антропологических коллекций, давшим несколько неожиданные результаты. В начале 50-х годов, кажется впервые, появилось сообщение о том, что среди неопределенных костей взрослых субъектов, обнаруженных в Спи в 1886 г., имелись скелетные остатки, диагностированные как кости ребенка, видимо находившегося с одним из взрослых погребенных и незамеченного авторами раскопок¹⁷. А в начале 70-х годов Л. Хейм, изучая костные остатки ферассийцев, среди костей, принадлежавших

15-дневному ребенку из погребения Ферасси IV, выявил кости еще одного младенца, собственно даже не младенца, а почти зрелого зародыша¹⁸. Интересный в этом смысле материал дали и ближневосточные памятники. Так, по-видимому, парное погребение было открыто в Кафзехе еще в начале 30-х годов Р. Невилем, который среди прочих раскопал два лежавших вплотную друг к другу костяка взрослых субъектов (Номо VI, VII), а в 1967 г. Б. Вандермеерш там же раскопал, вероятно, еще одно парное погребение взрослого и ребенка (Номо IX, X)¹⁹. Возможно, коллективное погребение, принадлежавшее мужчине, двум женщинам и ребенку (№ IV, VI, VII, VIII), но развернутое не по горизонтали (как это чаще всего бывает), а по вертикали, было раскопано Р. Солецки в Шанидаре в 1960 г. (прим. 12).

VI. Отсутствие сильно скорченных костяков. «В мустье, — писал С. Н. Замятин, — скорченность скелетов незначительна, расположение костей... не позволяет говорить о связывании...» Однако, во-первых, сильная скорченность костяка — не всегда результат связывания умершего (которого, кстати, могли связывать и в вытянутом положении), так как для достижения сильной скорченности вполне достаточно узкой и короткой могильной ямы. И, во-вторых, сильная скорченность, по крайней мере в области нижних конечностей, отмечена в погребении Ферасси II (прим. 8); среднескорченные погребения — явление широко распространенное в среднем палеолите: на спине — Шпель-о-Сен (прим. 7), Ферасси I (прим. 8), Схул V (прим. 15); на боку — Амуд I²⁰, Шанидар IV (прим. 12) и многие другие; на «животе» — Схул IV (прим. 15) и, видимо, Ле Мустье I²¹. А поза погребенного из Рок де Марсаль дает пример совершенно особой позиции. Там, судя по положению костяка, у погребенного, располагавшегося на правом боку, были подрезаны сухожилия в районе тазобедренных суставов и бедренные кости, вывернутые назад, занимали неестественное положение по отношению к тазу и позвоночнику, составляя с последним угол в 135°, при этом нижние конечности были естественным образом согнуты в коленных суставах под углом 90° (прим. 10).

VII. Отсутствие вытянутых на спине костяков. Сейчас такие костяки известны и в мустье: Староселье (прим. 14), Шанидар I (прим. 12). В качестве же примера переходной формы от слабоскорченной на спине позы к вытянутой можно назвать позицию костяка в погребении Таун I (прим. 15), а той же переходной формы, но на боку, вероятно, положение взрослого кийк-кобинца (прим. 6).

VIII. Отсутствие расчлененных погребений. Имеющиеся на этот счет материалы позволяют снять и данный тезис. Прежде всего, по-видимому, можно говорить об обряде отчленения черепов: череп погребенного Ферасси VI, лишенный лицевого скелета и нижней челюсти, находился в 1,25 м к юго-востоку от остатков посткраниального скелета (прим. 8). Существование этого обряда может, вероятно, подтверждаться и находками только посткраниальных остатков — Кийк-Коба II (?) (прим. 6) и Заскальная 6 — I (?)²² — или, наоборот, находками отдельных черепов при полном отсутствии посткраниальных скелетов (см. ниже). Но, пожалуй, самый интересный в этом плане образец дает детское погребение Схул I, которое, по всей видимости, было неверно описано и интерпретировано автором раскопок Т. Д. Мак-Коуном, утверждавшим, что все обнаруженные кости лежат в естественном соотношении, как если бы ребенок был погребен в скорченной (коленипреклоненной) позе на левом боку (прим. 15). Однако это описание практически полностью расходится с приводимым там же чертежом. При детальном его рассмотрении проявляется как раз неестественное в анатомическом отношении положение костей погребенного и в первую очередь ребер и костей таза по отношению друг к другу и костям конечностей, которые тоже располагаются совсем неестественно. (К сожалению, отсутствие в публикации детального описания или по крайней мере фотогра-

фии не позволяет с точностью судить о взаиморасположении всех обнаруженных костей, не дает возможности сделать окончательный вывод об обряде. Тем не менее уже сейчас есть основание говорить либо о наличии здесь почти полностью расчлененного, а возможно, и эскарнированного покойника, либо об обряде перезахоронения уже разложившегося трупа.)

IX. Отсутствие захоронений отдельных черепов. Этот тезис тоже не безусловен, поскольку в мустьерских слоях практически целые черепа и их фрагменты являются достаточно частой находкой даже по отношению к другим находкам человеческих останков²³. К несчастью, большинство их либо обнаружены случайно и случайными людьми и обстоятельства находок, а также обстановка, их сопровождавшая, видимо, так и останутся неизвестными или они встречены в таких почвенных условиях, которые не давали подобную обстановку проследить (если, конечно, она существовала). Но известно местонахождение, где такая обстановка все же была зафиксирована: Монте Чирчео I — на полу грота среди кольцеобразного сооружения из камней находился человеческий череп²⁴.

X. Отсутствие в мустьерских погребениях «несомненного» погребального инвентаря (орудия труда и украшения). При решении вопроса о присутствии инвентаря, в частности орудий труда, в погребении, обнаруженном в культурном слое, подавляющим большинством исследователей учитывается элемент случайности. Вероятность случайного попадания в захоронение различных предметов, в том числе и предметов из культурного слоя, при совершении и в особенности при завершении обряда погребения действительно должна приниматься во внимание для всех находок такого рода, но только с некоторыми оговорками. Например, необходимо учитывать размеры того или иного предмета относительно размеров погребального сооружения, ибо процент случайного попадания крупных предметов (скребел, острокопечников), скажем, в детское погребение, совершенное в маленькой ямке, должен быть, вероятно, гораздо меньшим, чем процент случайного попадания небольшого отщепы в просторную могильную яму. Не следует забывать и о местонахождении обнаруженных предметов, и о взаиморасположении останков погребенного и «сопровождающего» инвентаря. Приняв эти поправки, обратимся к конкретному материалу. В погребении Ферасси V в ямке 40×32 см над скелетными остатками недоношенного младенца находились три крупных скребла, располагавшиеся плашмя и ориентированных одинаково — вдоль длинной оси могильной ямы; в погребении Ферасси IV в наиболее глубокой и узкой части ямы, где находился скелет трехлетнего ребенка, прямо на его костях располагались два скребла и один острокопечник; в очажной части заполнения могильных ям погребений Ферасси III и IV обнаружены кремневые орудия, «не обожженные в зольном слое» (прим. 8). К числу возможных свидетельств такого рода могут быть отнесены и те случаи, когда в погребениях орудия были найдены в непосредственном соприкосновении со скелетом или поблизости от него: Шапель-о-Сен — скребло у ноги и другие орудия в могильной яме (прим. 7); Ле Мустье I — острокопечник и скребло у левой руки (прим. 21); Регурду — нуклеус, отщепы и скребло среди камней и грунта, покрывавших костяк (прим. 16); Схул IV — скребло подле кистей рук (прим. 15); Шанидар I — кремневый отщеп у левого плеча (прим. 12); Амуд I — кремневые орудия на костяке (прим. 20) и некоторые другие. К тому же существование ряда безынварных погребений наряду со снабженными инвентарем в пределах одного памятника (и однокультурных), кажется, может представить некоторые дополнительные обоснования для пересмотра тезиса об отсутствии «несомненного» погребального инвентаря в мустьерских погребениях, так как в подобном случае мы сталкиваемся с вполне типичным для множества погребальных обрядов явлением — снабжение захорани-

ваемых инвентарем, происходящее по избирательному принципу; и мустьерские погребения ничего атипичного в этом плане собой не представляют. Факт отсутствия украшений тоже требует некоторых уточнений. Первое заключается в том, что украшения в виде самых разнообразных подвесок и нашивных бляшек, широко представленные в верхнепалеолитических погребениях, — такая категория предметов, которая в мустье практически не встречается, так что ожидать ее в мустьерских погребениях вряд ли приходится. Второе уточнение касается наличия в рассматриваемых погребениях объектов изобразительной деятельности человека, т. е. предметов, на которых имеются какие-то орнаментальные мотивы или принимаемые нами за таковые. А подобные предметы в мустьерских погребениях известны: плита с чашечными углублениями из погребения Ферасси VI и кость с нарезками, обнаруженная сбоку от погребенного Ферасси I (прим. 8).

XI. Отсутствие в среднепалеолитических погребениях охристой засыпки. Этот довод до сих пор не ставит под сомнение ни одна из известных находок — в мустьерских погребениях охристая засыпка отсутствует. Но факт нахождения охры, точнее, кусочков песчаника, сильно насыщенного железом, в погребении Шапель-о-Сен (прим. 7) и, кажется, кусочков охры в обычном понимании (хотя «охр» вообще огромное количество), обнаруженных с погребенными Ферасси I (прим. 8) и Кафзех XI (прим. 11), при некоторой натяжке могут служить уточнением к данному тезису. И еще один момент: смысловое значение охристой засыпки, о содержании которого мы можем только догадываться, могло проявиться и в акте «засыпки» погребенного Шанидар IV ворохом цветов, некоторые родственные виды которых до сих пор известны в Загросских горах Ирака и используются местными жителями как лекарственные растения (прим. 12). Впрочем, этот акт в какой-то степени может быть интерпретирован не только с символической, но и с утилитарной («напутственная пища»?) и с эстетической («украшения»?) точек зрения. Но это всего лишь предположение.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что все вышеизложенное — только набросок, во многом, видимо, требующий исправлений и дополнений. Это скорее некоторое число точек отсчета, через которые можно провести лишь общий, но все же достаточно определенный контур.

Различия между погребениями среднего и верхнего палеолита, насколько это удалось показать, вероятно, имели в основном количественный, а не качественный характер. Однако не исключено, что наиболее контрастные различия скрыты в каких-то еще не проанализированных деталях обрядов.

Но отсутствие одноплановых описаний делает крайне затруднительным даже сравнение мустьерских погребений между собой, не говоря уже о сравнении всех палеолитических погребений. В связи с этим большинство существующих по данной проблеме выводов следует считать предварительными.

¹ Binford S. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and the Upper Paleolithic. — *Southwestern Journal of Anthropology*, 1968, v. 24, N 2, p. 139—154; Harrold F. B. Jr. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia. Chicago, Illinois, 1974, p. 1—63.

² Замятнин С. Н. Палеолитические погребения: Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961, с. 29—34.

³ Binford S. Op. cit., p. 143—144.

⁴ Harrold F. B. Jr. Op. cit., p. 31.

⁵ Библиографию по данному источнику см.: Oakley K. P., Campbell B. G., Mollison T. I. Catalogue of Fossil Hominids. London, 1971, part II, p. 198—199.

⁶ Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Клик-Коба. — В кн.: Палеолит Крыма. М.; Л., 1940, вып. I; Он же. Кисть ископаемого человека из грота Клик-Коба. — В кн.: Палеолит Крыма. М.; Л., 1944, вып. II; Он же. Скелет стопы и голени из грота Клик-Коба. — В кн.: Палеолит Крыма. М.; Л., 1954, вып. III.

- ⁷ *Bouyssonie A. et J., Bardon L.* Découverte d'un squelette humain moustérien à la Bouffia de La Chapelle-aux-Saint (Corrèze). — *L'Anthropologie*, 1908, t. 19, p. 513—518; *Idem.* La station moustérienne de la «Bouffia» Bonneval à La Chapelle-aux-Saint. — *L'Anthropologie*, 1913, t. 24, p. 609—634.
- ⁸ *Peyrony D.* La Ferrassie. — *Préhistoire*, 1934, t. III, p. 1—92.
- ⁹ *Peyrony D.* Le Moustier, ses gisements, ses industries, ses couches géologiques. — *Revue Anthropologique*, 1930, t. 40, p. 48—76, 155—176.
- ¹⁰ *Bordes F., Lafille J.* Découverte d'un squelette d'enfant mousterien dans le gisement du Roc de Marsal, commune Campagne du-Bugue (Dordogne). — *Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Sciences*, 1962, t. 254, N 4, p. 714—715.
- ¹¹ *Vandermeersch B.* Une sépulture moustérienne avec offrandes découverte dans la grotte de Qafzeh. — *Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Sciences*, 1970, t. 270, N 2, p. 298—301.
- ¹² *Solecki R. S.* Shanidar. The First Flower People. New York, 1971.
- ¹³ *Окладников А. П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. — В кн.: Тешик-Таш. М., 1949, с. 7—87.
- ¹⁴ *Формозов А. А.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. — *МИА*, 1958, № 71.
- ¹⁵ *Garrod D. A. E., Bate D. M. A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, v. 1.
- ¹⁶ *Bonifay E.* Un ensemble rituel moustérien à la grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne). — In: 6th International Congrès Préhistoriques et Protohistoriques des Sciences. Rome, 1962, p. 136—140.
- ¹⁷ *Boule M., Vallois H. V.* Les Hommes fossiles. Paris, 1952, p. 41, 208.
- ¹⁸ *Heim J.-L.* Les Néandertaliens en Périgord. — In: La Préhistoire Française. Paris, 1976, p. 578—583.
- ¹⁹ *Vandermeersch B.* Récentes découvertes de squelettes humains à Qafzeh (Israël): essai d'interprétation. — In: The origin of Homo sapiens. Paris, 1972, p. 49—54.
- ²⁰ *Suzuki H., Takai F.* The Amud man and his cave. Tokyo, 1970.
- ²¹ *Замятин С. Н.* Мустьерские погребения: Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961, с. 38; *Klaatsch H., Hauser O.* Homo mousteriensis Hauseri. — *Archiv für Anthropologie*, 1909, t. 7, h. 4, p. 287—297.
- ²² *Колосов Ю. Г.* Белая Скала. Симферополь, 1977.
- ²³ Это обстоятельство и привело к появлению гипотезы о существовании в палеолите вообще и в мустье в частности культа черепов. См.: *Wernert P.* Le Culte des Crânes à l'Époque Paléolithique: Histoire Générale des Religions. Paris, 1948, v. 1.
- ²⁴ Библиографию по данному источнику см.: *Oakley K. P., Campbell B. G., Molleson T. I.* Op. cit., p. 237—238.

Г. Н. МАТЮШИН

О ВРЕМЕНИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА НА УРАЛЕ

Одной из труднейших проблем первобытной археологии является выяснение характера хозяйства в каменном веке и в особенности определение времени появления элементов производящего хозяйства. Иногда мнение о том или ином виде хозяйства устанавливается только по аналогии. Например, принято считать, что в неолите во всей лесной и лесостепной зоне СССР, в том числе и на Урале, господствовало присваивающее хозяйство, однако лишь в последние годы на ряде поселений позднего каменного века Южного Урала и Предуралья найдены остатки фауны, впервые позволяющие обоснованно судить о характере хозяйства в данном регионе в неолите и энеолите.

В Южном Предуралье кости животных найдены на четырех поселениях позднего каменного века. Из них два — Бельское II и Месягутово I — однослойные, два других — Давлеканово и Муллино — многослойные. На стоянке Бельское II присутствует керамика развитого неолита с гребенчатой орнаментацией, сопровождающаяся соответствующим кремневым инвентарем¹. Костей животных, доступных для определения, 57 от 16 особей. Из них 63,1% — кости домашних животных,

35,9% — диких. Преобладает крупный рогатый скот — 35,06%, за ним следует лошадь — 28,07%. Из диких представлены: косуля — 28,07%, олень — 5,2%, лось — 3,5%. На поселении Мясегутово I также преобладает гребенчатая керамика, но имеются и сосуды, орнаментированные прочерченными линиями². В кремневом инвентаре Мясегутово I довольно много изделий из ножевидных пластин и орудий с двусторонней обработкой, среди фаунистических остатков преобладают кости лошади.

Более полно раскопаны поселения Давлеканово и Муллино 2, где прослежена довольно четкая стратиграфия (рис. 1). На Давлеканово³ вскрыто 508 кв. м. Неолитический слой представлен главным образом керамикой с гребенчатым орнаментом и кремневым инвентарем. Сверху этот слой перекрыт энеолитическим слоем (агидельская культура), который в свою очередь перекрыт слоем абашевско-срубной культуры.

В. И. Цалкиным и А. Г. Петренко определено всего 2304 кости от 284 особей. Из них из неолитического слоя происходят 312 костей от 64 особей, из агидельского — 348 костей от 50 особей и остальные — из слоя эпохи бронзы и железа (170 особей). Кости домашних животных в неолитическом слое составляют 67,5%, в агидельском — 52,78% и в слое эпохи бронзы и железа — 83,1%. В неолитическом слое представлены лошадь — 42,3%, крупный рогатый скот — 16,7% и мелкий рогатый скот — 5,4%. В слое с материалами агидельского типа общее количество костей домашних животных несколько уменьшается, но соотношение видов животных меняется мало: кости лошади здесь также занимают преобладающее положение — 36,77%, далее идет крупный рогатый скот — 13,6% и мелкий рогатый скот — 8,5%. Иное соотношение животных в слое абашевско-срубной культуры. Число лошадей здесь

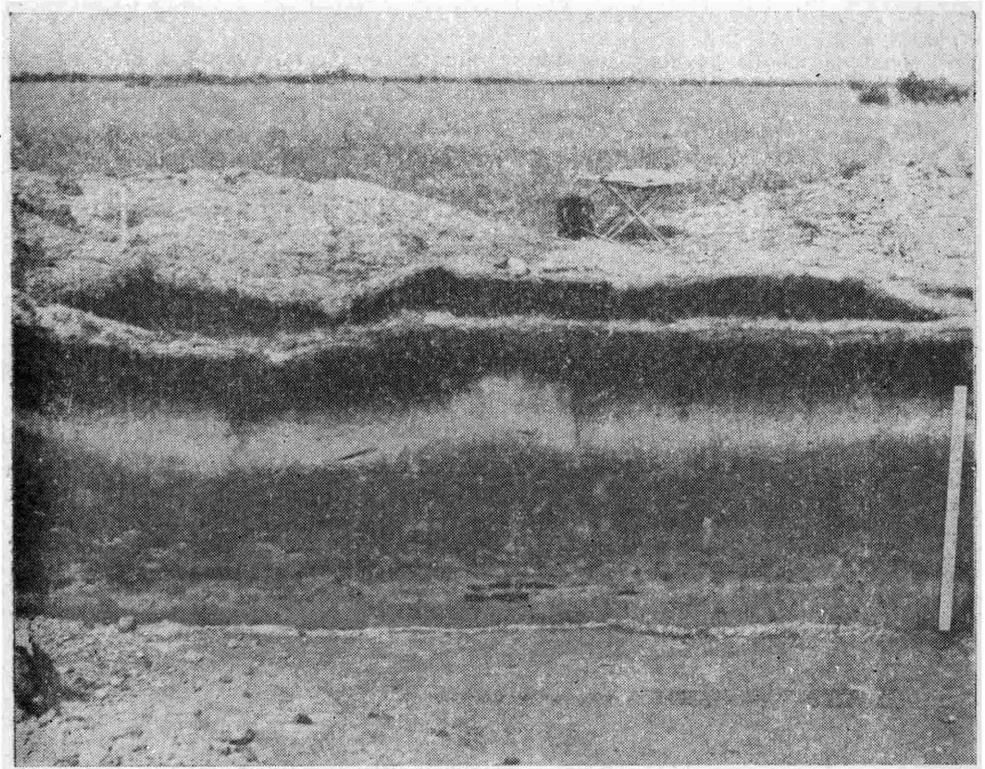

Рис. 1. Стратиграфия Муллино

I — черный слой с остатками керамики гаринско-борского и левшинского типа; II — белый слой — агидельская культура; III — бурый слой под агидельским — неолит; IV — глина — мезолит

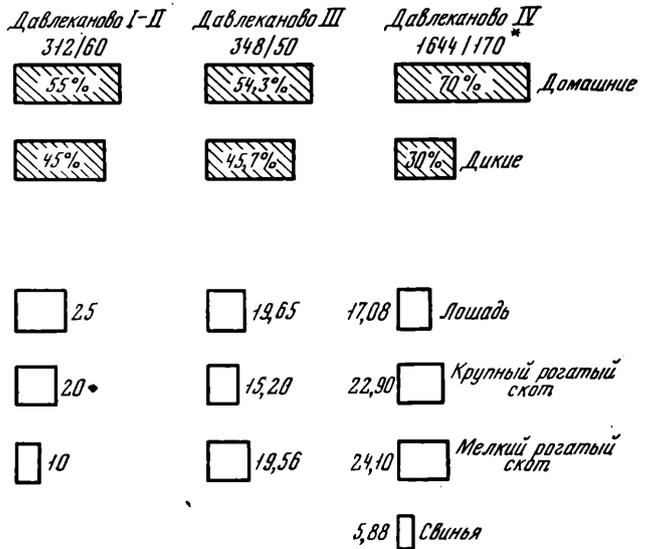

Рис. 2. Диаграмма состава фауны на поселении Давлеканово

Давлеканово I—II — мезолит и неолит; Давлеканово III — агидельская культура; Давлеканово IV — абашевско-срубный слой. Процентное соотношение домашних и диких видов показано по особям.

* В числителе общее количество костей, в знаменателе — число особей

уменьшается более чем в 2 раза по сравнению с неолитическим и составляет всего лишь 20%, но зато в 2,5 раза увеличивается количество крупного рогатого скота — 18,8% (рис. 2). В слое эпохи бронзы впервые появляются свиньи, которые ни в одном из памятников неолита и энеолита на Урале и в Предуралье не встречаются.

На поселении Муллино 2 (вскрыто 437 кв. м) в отличие от Давлеканово отсутствует слой с материалами эпохи бронзы. Неолитический и энеолитический слои четко отделяются друг от друга. Костей животных здесь несколько больше, но их состав практически мало отличается от Давлекановского.

В Южном Зауралье и на восточном склоне Южного Урала костные остатки прослежены на девяти памятниках неолита и энеолита. Из них один памятник чисто неолитический (Суртанды III), четыре (Юбилейное, Банное II, Суртанды VIII и Карабалыкты VIII) — однослойные памятники суртандинской культуры и на четырех (Мурат, Березки, Суртанды VI и Суртанды VII) поселениях представлены как неолитические, так и энеолитические материалы.

Кости животных на Южном Урале представлены в меньшем числе, хуже и их сохранность, но повторяемость состава фауны на большем числе памятников позволяет и для этой территории высказать некоторые предположения о характере хозяйства в эпоху неолита и энеолита. На однослойной стоянке Суртанды III определимой оказалась лишь одна кость. На однослойном поселении суртандинской культуры Банное II определено 10 костей, на аналогичном поселении Юбилейное — 6 костей (от двух особей), на Суртанды VIII — 5 (от двух особей.) На поселении Березки определены 32 кости, не считая материалов раскопок 1976 г., которые находятся еще в работе. На поселении Мурат определимых костей оказалось 15 (от пяти особей). Как и в Предуралье, здесь также преобладают кости домашних животных.

На восточном склоне Южного Урала, как и в Предуралье, наиболее многочисленны кости лошади: Банное II — 90%, Березки — 68,5, Мурат — 66,7, Суртанды VI — 60, Суртанды VII — 33,3%. Причем в памятниках с неолитическими материалами процент костей лошади меньше. Кости лошади, однако, не найдены на двух однослойных памятниках суртандинского типа: на Юбилейном, где 66,6% составляет крупный рогатый скот и 33,4% мелкий рогатый скот и на Карабалыкты VIII, где определимой оказалась всего одна кость (крупного рогатого скота). Костей лошади нет и на неолитическом поселении Суртанды III (1)

Т а б л и ц а

Предварительные данные о соотношении костей животных на неолитических и энеолитических памятниках Урала

Название памятника	Количество костей*	Лошадь	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Собака	Лось	Северный олень	Олень
Мурат	15/5	66,7	26,7					
Суртанды VII	6/3	33,3	33,3			33,3		
Суртанды VI (3)	5/2	60				40		
Суртанды VIII	5/2	80				20		
Суртанды III (1)	1/1					100		
Карабалыкты VIII	1/1		100					
Банное II	10/2	90					10	
Юбилейное	6/2		66,6	33,3				
Березки	32/4	68,5	9,3	12,5		9,3		
Давлеканово I—II **	312/64	42,3	16,7	5,4		25,3		
Давлеканово III	354/48	36,7	13,6	8,57	0,3	34		
Бельская II	57/16	28,07	35,06			3,5		5,2
Давлеканово IV	1644/170	20	41,1	18,8	0,06	14,1		

* В этой графе числитель обозначает количество костей, а знаменатель — количество особей.

** В Давлеканово, в отличие от других памятников, римскими цифрами обозначены культур-

(здесь найдена всего одна кость лоса). Довольно значительна и доля крупного рогатого скота: Юбилейное — 66,6%, Суртанды VII — 33,3%, Мурат — 26,6%, Березки — 9,3%. Мелкий рогатый скот представлен в меньшем числе, но на отдельных памятниках довольно заметен. Так, на Юбилейном он составляет 33,4%, на Березках — 12,5%.

Из диких животных на восточном склоне Южного Урала представлены олень (Банное II — 10%), козуля (Мурат — 6,6%). Абсолютно преобладает среди диких лось (Суртанды VII — 33,3%, Суртанды VI — 40%, Суртанды VIII — 20%, Березки — 9,3%, Суртанды III — 100%). Более разнообразен состав диких животных в Предуралье: бобр, козуля, и заяц представлены почти во всех памятниках, реже встречается медведь (Давлеканово III), барсук (Давлеканово III), куница или соболь (Давлеканово III), крот (Давлеканово III, Бельское II), сурок (Давлеканово II), лиса (Давлеканово IV). Птица представлена в Давлеканово III, рыбы — сом и щука — в Давлеканово II и Давлеканово III (таблица).

Вряд ли можно сомневаться в правильности отнесения палеозоологами костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота к домашним видам. Даже если допустить, что кости лошади относятся к диким видам, то мелкий рогатый скот, как и крупный, в диком виде здесь никогда не водился, в силу чего он является надежным индикатором наличия домашнего скотоводства на Южном Урале и в Предуралье еще в неолите. Что же касается лошади, то видный палеозоолог В. И. Цалкин категорически отрицал возможность отнесения ее к диким формам. Он писал: «Мы не видим оснований считать костные остатки лошадей, встречающиеся в неолитических и энеолитических поселениях Юго-Восточной Европы, принадлежащими именно диким животным... более правильно рассматривать их как происходящие уже от домашних особей»⁴. Распространено мнение, что дикие лошади обитали в южнорусских степях, в том числе и в Предуралье. Еще недавно некоторые называли их тарпанами, другие — лошадьми Пржевальского. В связи с этим В. И. Цалкин писал, что изучение размеров и структурных особенностей хорошо сохранившихся костей из раскопок неолитических и энеолитических памятников показывает, что они обычно значительно крупнее одноименных костей лошади Пржевальского и заметно отличаются от них своей массивностью.

Косуля	Медведь	Барсук	Куница	Бобр	Заяц	Крот	Свинья	Сурок	Лиса	Выдра	Волк	Птица	Рыба
6.7													
0,3				1,6	0,3			0,7				1,6	2,6
0,3	0,3	0,3	0,3	3,4	0,8							0,3	0,8
28,07													
0,4				1,5	0,6	0,1	2,02		0,06	0,06	0,06	0,54	0,12

В других графах указана доля (в %) от количества костей. ные слои, а не наименование памятника.

Сложнее обстоит дело с тарпаном. Различия в абсолютных размерах костей конечностей тарпана и лошадей из неолитических и энеолитических памятников выражены даже сильнее, чем с лошадью Пржевальского. Но, отмечая это обстоятельство, нельзя забывать об удручающей скудости наших знаний относительно остеологических особенностей так называемого южнорусского тарпана, посткраниальный скелет которого известен всего в одном экземпляре.

Не потеряло значение мнение Д. А. Анучина⁵ о том, что лошади, свободно жившие вплоть до второй половины прошлого века в южнорусских степях, не представляли собой исконно дикой формы, а возникли в результате вторичного одичания ранее домашних лошадей. Популяции таких одичавших лошадей достаточно хорошо известны: они существуют в настоящее время в Западной Европе, Австралии, т. е. везде, где не подвергаются энергичному истреблению. Существовали они и в очень суровых условиях Восточной Сибири. Истории древних племен наших европейских степей и природные условия страны несомненно создавали вполне благоприятную ситуацию для возникновения и существования подобных популяций одичавших лошадей.

Кости животных известны на всех поселениях линейно-ленточной керамики, бояна, триполья, воронковидных клубков, ямной культуры, но нигде лошадь не составляет большинства, только в неолите и энеолите Южного Урала она преобладает. Все это позволяет допускать, что ее одомашнивание могло происходить либо здесь, либо в близких регионах. В. И. Цалкин считал, что «аридные степи крайнего юго-востока Европы и Заволжья были той естественной средой, в которой могла успешно протекать domestикация лошади»⁶.

Обращаясь к истокам домашнего животноводства, В. И. Цалкин писал, что «в свете приведенных данных решительно нет возможности рассматривать животноводство у неолитических и энеолитических племен Юго-Восточной Европы как явление, возникшее и родившееся только на местной основе. Дикие предки коз и овец вообще никогда не были распространены на этой территории... Единственный вид сельскохозяйственных животных, одомашнивание которого в Юго-Восточной Европе или на сопредельных ей территориях не вызывает, по-видимому, сомнений, — это лошадь»⁷.

До сих пор Урал выпадал из областей раннего распространения производящего хозяйства. Последние данные свидетельствуют, что и на Южном Урале домашние животные появились также довольно рано, не позднее неолита. В пользу этого говорит не только дата по C^{14} , но и стратиграфия. На стоянке Березки, например, культурный слой с костями домашней лошади и другими был перекрыт слоем гравия атлантического времени⁸.

Не исключено, что идея производящего хозяйства проникла в Прикаспий и Южный Урал еще в мезолите⁹. Об этом говорит, в частности, распространение здесь геометрических микролитов ближневосточного типа (тип А1). Думается, что только допущением проникновения идеи производящего хозяйства в Европу в мезолите (вместе с геометрическими микролитами) можно разрешить противоречие между тем, что, с одной стороны, европейское производящее хозяйство на 85% связано с животными и растениями привозного ближневосточного типа, а с другой — имеются несомненные генетические связи европейского неолита с местным мезолитом и перерывы преемственности развития культур между палеолитом и мезолитом. Данное предположение хорошо объясняет и тот факт, что в континентальных областях Европы трапеции типа А1 и сопутствующий им инвентарь встречаются очень редко.

Развитой характер скотоводства в ямной культуре Волжско-Уральского междуречья заставляет предполагать определенную адаптацию скотоводства к довольно своеобразным и относительно суровым условиям Приуралья и Зауралья во время, предшествующее ямному. Не исключено, что одним из очагов такой адаптации были неолитические и энеолитические племена Южного Урала и Предуралья, обитавшие в степной и лесостепной зоне этого обширного региона.

О времени возникновения скотоводства в степной и лесостепной зоне Южного Урала и Предуралья данных пока еще мало. Имеется лишь одна дата по C^{14} , полученная по материалам из нижнего слоя поселения Березки, — 5400 г. до н. э.

¹ Раскопки автора, палеозоологические определения В. И. Цалкина.

² Раскопки Ю. А. Морозова, определения В. П. Данильченко.

³ Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. — СА, 1970, № 4; *Он же*. Давлеканово IV — новое поселение эпохи бронзы в Южном Предуралье. — КСИА, 1975, вып. 142, с. 79—84.

⁴ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, с. 201.

⁵ Анучин Д. Н. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России. — Журнал Министерства народного просвещения, 1896, июнь, июль.

⁶ Цалкин В. И. Указ. соч., с. 203.

⁷ Там же, с. 266.

⁸ Матюшин Г. Н., Красновская Л. В., Куйбышев А. В., Рыжов Ю. Ф. Южно-уральская экспедиция. — АО 1972 г., 1973, с. 180—182.

⁹ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

Г. Ф. КОРОБКОВА

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ХОЗЯЙСТВЕ КЕЛЬТЕМИНАРСКИХ ПЛЕМЕН

В последние годы археологическая наука пополнилась новыми открытиями памятников кельтеминарской культуры, ныне получившей название кельтеминарской культурной общности, распадающейся на ряд родственных локальных культур¹. Полученная новая информация внесла

определенные коррективы в наше представление о ее носителях. Соответственно увеличение количества материалов и обогащение информативной базы позволяет в настоящее время перейти от общей характеристики к конкретно-историческому изучению кельтеминарских племен. В ходе такого изучения выявляется сложная картина сосуществования и взаимодействия различных локальных вариантов кельтеминарской культурной общности. Аналогичная сложная картина вырисовывается и в хозяйственной жизни кельтеминарских племен.

Проблема хозяйства кельтеминарских племен в специальных работах не рассматривалась. Вместе с тем общая характеристика его была дана в работах С. П. Толстова². Хозяйство оценивалось как присваивающее, в котором основную роль играли охота, собирательство и рыболовство. По мнению А. В. Виноградова, наиболее важное место в экономике занимало рыболовство и охота на водоплавающую птицу. Объяснение этому он видит в неблагоприятном характере природных условий, соответствующих условиям обводненной местности³. Исследователь допускает также, что на позднем этапе охота на крупных млекопитающих пустынь приобретает большее значение⁴. В одной из последних работ А. В. Виноградова красной нитью проходит мысль об отсутствии новых данных для изучения хозяйства кельтеминарцев⁵. Очень интересную мысль о характере хозяйства кельтеминарских племен в свое время высказал А. А. Формозов. Ссылаясь на разницу в экологических условиях расположения стоянок, он сделал совершенно справедливый вывод, что не все обитатели пустынных и степных районов Средней Азии были в равной степени охотниками, рыболовами и собирателями⁶. Доказательством тому служит состав и характер каменного инвентаря, часть которого (материалы Кавата 7, Кызылқырской стоянки, махандарьинских комплексов, верхнеузбойских памятников) была изучена трасологическим методом⁷. Результаты этого анализа показали, что исследуемые индустрии ярко отражают черты архаических видов хозяйств с некоторыми элементами новой экономики. В настоящее время можно говорить о сложном характере хозяйства кельтеминарских племен, отличающемся в ряде районов определенными локальными особенностями. Обратимся к их конкретной характеристике.

На основании геоморфологических и палинологических данных известно, что долина Узбоя в древности представляла собой зеленый оазис, где произрастали пихта, сосна, береза, ольха, дуб, бук и орешник⁸. В зарослях водилось много диких животных, лес давал топливо и строительный материал. Воды Узбоя и примыкающих к нему озер изобиловали рыбой и водоплавающей птицей. К сожалению, остеологические остатки на узбойских стоянках отсутствуют, поэтому конкретные объекты охоты и рыболовства здесь пока не известны. Имеется лишь предположение, что обитатели окрестностей Узбоя и побережья озер были охотниками и рыболовами⁹. Данные трасологического анализа орудий труда с верхнеузбойских стоянок показали, что эти орудия принадлежали высокоспециализированным охотникам на крупных и мелких животных, владевшим совершенным оружием в виде составных копий и дротиков, луков и стрел. Помимо прямых свидетельств наличия здесь охоты, имеется ряд косвенных доказательств, указывающих на функционирование домашних производств, связанных с переработкой продуктов охоты: разделки туш животных, обработки шкур, шитье одежды и изготовление различной домашней утвари. Вполне возможно также, что в хозяйстве узбойской группы племен значительную роль играло рыболовство, орудиями которого являлись тоже составные копья и дротики, использовавшиеся в данном случае как гарпуны.

Таким образом, данные геоморфологии и трасологических исследований орудий труда с учетом их статистической обработки свидетельствуют о том, что на Узбое прослеживается охотничье-рыболовческий тип хозяйства.

Охотничье-рыболовческо-собирабельское хозяйство было установлено для обитателей Акчадарьинской дельты. По данным определения ихтиологических остатков с Джанбас-кала 4 объектами рыбной ловли были щука, сазан и сом, кости которых составили 86% от числа найденных рыбьих костей. Обнаружены также остатки жерева, леща, язя, судака и других рыб¹⁰. На наличие рыболовства указывают и находки каменных и керамических грузил, свидетельствующие о применении сетей и взрослых роли рыбного промысла. Они обнаружены в Джанбасе 4, 11, Кавате 7, Мамуре 4, Джингельды 6¹¹. Не исключена добыча рыбы и с помощью составных гарпунов, о чем свидетельствуют многочисленные ножевидные вкладыши, в том числе со скошенным верхним концом.

Основной отраслью хозяйства являлась и охота. Среди остеологических остатков В. И. Громыным определены кости птиц и диких животных (кабана, оленя, косули)¹². Оружием охоты служили, как и на Узбое, вкладышевые копы и дротики, лук и стрелы. В рамках рыболовческо-охотничьего хозяйства собирательство, по-видимому, являлось вспомогательной отраслью. О нем имеются весьма скудные сведения: находки скорлупы яиц водоплавающих птиц, раковин наземных и пресноводных моллюсков в Джанбасе 4, 11, 12¹³. Исследователями отмечаются единичные орудия, связанные с собирательством: обломки зернотерок (Джанбас 4, 11, 12, Кават 7, Джингельды 6) и курантов (Кават 7), которые могли употребляться для растирания съедобных растений.

Таким образом, дошедшие до нас сведения о хозяйстве кельтеминарских племен, обитавших на территории современного Хорезма, свидетельствуют о заметном архаизме, проявлявшимся в сохранении отраслей хозяйства предшествующей эпохи: рыболовства, охоты и собирательства. Однако уже на раннем этапе кельтеминара зафиксированы косвенные свидетельства существования новой отрасли производящей экономики — скотоводства. Об этом говорят находки керамических дисков с отверстием в центре, интерпретируемых иногда как грузила, которые по своим размерам и форме близки аналогичным изделиям среднего и позднего периодов джейтунской культуры. Функции их определены трапезологическим методом. Использование этих изделий в качестве пряслиц подтверждается в настоящее время и экспериментальными данными, полученными И. Л. Чернаем. Как правило, пряслица появляются лишь с возникновением овцеводства, дающего необходимое сырье для изготовления тканей¹⁴. Подобные диски обнаружены в нижнем слое Джанбас 4 наряду с костяным пряслицем, о котором известно из дневниковых данных¹⁵. Много керамических дисков найдено в Кавате 7, Джингельды 6. Аналогичное изделие обнаружено в погребении 7 кельтеминарского могильника Тумеккичиджик¹⁶. Все это позволяет предполагать, что в недрах присваивающей экономики кельтеминарских племен появились зачатки производящего хозяйства — скотоводства. По мнению А. В. Виноградова, кельтеминарцы смогли перейти к скотоводству только во второй половине III тысячелетия до н. э.¹⁷ Нам представляется, что этот процесс произошел значительно раньше, во всяком случае еще в раннем кельтеминаре, о чем свидетельствуют остатки крупного и мелкого рогатого скота, известные на позднекельтеминарских памятниках¹⁸. Как известно, domestикация животных охватывает значительный отрезок времени; и если в позднем кельтеминаре мы встречаемся с уже одомашненными особями, то начало их приручения следует относить к более раннему времени. Аналогичную точку зрения высказали и В. М. Массон¹⁹, и М. А. Итина, ссылавшаяся на поздненеолитический материал северовосточного Приаралья²⁰.

Таким образом, в районе Хорезма в эпоху неолита развивалось комплексное хозяйство, носящее в основе присваивающий характер, но в его недрах уже вызревали зачатки экономики производящего типа. Это в основном рыболовческо-охотничий тип хозяйства с подсобной ролью собирательства и, возможно, скотоводства.

Близкую экономику рисуют памятники низовьев Зеравшана, где, с одной стороны, по определению Н. К. Верещагина, сохранились остатки диких животных (джейран, лошадь, свинья, олень, косуля), птиц и рыб (щука, сазан, сом и др.), а в Учащи 131 кости дикого быка. С другой стороны, здесь имеются вкладыши жатвенных ножей, использовавшиеся для срезания окультуренных злаков (Большой Тузкан 12, 20, 21, Малый Тузкан 1—3). На Кылыкырской стоянке эти орудия составляют довольно высокий процент — 11%, свидетельствуя о значительной роли земледелия в хозяйстве ее обитателей²¹. В неолитическую эпоху, по-видимому, земледелие уже широко практиковалось в низовьях Зеравшана, о чем говорят повсеместные находки вкладышей серпов и каменных утяжелителей, использовавшихся для насадки на палки-копалки (Большой Тузкан 30, Малый Тузкан 2). Однако последние по недоразумению отнесены У. И. Исламовым к категории грузил. Идентичные орудия найдены в джейтунских памятниках среднего этапа — Монджуклы-депе и Гадыми-депе, функции их установлены трасологическим и подкреплены экспериментальными методами²². При этом нужно подчеркнуть, что форма и размеры как утяжелителей, так и жатвенных ножей обнаруживают полное тождество с джейтунскими изделиями. Это дает возможность предполагать, что рассматриваемые орудия появились в тузканских комплексах не без влияния южных соседей²³. Кроме того, в памятниках Махан-Дарьи известны зернотерки и песты, которые вполне могли применяться как для растирания съедобных корней, так и для окультуренных злаков.

На наличие здесь земледелия еще в неолитическую эпоху указывают и косвенные данные. Так, в заманбабинской культуре, распространенной в низовьях Зеравшана и возникшей на основе неолитической культуры Тузкана, одной из ведущих отраслей хозяйства являлось земледелие, базировавшееся на лиманном способе орошения²⁴. Как известно, от зарождения земледелия до его превращения в основную отрасль проходит длительный период времени. В этой связи можно предполагать, что оно имело место на данной территории значительно раньше и появилось у заманбабинцев от их неолитических предков.

Таким образом, результаты исследования каменного инвентаря, остеологических и ихтиологических остатков, расположения тузканских стоянок, анализа генетических связей с заманбабинской культурой свидетельствуют о наличии в низовьях Зеравшана в пору неолита сложного комплексного присваивающе-производящего хозяйства. Последнее можно охарактеризовать как охотничье-рыболовческо-земледельческое, в котором земледелие играло хотя и не главную, но уже заметную роль.

О хозяйстве обитателей Лявлякана известно, что в его основе лежали охота и рыболовство и предположительно скотоводство. Однако прямых доказательств этому пока нет²⁵. Как косвенные свидетельства наличия там скотоводства могут фигурировать находки керамических пряслиц-дисков в Лявлякане 26 и 120/1.

Такова конкретная картина хозяйства кельтеминарской культурной общности. Несмотря на отсутствие новых фаунистических и флористических данных, уже сейчас на основании трасологического анализа орудий труда, процентных соотношений групп орудий, связанных прямо или косвенно с отраслями хозяйства, использования результатов известных исследований остеологических и ихтиологических остатков, данных геоморфологического и палинологического изучения можно констатировать разнообразие хозяйственных комплексов кельтеминарских племен. Как в джейтунской культуре Средней Азии, шомутепинской Кавказа, трипольской северо-западного Причерноморья²⁶, так и внутри кельтеминарской общности, пока еще, правда, во многом предположительно, намечаются контуры хозяйственной вариабельности. Интересно также подчеркнуть, что намечаемые нами хозяйственные варианты совпадают с культурными. Последнее обстоятельство заставляет думать, что эти явления

взаимосвязаны и взаимообусловлены. Не исключено, что хозяйственные различия явились одним из факторов, оказавших определенное влияние на возникновение локальных различий культурного порядка.

- ¹ *Массон В. М.* Кельтеминарская культура. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 133; *Виноградов А. В.* О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. — КСИА, 1970, вып. 122, с. 35; *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан: Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. — МХЭ, М., 1975, вып. 10, с. 263—274.
- ² *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 60; *Он же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 55—74.
- ³ *Виноградов А. В.* К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. — СЭ, 1957, № 1, с. 44, 45.
- ⁴ *Виноградов А. В.* Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. — МХЭ, М., 1960, вып. 4, с. 79.
- ⁵ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. — МХЭ, М., 1968, вып. 8, с. 135.
- ⁶ *Формозов А. А.* Микролитические памятники азиатской части СССР. — СА, 1959, № 2, с. 57.
- ⁷ *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 158, с. 173—191; *Коробкова Г. Ф., Юсупов Х. Ю.* Хозяйство неолитических племен Верхнего Узоя. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 5, с. 82—85.
- ⁸ *Кесъ А. С.* Происхождение Узоя. — ИАН СССР. Сер. геогр., 1952, № 1, с. 21; *Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения.* — МХЭ, М., 1960, вып. 3, с. 288, 291 и сл.
- ⁹ *Игина М. А.* Памятники первобытной культуры Верхнего Узоя. — ТХЭ, М., 1958, т. II, с. 308.
- ¹⁰ *Никольский Г. В., Радаков Д. В.* К истории ихтиологической фауны Средней Азии. — Зоолог. журнал, 1946, т. XXV, вып. 1, с. 61—75; *Никольский Г. В., Радаков Д. В., Лебедев В. Д.* Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбакакала. — ТХЭ, М., 1952, т. I, с. 204—212.
- ¹¹ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., с. 45, 46, 119.
- ¹² *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 60.
- ¹³ *Там же; Виноградов А. В.* Кельтеминарская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957, с. 11; *Он же.* Неолитические памятники..., с. 46.
- ¹⁴ *Коробкова Г. Ф.* К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 208—209.
- ¹⁵ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., с. 42, 45.
- ¹⁶ *Вайнберг Б. И.* Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г., 1973, с. 476.
- ¹⁷ *Виноградов А. В.* К вопросу..., с. 45.
- ¹⁸ *Толстов С. П.* По следам..., с. 77.
- ¹⁹ *Массон В. М.* Поселение Джейтун — МИА, 1971, № 180, с. 122.
- ²⁰ *Игина М. А.* История степных племен южного Приаралья (II—начало I тысячелетия до н. э.). — ТХЭ, М., 1977, т. X, с. 173.
- ²¹ *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда..., с. 123.
- ²² *Лоллекова О.* Хозяйство неолитических племен юга Туркмении в свете экспериментально-грасологических данных: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979, с. 12.
- ²³ *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда..., с. 179.
- ²⁴ *Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледения в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, с. 171.
- ²⁵ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан..., с. 262.
- ²⁶ *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ (к постановке проблемы). — УСА, Л., 1972, вып. 1.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. СИНИЦЫН

О КРЕМНЕВОМ ИНВЕНТАРЕ СТОЯНКИ
КОСТЕНКИ XVI (УГЛЯНКА)

Совместная встречаемость в пределах одного поселения определенного набора орудий и технических приемов, использованных для их получения, а также и отсутствие других позволяет предположить, что их сочетание неслучайно и, следовательно, можно рассматривать комплекс инвентаря поселения не только как набор категорий, классов, типов или других таксономических единиц группировки орудий, но и как определенное единство, сущность которого не сводится к простой совокупности (перечислению) классификационных групп вещей, а является чем-то большим за счет упорядоченности таксонов. Речь идет о тех связях, которые из набора вещей делают комплекс, придают набору орудий вид логической целостности, системности.

Естественно, возникает вопрос, насколько целесообразно такое представление инвентаря поселения и что нового оно может дать по сравнению с погрупповым описанием. Во-первых, представляется, что, не имея понятия о совокупности орудий поселения как едином целом, не только нельзя ответить на вопрос, почему в одном случае представлен один набор орудий и технических приемов, а в другом — другой, но и нельзя ответить на вопрос, каким образом происходит это сочетание. Во-вторых, никогда нельзя забывать, что до нас доходит только небольшая часть орудий, функционировавших в живой человеческой культуре, и какие-то типы вещей, имевшие определенное значение в жизни, могут попросту не дойти до исследователя. Если же принять во внимание, что многие стоянки сохранились или исследованы не полностью, а только на отдельных участках и притом есть факты, свидетельствующие о зональности распределения материала на площади поселения¹, то этот аспект исследования становится очень значимым, и любое актуальное суждение о характере инвентаря может попросту оказаться неверным. Если же мы будем иметь представление о инвентаре как о целостности, то, вероятно, и сможем предполагать, что еще можно ожидать на этом поселении, какие категории и классы орудий необходимы тому или иному комплексу для логической завершенности.

Сущность понятия целого состоит в его непрерывности. С другой стороны, это целое состоит из эмпирически дискретных объектов (вещей или типов), совокупность которых формально (т. е. исходя из их собственного проявления) нельзя представить как нечто однородное. Поэтому на эмпирическом уровне представляется возможным единственный путь к представлению совокупности орудий как целостности — путь через выявление показателей, присутствующих на большинстве (понимаемом не количественно, а качественно) вещей комплекса. Конкретные формы изменчивости таких показателей на фоне изменения других морфологических показателей в принципе могут обеспечить раскрытие того конкретного способа упорядоченности материала, который определяется пониманием его совокупности как непрерывного единства.

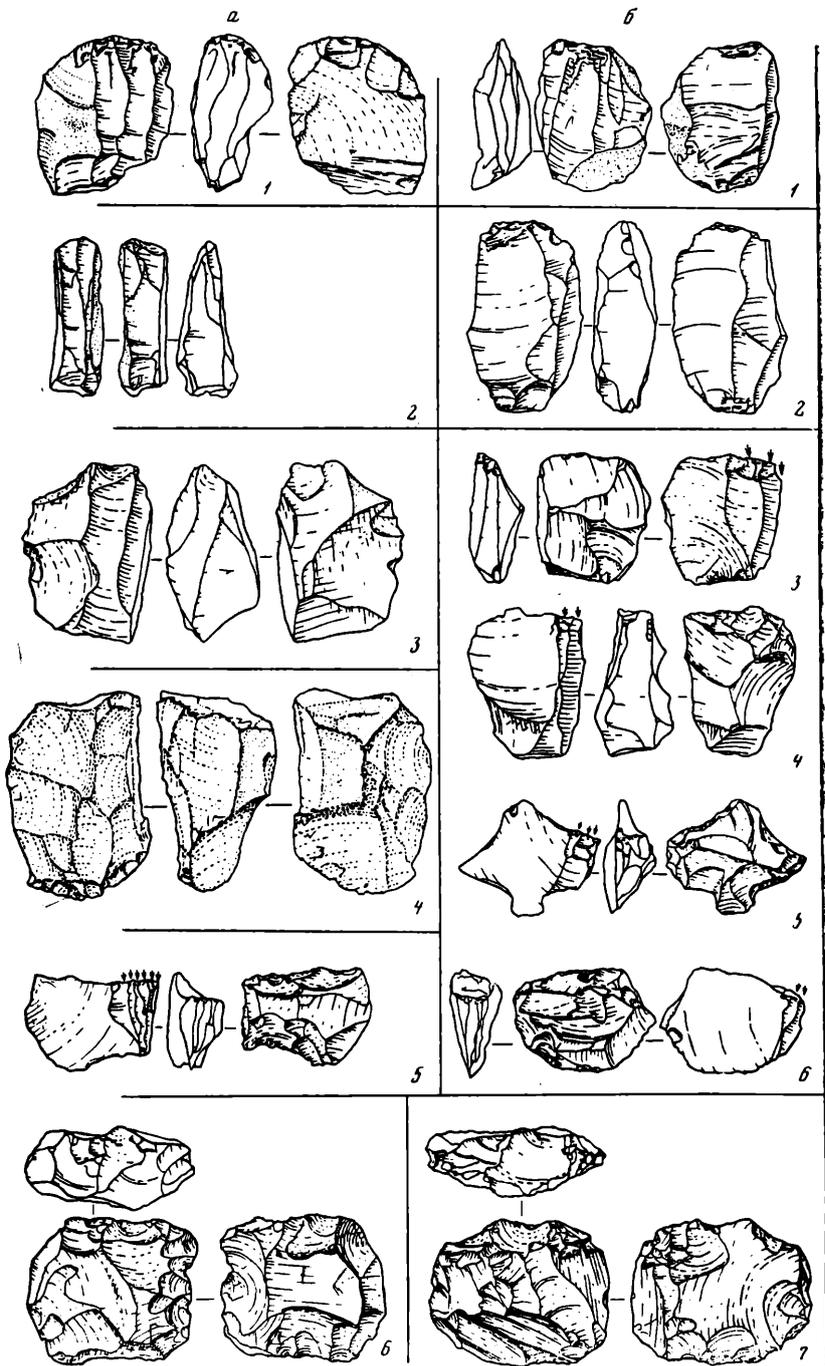

Рис. 1. Схема упорядоченности кремневого инвентаря Костенок XVI

В коллекции кремневого инвентаря Костенок XVI наиболее общим морфологическим показателем, присутствующим на вещах разных типов и категорий, представляется принцип концевого или краевого противопоставления двух лезвий, образованных одно- или двусторонними сколами разной морфологии, часто чешуйчатыми с заломами и заусенцами, или противопоставление такого лезвия специально неподработанному краю, но сильно забитому в процессе утилизации, или излому. Широкая вариабельность форм лезвия и разнообразие технических средств, использованных для их оформления, а также разнообразие размеров, форм за-

Продолжение (рис. 1)

готовок и номенклатурных категорий орудий, на которых этот принцип выявляется, позволяет признать его основным для поставленной задачи. Этот показатель является определяющим для орудий типа *pièce esquillée* или *écaillée*, но только именно как принцип, поскольку уже с момента выделения этого класса изделий в 1906 г. отмечалась их технико-типологическая неоднородность². Вероятнее всего, разнообразие проявления принципа чешуйчатого долотовидного оформления лезвия не является целиком результатом намеренного формообразования, но, скорее всего, следствием технических условий создания и утилизации разных орудий. По-

что все исследователи сходятся в том, что таким приемом является серия прямых ударов «по вертикально стоящему орудью, упирающемуся на твердое основание»³. Взаимодействие удара и контрудара и образует при этом характерные признаки долотовидного орудия.

В связи с тем, что в коллекции Костенок XVI следы ударно-контрударной техники присутствуют на типологически разных орудиях и в разных проявлениях, главным представляется вопрос о характере этой изменчивости: являются ли различия дискретными, образующими четко отличающиеся друг от друга группы, или они выражают постепенность, непрерывность вариационного ряда, не выходя за рамки случайных отклонений. Для этого кажется целесообразным внутри выделяемого технического принципа попытаться выделить крайние варианты его морфологического проявления. Таковыми представляются типичные уплощенные чешуйчатые долотовидные орудия подчетыреугольной формы (рис. 1, *в—д*, 1—3) и вторичные нуклеусы торцового скалывания (*а*, 5; *б*, 3—6).

Чешуйчатые долотовидные орудия (*в—д*, 1—3) изменяются: а) в направлении увеличения массивности орудий параллельно с изменением характера уплощающих сколов в сторону их регулярности, удлинения и параллельности (*б*, 1, 2) вплоть до отделения пластинок с подготовленной площадки, но в зависимости от положения плоскости скалывания одна тенденция ведет к получению нуклеусов плоского скалывания (*а*, 1, 2), другая — торцового (*б*, 4); б) в направлении увеличения размеров орудий, сопровождающегося увеличением аморфности чешуйчатых сколов, что, вероятнее всего, можно связать с утилизацией. Чаще всего этот показатель выявляется на орудиях типа скребел (*е*, 1—3); в) в сторону изменения ориентации скалывания по пути сближения уплощающих чешуйчатых сколов с торцовыми (*е*, 4).

Вторичные торцовые нуклеусы на отщепах с плоскостью скалывания, ориентированной поперечно длинной осью орудия (*а*, 5; *б*, 5, 6), изменяются а) по мере уплощения плоскости скалывания и изменения ее ориентации от поперечной к продольной, параллельно с исчезновением специально подготовленной для снятия сколов площадки (*б*, 3) — к массивным долотовидным орудиям типа клиньев (*б*, 2) и далее — к нуклевидным орудиям плоского скалывания (*б*, 1); б) в сторону увеличения уплощенности и аморфности сколов при сохранении поперечной ориентации плоскости скалывания (*б*, 6, 7) вплоть до орудий типа нуклевидных скребел (*а*, 6). Параллельно ряду *б*, 1—7 изменяется ряд собственно нуклеусов (*а*, 1—6), варибельность которых идет от нуклеусов плоского скалывания, с которых отделялись пластинчатые заготовки (*а*, 1, 2), через сочетающие плоское и торцовое скалывание (*а*, 3) и собственно клиновидные торцовые формы (*а*, 4) снова к уплощению плоскости скалывания (*а*, 5) вплоть до орудий, у которых снятие плоских сколов служило, вероятнее всего, не получению заготовок, а уплощению лезвия (*а*, 6); в) по мере изменения ориентации уплощенно-торцовых сколов от поперечной оси орудия (*б*, 5, 6) к скошенной (*е*, 5) и продольной (*г*, 5), наряду с изменением характера заготовки от отщепа к пластине образуется плавный ряд перехода вторичных торцовых нуклеусов (*а*, 5) в боковые резцы (*г*, 5—7). Характер подготовочной для снятия резцового скола площадки довольно вариабелен, вплоть до типично скербкового лезвия (*г*, 6), а само положение фасетки резцового скола имеет тенденцию к постепенному уплощению вплоть до совершенно плоского (*д*, 7). Так же постепенно длинные уплощающие сколы переходят в чешуйчатые (*е*, 7—5) и далее в совсем аморфные, образованные в процессе утилизации (*е*, 4). При этом противоположный чешуйчатому конец всегда пригнуплен или изломом (*г*, *д*, *е*, 7; *е*, 4), или крутой ретушью (*е*, 5, 6). Наличие концевого противопоставления лезвий, образованных ударно-контрударной технологией (противопоставление чешуйчатого лезвия излому или обушку) и краевой ретуши позволяет связать орудия этого ряда со скребловидными орудиями, имеющими такое же противопоставление кон-

цов (е, 4, 3, 1). Последние через скребловидные орудия с чешуйчатым оформлением обоих концов (е, 2) можно связать с орудиями типа *pièce esquillée* (е-δ, 1-3).

Приведенная схема упорядоченности материала показывает, что в инвентаре Углянской стоянки ударно-контрударная техника использовалась при оформлении различных типов орудий, причем как прием первичной, так и вторичной обработки. Из относительной замкнутости вариационного ряда, отражающего изменение морфологии проявления этого приема, следует относительная стабильность и ограниченность используемых обитателями данного поселения технических приемов в оформлении и использовании орудий. Кроме того, наличие пустых ячеек в схеме (например, столбец «д») позволяет предположить потенциальную возможность использования обитателями стоянки для оформления чешуйчатых долотовидных орудий пластинчатой заготовки или поперечных скребловидных орудий с уплощенным лезвием. Такие формы в данном контексте не выглядели бы алогизмом.

По-видимому, в данной коллекции ударно-контрударная техника не отражает функциональных различий, что, впрочем, было известно давно: по различным интерпретациям это могут быть и кресальные кремни (А. Рюто⁴), и орудия типа клинчов (А. Н. Рогачев⁵), и вкладышевые орудия (П. П. Ефименко⁶), а также функционально и формально различные орудия с подтеской, уплощением... и нуклеусы. Признаки конечного противопоставления лезвий, оформленных чешуйчатыми сколами, могли образоваться на разных орудиях при забивании их в рукоять.

Из непрерывности схемы вытекает предположение, что интерпретация отдельных орудий зависит от их места в рамках целого. Например, вторичный нуклеус торцового скалывания (б, 5) по публикации Л. М. Тарасова⁷ можно интерпретировать как проколку, по публикации Г. П. Григорьева, как черешковое орудие⁸. На приведенной схеме данная вещь логично вписывается в ряд вторичных нуклеусов, и принципиально иная ее позиция (и интерпретация) не представляется возможной.

Наконец, непрерывность и структурированная взаимосвязь морфологических элементов схемы показывает, что при поиске аналогий стоянке значимыми надо будет признать только те, которые будут иметь не только сходные формы, но и аналогичный способ упорядоченности.

¹ См. например: *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. — МИА, 1963, № 121, с. 155.

² *Brézillon M. N.* La denomination des objets de pierre taillée. — In: *Gallia Préhistoire*. IVe suppl. Sec. ed. Paris, 1974, p. 288.

³ *Рогачев А. Н.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. — МИА, 1955, № 45, с. 138.

⁴ *Brézillon M. N.* Op. cit.

⁵ *Рогачев А. Н.* Остатки первобытнообщинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенки на Дону. — СА, 1952, т. XVI, с. 114.

⁶ *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953, с. 292, 318.

⁷ *Тарасов Л. М.* Углянская палеолитическая стоянка (Костенки XVI). — КСИА, 1961, вып. 85, с. 45, рис. 15, б.

⁸ *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит. — МИА, 1970, № 166, рис. 3, с. 53.

М. А. ИВАНОВА

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ГМЕЛИНСКОЙ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В КОСТЕНКАХ

В 1971 г. Костенковская палеолитическая экспедиция возобновила раскопки Гмелинской стоянки (Костенки XXI), открытой Н. Д. Прасловым в 1956 г.¹ Река Дон, размывая правый коренной берег у места палеолитического поселения, постоянно разрушает надпойменную террасу и за-

легающие в ней культурные слои. Дон ежегодно уничтожает в среднем около 1 м берега и вскрывает новые участки интенсивного скопления культурных остатков. Как показали раскопки, культурный слой Гмелинского поселения залегает на глубине около 4 м от современной поверхности². Он приурочен к слабовыраженному горизонту ископаемой почвы и хорошо прослеживается по простиранию более 150 м вдоль берегового обрыва. Культурные остатки на площади поселения встречаются неравномерно. Наибольшие их скопления отмечены на местах жилых комплексов³. В промежутках между жилищами находки редки.

К настоящему времени на площади Гмелинского поселения (нижний слой стоянки) вскрыты остатки по крайней мере шести жилых комплексов. Пять из них принадлежат округло-овальным в плане жилищам небольших размеров с очагом в центре. Один комплекс, исследованный на южной окраине поселения, занимает площадь около 70 кв. м. Здесь в процессе полевых работ не удалось зафиксировать строительные конструкции, которые позволили бы восстановить границы и размеры наземного сооружения (или, возможно, несколько сооружений).

Более выразительно в плане выделялось скопление культурных остатков на площади К—О30—34 в 5 м к северу от южного комплекса. Расщепленный и обработанный кремль, обломки и осколки костей, охра и зольные пятна четко локализовались в просторстве, оконтуривая площадь вокруг очага, в то время как на соседних участках находки почти отсутствовали (рис. 1, 1).

Очаг диаметром около 1 м был врезан в суглинок на 15—20 см. Несмотря на вторичные процессы деформации породы, контуры очага удалось проследить хорошо благодаря сильной обожженности его стенок и дна⁴. Зольность вокруг очага была разорвана на отдельные вспученные языки (рис. 1, 2), наклоненные в сторону коренного берега, на запад. Были разорваны и контуры жилого комплекса. Однако в целом они хорошо прослеживались по всему периметру, кроме юго-восточной части. Планиграфический анализ размещения культурных остатков в жилище и за его пределами, проведенный в камеральных условиях, подтверждает первоначальный вывод Н. Д. Праслова⁵ о том, что этот комплекс сохранился на месте почти округлого в плане небольшого легкого жилого сооружения. Данный комплекс, как показали исследования последних лет, можно считать характерным для Гмелинского поселения.

Каменный инвентарь этого комплекса состоит из 475 предметов. Основным видом сырья для обработки служил меловой кремль. Находки кварцита, песчаника, известняка, галечек составляют 5,6%. Из них расщеплен только кварцит. Единичны осколки и отщепы цветного желтого, желто-серого, красного кремня. Меловой кремль разделяется на три вида: чаще всего употреблялся черный с черно-коричневой на просвет кромкой у сколов (91,4%), иногда — светло-коричневый прозрачный и серый кремль.

Подавляющая часть инвентаря представлена отходами первичного расщепления (368 экз. — 77,5%). Если не считать плитки серого кремня, в коллекции нет кремневых конкреций. Имеющие желвачную корку нуклеусы, отщепы и пластины (5,6%) сохранили ее менее чем на трети поверхности. Среди нуклеусов (6 экз. — 1,3%) нет предметов на начальной стадии расщепления. Они небольших размеров (до 4 см в длину), с хорошо развитой системой сколов, формирующих ядрища. Четыре нуклеуса — призматические, снятие заготовок у них велось по короткой дуге скошенной ударной площадки, из-за чего они приобрели уплощенный вид (рис. 2, 20). Нижняя часть этих ядрищ подправлена встречными короткими сколами. Один нуклеус трехплощадочный. Заготовки с него скалывались в перпендикулярных плоскостях. Способ снятия с торца применялся при расщеплении так называемых вторичных нуклеусов. Такие нуклеусы имеют вид многофасеточных резцов (рис. 2, 18).

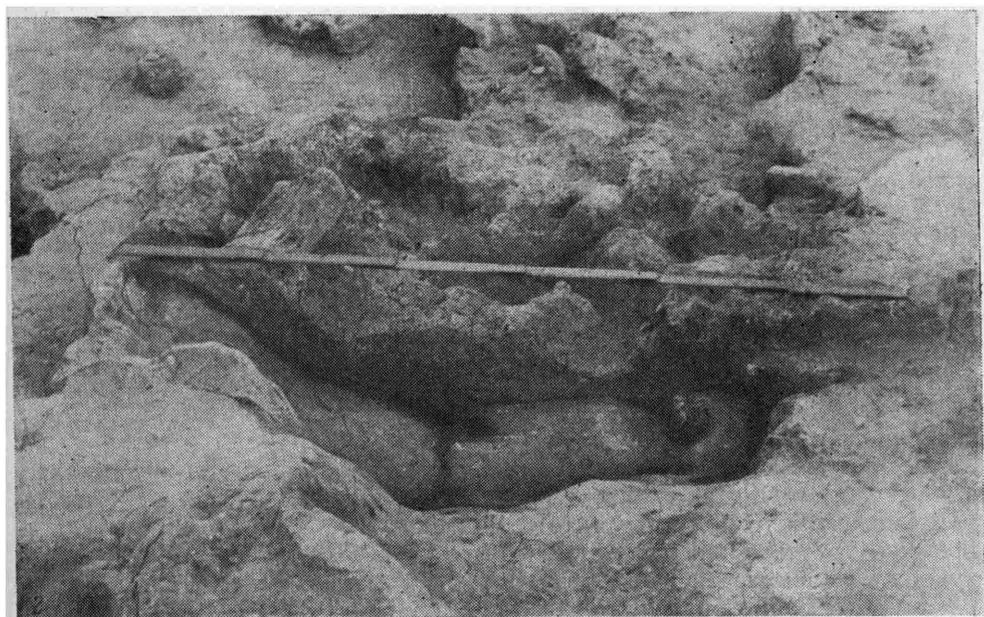
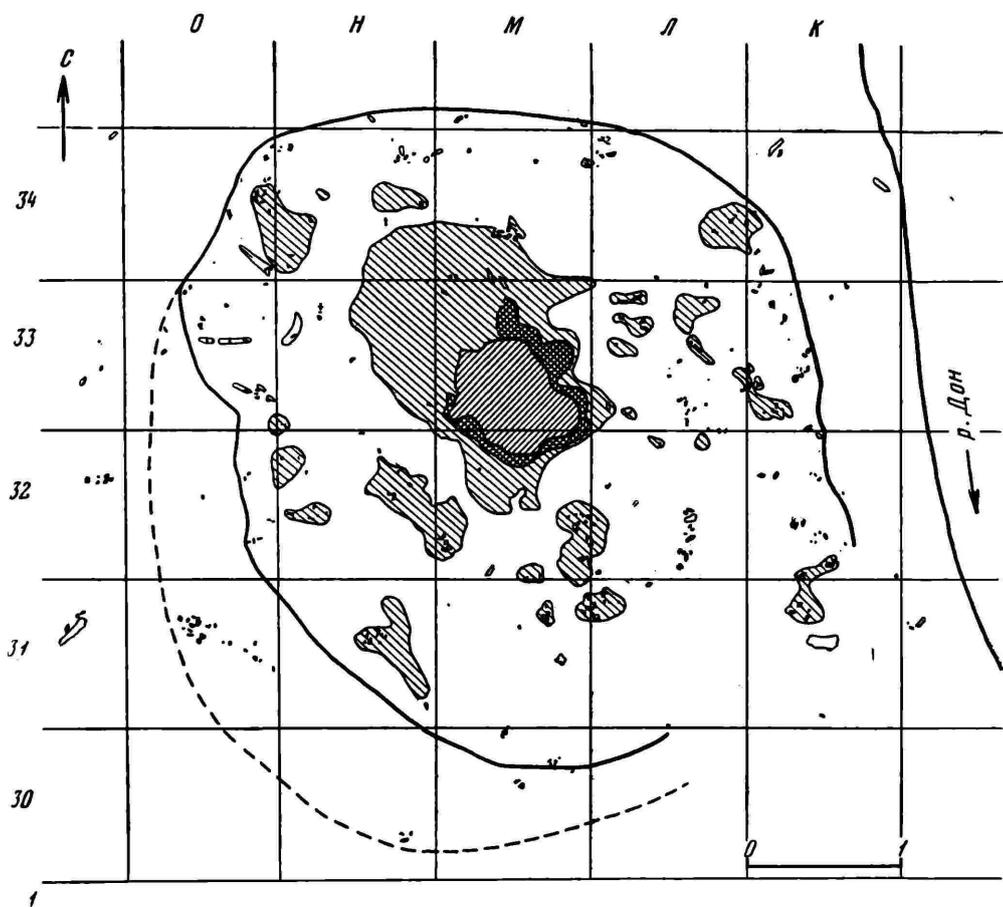

Рис. 1. Гмелинская стоянка, нижний слой

1 — план культурных остатков жилого комплекса К—О30—34 (— граница комплекса, прослеженная в процессе раскопок; - - - граница комплекса, проведенная в камеральных условиях с учетом планиграфического распределения находок); 2 — разрез очага в квадратах М32, 33

Высококачественное сырье и развитые способы снятия заготовок, позволяющие экономно расходовать сырье, служили получению пластинчатых заготовок, которые требовали минимальной обработки. Орудия на микропластинках, отщепях и отщепы с ретушью редки в инвентаре данного комплекса. Обработке подвергались главным образом пластинки средних размеров (3—5 см) и пропорций.

Орудия и их обломки в жилом комплексе К—О30—34 составляют значительный процент (89 экз. — 18,7%). Ведущим приемом вторичной обработки была вертикальная притупляющая ретушь, срезающая край заготовки, или мелкая, не изменяющая естественную линию края, а лишь укрепляющая его. Так обрабатывались края пластинок и острий, усекались концы орудий, создавались ударные площадки для снятия резцовых сколов. Зубчатая, пологая и плоская ретушь не характерны для инвентаря комплекса. Прием чешуйчатой подтески использован однажды.

Значительную категорию орудий составляют резцы (20 экз. — 22,5%). Для получения лезвия резца широко применялся способ снятия скола с ретушированной площадки (8 экз.). Площадка подготавливалась крутой или вертикальной ретушью, срезающей конец заготовки по прямой, перпендикулярной к оси заготовки, либо под углом к ней. Следует выделить орудия, на которых резцовый скол снят с дугообразно скошенной площадки (рис. 2, 12—13). Ретушь, оформляющая площадку, плавно переходит у них в краевую. Двумя экземплярами представлены двойные боковые резцы (рис. 2, 11).

Отмечаются случаи сочетания на одном орудии лезвий бокового и срединного типов (3 экз.). Срединные же резцы насчитывают только четыре экземпляра. Они имеют лезвия, деформированные многочисленными «оживлениями» и утилизацией. Пять резцов сделаны на углу сломанных пластин, причем у двух из них резцовый скол снят с обоих концов излома, выполняящую роль ударной площадки.

О динамике использования орудий свидетельствуют следы их неоднократной подправки и переделки из одного типа в другой. Стадии процесса трансформации бокового резца в срединный прослеживаются на орудиях с дугообразно скошенной площадкой. После простого «оживления» резцовым сколом (рис. 2, 13), когда площадка переставала быть удобной для скола, она сбивалась встречным снятием, и резец становился срединным (рис. 2, 14). Способом «оживления» лезвия срединного типа было ретуширование одного из негативов сколов. При этом резец превращался в боковой.

Другая традиционная категория позднепалеолитических орудий — скребки — представлена двумя экземплярами (2,2%). Это концевые скребки с дугообразным лезвием, оформленным крутой ретушью. Они сделаны на крупных пластинках с частичной мелкой ретушью по краю (рис. 2, 17).

В самую многочисленную группу инвентаря входят пластины и микропластины с ретушью (37 экз. — 41,7%). Ретуширование производилось несколькими способами.

Чаще других встречаются пластинки с краевой ретушью разного типа (22 экз.). Имеются в основном их обломки. Притупленный край создавался вертикальной ретушью, нанесенной со стороны спинки. У четырех пластинок и трех микропластин ретушь срезает значительную часть края, создавая притупление, равное толщине заготовки. Два экземпляра имеют частичную притупляющую ретушь. Тонкие, из высококачественного мелового кремня пластинки, как правило, имели очень хрупкие кромки, которые укреплялись ретушью высотой 1—1,5 мм. При этом ретушь не изменяла направления естественной линии края, а лишь выравнивала его. Ретушь такого характера нанесена по краям двух пластинок (рис. 2, 7—8). Два обломка крупных пластинок отретушированы крутой ретушью. Нерегулярную и частичную ретушь, вероятно получившуюся в результате утилизации или же случайного характера, имеют еще девять пластинок и их обломков.

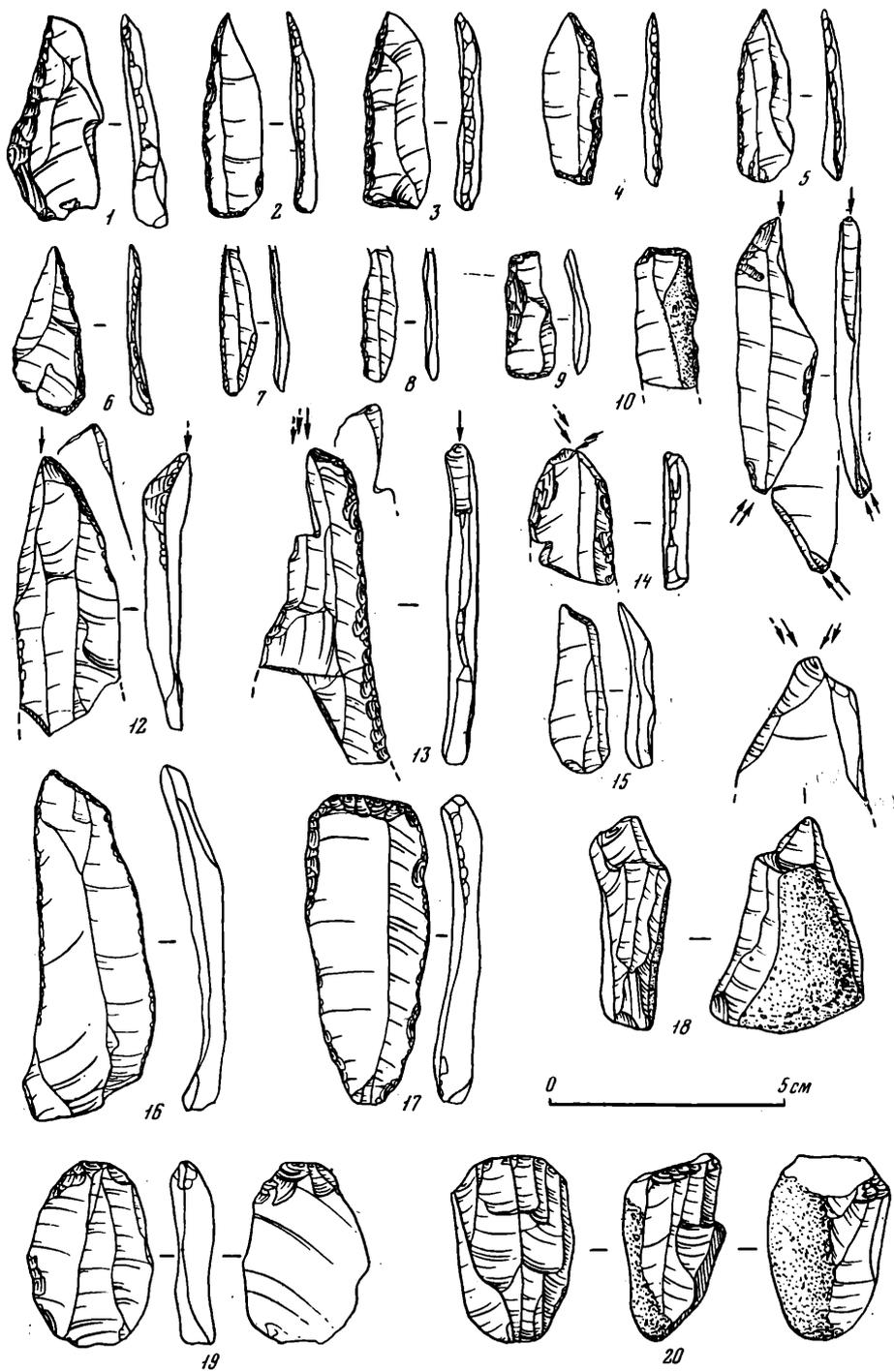

Рис. 2. Орудия из жилого комплекса К—030—34

1—6 — асимметричные острья; 7, 8 — микропластинки с ретью; 9, 10 — пластинки с притуплением края и концов; 11—14 — резцы; 15, 16 — усеченные пластины; 17 — скребок; 19 — долото-видное орудие; 18, 20 — нуклеусы

Некоторые пластинки притуплены вертикальной ретушью не только по краю, но и с концов (7 экз.). У трех целых и двух обломков пластинок притупленный край сочетается с ретушированием дистальной части (рис. 2, 10). Две пластинки, помимо притупления, имеют ретушь с обоих концов. Обработка на концах обычно усекала заготовку: вертикальной ретушью срезалась часть заготовки с ударным бугорком и хрупкий противоположный ему конец (рис. 2, 9).

Прием усечения дистальных или проксимальных концов применялся и самостоятельно (8 экз.). На нескольких орудиях на противоположном конце есть либо притупляющая ретушь (2 экз.), либо резцовые сколы (1 экз.) Нерегулярная и частичная мелкая ретушь тянется по краю только трех самых крупных пластин (рис. 2, 16). В двух случаях острый конец, образованный краем и косым усечением, подправлен резцовым сколом. «Оживление» этого конца указывает на то, что внимание изготовителя концентрировалось именно на этой части орудия. Возможно, прав А. Н. Рогачев, который интерпретировал подобные орудия как «острия со скошенным притупляющей ретушью прямым концом»⁶.

Выразительнейшей чертой инвентаря комплекса К—О30—34 является асимметричные острия (12 экз. — 13,4%). Острый конец их образован сходящимися, притупленным и естественным необработанным, неровным, краями заготовки. Притупленный край ретушировался вертикальной ретушью. Только у одного орудия она крутая. Ретушь притупливает край параллельно оси заготовки, срезая его наискось у заостренного конца (рис. 2, 3). У других край отретуширован по дугообразной линии или прямой, параллельной оси заготовки (рис. 2, 2, 4). Заострение в большинстве случаев сделано на проксимальной части заготовки. Основание острий обрабатывалось ретушью, идущей по чуть скошенной к необработанному краю дуге или по прямой (рис. 2, 3, 6). У трех орудий основание не ретушировано (рис. 2, 1, 5).

Остальные орудия комплекса представлены обломками (11 экз. — 12,4%), отщепами с ретушью (5 экз. — 5,6%), долотовидным орудием (рис. 2, 19) и кварцитовым односторонне выпуклым скреблом на плитке.

Характеризуя каменный инвентарь жилого комплекса К—О30—34, следует отметить некоторые особенности, отличающие его от материалов, ранее описанных Н. Д. Прасловым⁷, и от материалов из южного комплекса. Прежде всего бросается в глаза меньшее количество кремневых изделий: они здесь представлены не тысячами, а сотнями единиц, среди которых высок процент орудий. Микролитизация инвентаря выражена слабее. Особенностью инвентаря этого комплекса является наличие так называемых ановских и пушкаревских острий, пластинок с притупленным краем, среди которых отмечена серия, дополненная притупленными концами. Отсутствуют наконечники с боковой выемкой, скошенные скребки и скребки с «шпином», отличающие инвентарь южного комплекса и комплекса, исследованного в 1958—1960 гг. Ближайшие аналогии набор орудий из жилого комплекса К—О30—34 находит во втором слое стоянки Ановка 2.

¹ Праслов Н. Д. Гмелинская стоянка в Костенках. — КСИА, 1964, вып. 97, с. 59—63.

² Праслов Н. Д., Левковская Г. М., Кулькова Т. Ф. Условия залегания культурного слоя Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках. — В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с. 84—94.

³ Условный термин, принятый исследователями памятника ввиду того, что тип этих наземных жилищ определен пока в самых общих чертах.

⁴ Абрамова З. А., Рогачев А. Н., Праслов Н. Д. Отчет о работе Костенковской палеолитической экспедиции в 1971 году. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1971, р. № 158, с. 74.

⁵ Там же, с. 66—67.

⁶ Рогачев А. Н. Ановка 2 — новая многослойная стоянка в Костенках. — КСИА, 1961, вып. 82, с. 92.

⁷ Праслов Н. Д. Гмелинская стоянка..., с. 59—63.

РАСКОПКИ ЖИЛИЩА НА ГОНЦОВСКОМ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

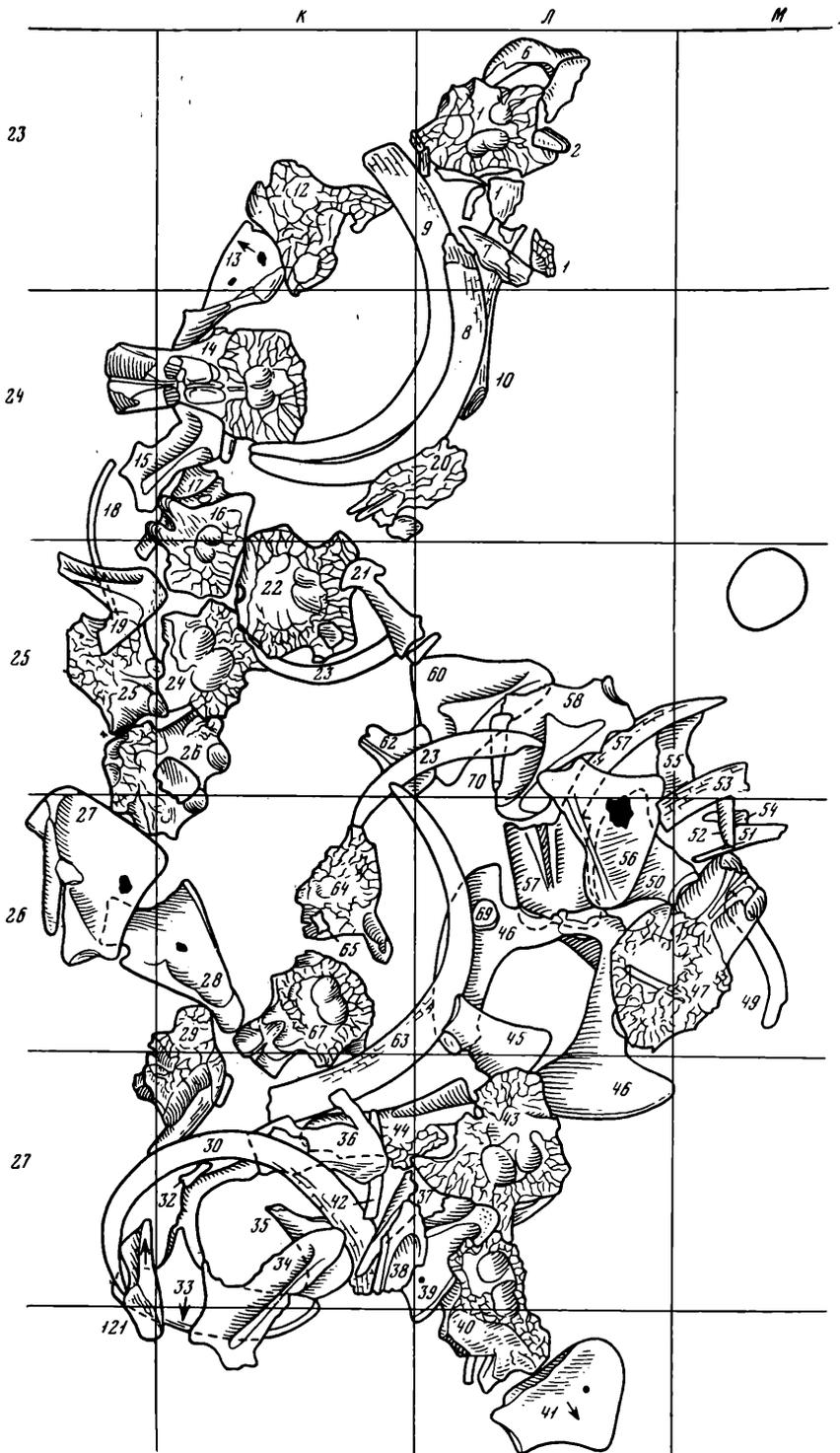
В настоящее время наиболее представительной группой палеолитических жилищ являются «костяные» жилища развитого типа, в той или иной мере изученные в Мезине, Добраничевке, Межирпчах, Аносовке II, Костенках II, Юдинове и Елисеевичах. Первый план «костяного» жилища был опубликован еще В. М. Щербаковским и В. А. Городцовым в связи с описанием исследований Гонцовского поселения¹. Он сыграл важную роль в становлении представлений о «костяных» жилищах, несмотря на то что в начале века проблема выявления палеолитических жилищ еще не назрела и оба археолога полагали, что раскрытое ими скопление костей мамонта служило, скорее всего, для прикрытия кучи мусора — многочисленных культурных остатков.

Согласно рукописному отчету В. М. Щербаковского, в траншее 1914 г., попавшей на указанное скопление, все находки были сняты. Но в 1915 г. при полном вскрытии комплекса крупные кости мамонта оставили на месте, выбрав между ними, а по возможности и под ними, мелкие культурные остатки². Таким образом, не были тронуты костяные элементы конструкции основной части жилища, благодаря чему имелась возможность изучения их с современных позиций. Целесообразность изучения определялась рядом обстоятельств. Уже беглое сравнение планов, опубликованных В. М. Щербаковским и В. А. Городцовым, позволило заметить много расхождений, выразившихся не только в особенностях очертаний, положении и масштабе изображения многих костей, но также и в отсутствии некоторых костей на одном из планов. Озадачивал тот факт, что у В. М. Щербаковского на плане можно различить 14—17 черепов мамонта, а у В. А. Городцова — всего 7, хотя по описанию в целом их должно быть 27³. Не означало ли это, что более половины черепов, обнаруженных в 1915 г., не занесли на план вследствие плохой их сохранности или по иным причинам, и не убрали ли их при расчистке?

Кроме того, описания и планы дают слабое представление об ориентировке костей в пространстве, относительно друг друга и остальных элементов культурного слоя, а с этим связано выяснение всех основных особенностей жилища. Учитывая сказанное, в 1977 г. было решено раскопать остатки жилища и завершить их изучение⁴.

С северо-востока по отсутствию культурных остатков на прямоугольном участке площадью около 7 кв. м обозначился конец разведочной траншеи 1914 г. (рис. 1). Ею был снят центр жилища и разомкнуто костное окружение с дальней от входа стороны. В целом комплекс простирался на 5,7 м по линии запад—восток и на 5,5 м по линии север—юг, мощность его достигала 0,6—0,7 м. В соответствии с падением местности верхние части костей южного и юго-восточного краев находились примерно на 0,5 м выше северо-западного.

Всего в конструктивных остатках жилища встречены 22 черепа мамонта, нижняя челюсть, 17 лопаток, целый таз и две половины таза, четыре крупные трубчатые кости, шесть целых и три передние половины бивней, а также малочисленные фрагменты этих костей и единичные прочие кости мамонта. Кроме двух случаев, бивневые альвеолы в черепках оказались пустыми. Характерна поврежденность нижних частей альвеол в связи с выламыванием еще свежих бивней. Зубы в большинстве случаев также были выломаны. Мозговые капсулы, несмотря на различную позицию и глубинное положение черепов, сохранились лишь частично. Это свидетельствует об их искусственном вскрытии, что могло потребоваться лишь при обращении со свежими костями, по всей вероятности,

от охотничьей добычи, а не с костями, собранными на месте гибели животных.

В семи лопатках, двух тазовых костях и фрагменте бедра имелись искусственные отверстия поперечником 2—11,5 см. Большая часть отверстий, проделанных в лопатках, грубо овальной формы, с рваными краями,

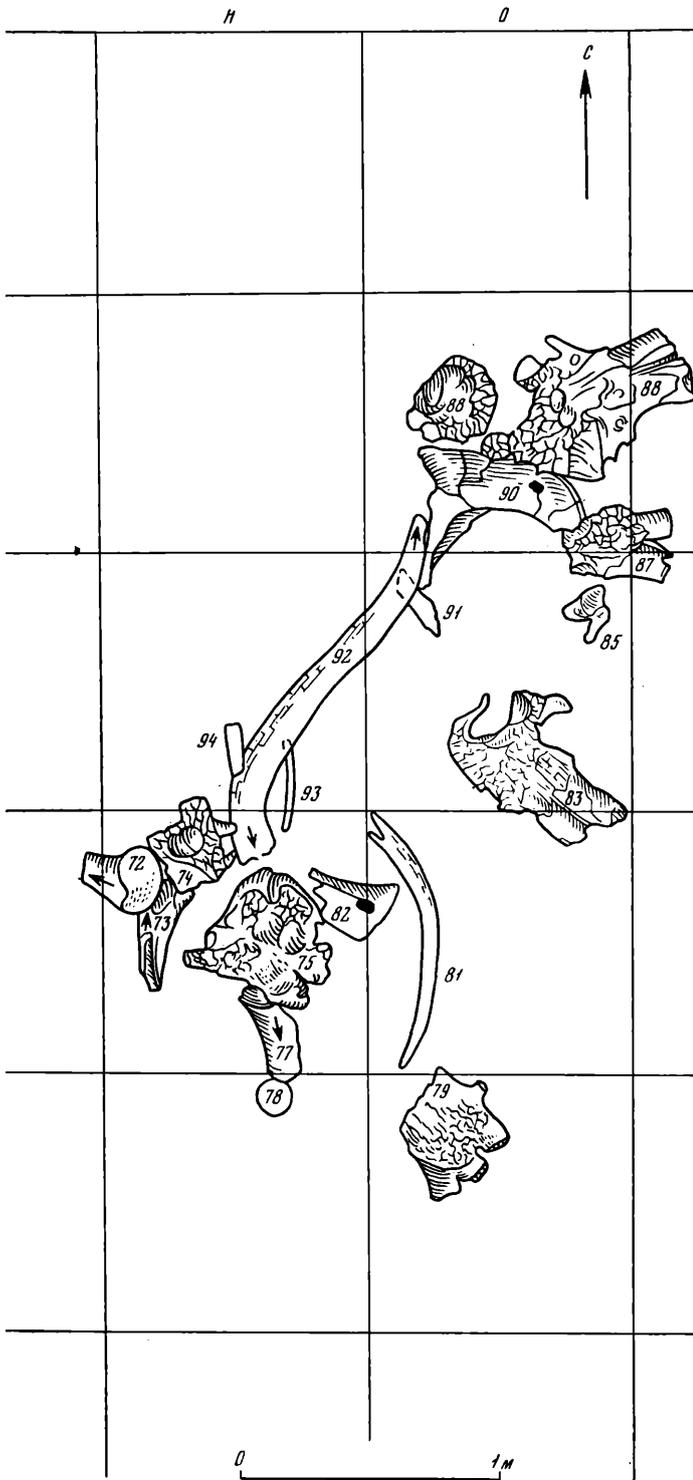

Рис. 1. Кости мамонта — остатки развалин гонцовского жилища

Заливкой обозначены отверстия, проделанные в костях первобытными людьми. В квадрате 25М отмечен контур дна ямки, обнаруженного в полу жилища

остальные отверстия относительно правильных овальных или округлых очертаний. Судя по связи пробитых костей со строительными остатками жилища, естественно видеть в них, как и в аналогичных костях Юдинова I и других однотипных поселений, элемент конструкции жилища. Отдельные кости, вероятно, входили в какие-либо иные конструкции,

приспособления или простейшие механизмы. Все возрастающее число костей с пробитыми отверстиями на палеолитических поселениях вселяет также надежду встретить и выделить кости, поврежденные в момент охоты на мамонта.

Кратко опишем комплекс, начиная с западной части (рис. 1). Крайней с севера стояла на подбородочном выступе нижняя челюсть 6 с сохранившимися зубами. Концом левой ветви она касалась черепа 1, стоявшего на альвеолах бивней и наклоненного лбом к юго-востоку под углом 60—70°. Вся верхняя часть черепа по средину мозговой полости отсутствовала, что с некоторыми вариациями характерно и для других углубленных в пол черепов. Альвеолы бивней были вкопаны или присыпаны не менее чем на 15 см. Расположенные южнее бивни 8 и 9 благодаря соразмерности (вероятно, они от одной особи) плотно прилегали друг к другу. Оба были прогнуты к востоку и вниз, проксимальный конец бивня 9 находился глубже дистальных концов бивней. Бивень 8 налегал на кусок бивня 10, дистальный конец которого имеет четкие следы обруbanия тяжелым и достаточно острым орудием. С юга к бивню 8 примыкал крупный продольный кусок черепа 20.

Череп 12 стоял почти вертикально на альвеолах бивней, вкопанных на 27 см, и был ориентирован лбом к юго-востоку. Череп 14 лежал плашмя на лбу и альвеолах бивней. Под ним в суглинке находки отсутствовали. К обоим черепам плотно была приложена крупная лопатка 13, наклоненная к юго-востоку под углом 70—75°. В ее плоскости пробиты два отверстия. С юга на череп 14 налегала лопатка 15.

Из пяти расположенных южнее плотно сомкнутых черепов череп 16 стоял на альвеолах бивней и был ориентирован лбом к востоку. Для закрепления на месте под него была подложена дистальная половина бедра 17. Череп 22, также стоявший, был вкопан на 28 см или глубже и направлен лбом к востоку. Подобным же образом располагался череп 24. Он был вкопан или присыпан не менее чем на 24 см и наклонен к востоку под углом 40—50°. Лопатки 27 и 28 были наклонены к востоку под углом 20—30°. В плоскости лопатки 27 имелось большое отверстие. На лопатке 28 одно отверстие пробито в плоскости, а второе — в гребне.

В остальной части западного массива костей стоявшими на альвеолах бивней оказались еще черепа 64 и 43 (рис. 2). Череп 64 был обращен лбом к востоку, череп 43 — к юго-западу. Первый из них был вкопан на глубину 28—30 см, второй вкопан или присыпан на 18—20 см. Череп 67 лежал на альвеолах бивней и лбу, наклонившись вперед под углом 40°. Культурных остатков под ним не оказалось. Также на фронтальной стороне, но вполне горизонтально лежал на полу череп 47. Черепа 29 и 40 лежали на левой стороне. У первого альвеолы бивней были направлены под углом 30° вверх, у второго опущены вниз.

Для костей, оставшихся от центральной части комплекса (от черепа 47 до лопатки 60), характерно горизонтальное положение и большая плотность примыкания друг к другу. Из четырех наложенных друг на друга лопаток две (60 и 58) имеют хорошо сохранившиеся обращенные вверх гребни. У лопатки 56 гребень отбит, а в плоскости имеется искусственное отверстие. Под лопатками залежали передняя часть черепа 57 с левым бивнем в естественном сочленении. Южнее располагался целый таз мамонта 46, низ которого был также горизонтален. Благодаря тому, что кости покоились непосредственно поверх культурных наслоений на полу, выгребать последние в 1915 г., не стронув кости, было невозможно, и здесь сохранился наиболее выразительный клочок культурного слоя (рис. 2).

С юго-запада залежали два относительно крупных бивня — 30 и 63. Проксимальные концы обоих находились примерно на 30 см ниже дистальных. Не считая передней части черепа 44 без мозговой коробки, к югу от бивня 63 были расчищены неполные лопатки и тазовые кости

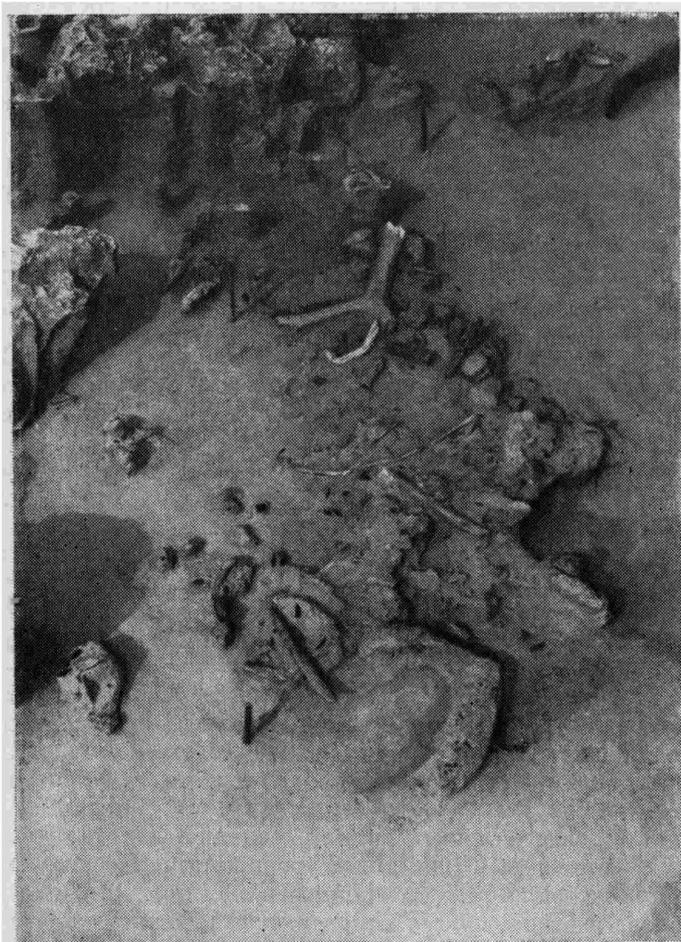

Рис. 2. Участок культурного слоя в квадратах 25, 26Л, М, сохранившийся после раскопок 1945 г. Вид с юго-востока. Слева вкопанный череп 64. На заднем плане — черепа 26, 24 и 22. Альвеолы бивней двух последних еще не расчищены

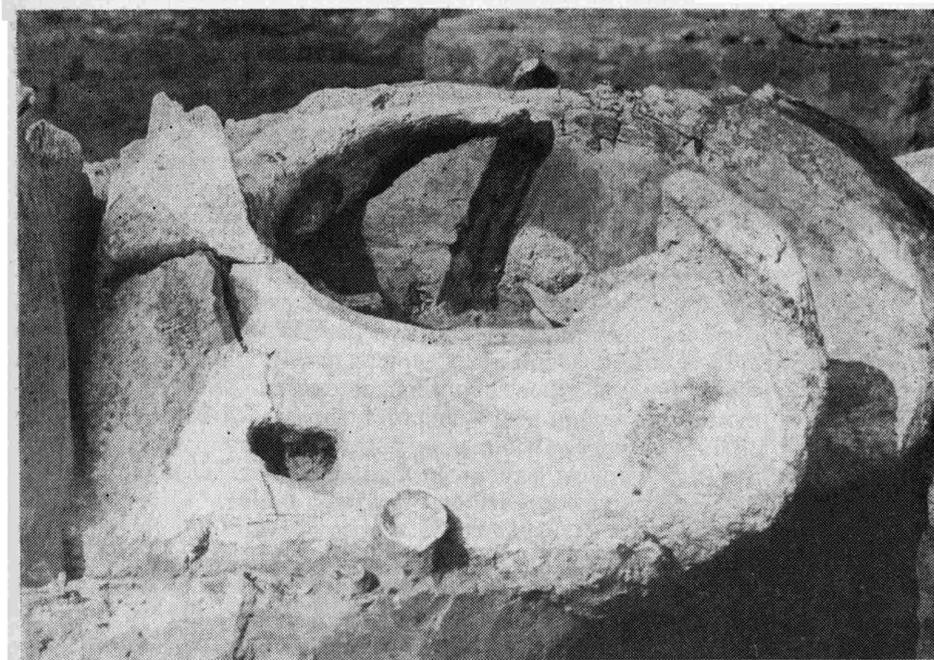

Рис. 3. Тазовая кость 33 в квадратах 27, 28К с искусственным отверстием. У ее нижнего края — створка перловицы и обломки пластин зубов мамонта

или их фрагменты. Все кости южного края (тазовые 33 и 35, лопатки 34, 38, 39, 41, череп 40) были наклонены к северу под углом 15—30° и круче. Лишь лопатка 121 с отбитым гребнем была наклонена к югу под углом 60°. В плоскостях лопаток 39 и 41 и в обращенном вниз гребне лопатки 36 обнаружены небольшие округлые отверстия. Овальное отверстие имелось в южном краю тазовой кости 33 в месте налегания на нее лопатки 34 (рис. 3).

Восточная часть скопления костей наполовину состояла из черепов. Черепа 87 и 88 лежали на лбу и альвеолах бивней, альвеолами кнаружи комплекса. Первый наклонен вдоль оси к западу на 20—25°, второй — на 30—40°. Под череп 88 заходила тазовая кость 90 с отверстием в плоскости, а западнее встречен большой кусок свода того же черепа. Череп 83 был обращен зубами вниз и несколько западал затылочной частью. В его левой альвеоле сохранилось основание бивня. Череп 79 развернут вверх левой задней стороной, свод с мозговой капсулой отсутствовали, а культурных остатков под черепом не оказалось. Севернее залегала передняя часть бивня 81 и проксимальная часть бедра 82 с овальным отверстием.

Остальные крупные кости располагались в квадрате 26Н. Здесь наблюдалась максимальная концентрация стоящих костей. У самого крупного черепа 75, обращенного лбом к северо-западу, альвеолы бивней уходили вертикально на 23—24 см под уровень пола. Основание правой скуловой дуги было плотно подперто отбитым эпифизом крупной трубчатой кости, а к низу правой височной впадины был прижат кусок сочленения лопатки. Оба эти фрагмента, как и припаявшийся к черепу спереди кусок ребра, служили для укрепления черепа в приданном ему положении. К югу от черепа 75 с наклоном 60° к северу стояла плечевая кость 77, погруженная под пол примерно на 15 см. Верх ее был сбит, а губчатая ткань вырезана.

Череп 74, обращенный лбом к северо-западу, заходил вертикально опущенными альвеолами бивней на 20 см ниже уровня пола. Несколько меньше углублялось под пол бедро 73, наклоненное к югу под углом 60°. Его верхняя часть отбита, благодаря чему открылось отверстие диафиза диаметром 3—4 см. Бедро 73 плотно прижималось к стоящему западнее бедру 72. Последнее было наклонено к востоку под углом 60—65° и, несомненно, вкопано в пол жилища на глубину около 30 см. Примерно на столько же был вкопан проксимальный конец бивня 92, изогнутого средней частью вверх.

Культурные наслоения на нетронутых участках пола оказались хорошо выраженными, плотными, серовато-желтыми или серыми при большом количестве золы или мелких угольков. Красная и желтая охра встречалась почти исключительно в виде мелких немногочисленных комочков. Окраска слоя охрой практически отсутствовала. Самые крупные предметы на полу — обломки ребер мамонта и часть рога оленя. Насыщенность слоя кремневыми изделиями и чешуйками, костным углем, фрагментами костей, мелкими костями и прочим была таковой, что для зачерчивания его 10-сантиметровой толщи в масштабе 1:5 потребовалось два чертежа. Однако вполне сохранившийся сплошной участок культурного слоя в жилище составлял всего около 1 кв. м (от лопатки 60 до черепа 47; рис. 2). Под черепами ограждения и к западу от жилища состав предметов в культурном слое был однообразнее, а число их намного меньше и сам слой при отсутствии замыслов тоньше.

Под северным концом плоской кости 55 в полу была обнаружена ямка глубиной 37 см, имевшая почти прямые стенки и сужавшуюся горловину, которую заполняли несколько круто западавших костей, в том числе обрезанные ребра. Кости погружались в чистую зольную массу. Глубже заполнение было суглинистое, с угольками и несколькими мелкими косточками и кремнями. На днище ямки довольно плотно залегали угли с золой. В 0,3 м к юго-западу встретилась нижняя часть заплывшей сверху подобной же ямки. Обе они, вероятно, связаны с приготовлением

пищи. Еще одна ямка обнаружена в квадрате 25М при контрольной зачистке пола. Ее верх был срезан в 1914 г. Диаметр ямки около 40 см, первоначальная глубина — 15—20 см. На днище расчищены косточки мелких животных, несколько обломков пластин зубов мамонта, угольки и шесть кремней.

Для итогового осмысления особенностей гонцовского жилища необходимо получить дополнительные полевые наблюдения. Пока еще недостаточно твердо выяснена исходная при исследовании жилища деталь — граница жилого пространства. С севера она будет приблизительно проведена по расположению черепов после совмещения нашего плана со старым. Восточная граница, судя по глубинным отметкам культурных остатков под черепами и вблизи них, пролегла у западного края черепов 75, 83, 87 и 88. Вкопанные и присыпанные кости в квадрате 26Н представляли собой часть конструкции входа. Полость в бедре 77, вскрытый диафиз бедра 73 и вскрытая с тальной стороны левая бивневая альвеола черепа 75, очевидно, служили гнездами для закрепления основания жердей.

Сосредоточение большого числа черепов в западной части комплекса и уничтоженность культурного слоя в промежутках между ними затрудняет определение здесь границы жилого пространства. Несомненно лишь, что она не могла проходить далее от центра, чем по внутренним сторонам черепов 1, 12, 14, 16, 24, 67 и 43. Это определяется тем, что черепа 25 и 26 были приложены к краю жилища, а кости к югу от черепов 67 и 43, судя по глубинным отметкам культурных наслоений под ними и севернее, были помещены на невысокую насыпь, вероятно сооруженную из земли, вынутой при рытье располагавшейся рядом хозяйственной ямы. По данному варианту вкопанные черепа 22 и 64 оказываются внутри жилища, что в принципе не исключено. Но более вероятным представляется, что граница пролегла по внутренней стороне черепов 22, 64 и 43.

Бросается в глаза, что сложный конструктивный узел восточной стороны входа, подобного которому не обнаружено ни в одном другом палеолитическом жилище, не имел соответствия с западной стороны входа. Череп 43 с бивневыми альвеолами, уходившими вертикально под уровень пола, как указывалось, был обращен лбом к юго-западу. Его альвеолы сверху не вскрыты. Все это заставляет предполагать, что он не был непосредственным ограничителем входа с западной стороны. Возможно, ограничителем служил череп 47 с хорошо сохранившимися пустыми бивневыми альвеолами, который в таком случае первоначально должен был стоять альвеолами вверх.

Между черепами 74 и 75 и, как упоминалось, в ямках встречены прослойки зольно-угольной массы, свидетельствующие о близости места разведения огня. Отметим также, что пространство засыпки поперечником около 1 м и толщиной 20 см в квадратах 23М, Н в 40 см над дном раскопа было особенно насыщено углем и золой. Но на поверхности пола очаг нами не обнаружен, хотя слой содержал много угля. Очаг располагался, по-видимому, где-то в центральной части жилища, но ближе к входу. Наличие перегоревшей массы посередине комплекса под скоплением костей отмечено В. М. Щербаковским. Но он отказывался видеть в ней остатки очага на том основании, что суглинок под «перепалом» не был обожжен⁵. Расчистив в 1978 г. к западу от жилища значительную часть крупного кострища, мы также не обнаружили следов обожженности его пода. Тем самым довод В. М. Щербаковского снимается.

В литературе бытует мнение о земляночном⁶ или полуземляночном⁷ характере гонцовского жилища. По-видимому, оно возникло в связи с указанием В. М. Щербаковского на тонкую прослойку культурных остатков к юго-западу от жилища на уровне верха костей. Однако ее нельзя считать отложенной на полу, так как она состояла из мелкого костного угля и по вполне правдоподобному предположению В. М. Щербаковского являлась намывной⁸. Основные находки встречены в жилище и у его входа

на уровне нижней части костного скопления, но не глубже⁹, что свидетельствовало о неуглубленности жилища. По нашим полевым наблюдениям, с запада и юго-запада уровень пола жилища и уровень древней поверхности, с учетом ее падения, практически одни и те же. Обстоит ли дело таким образом и с восточной стороны, судить до продолжения раскопок пока преждевременно.

Примечательно южное положение входа в жилище. Хотя такая ориентировка обычна для входов в относительно долговременные жилища, здесь она осложнена тем, что вход был обращен против склона плато. Это препятствовало обзору долины непосредственно из жилища и понуждало устраивать водоотводные сооружения. В данном случае ярко проявился избирательный подход первобытных людей к строительству жилища. Наиболее полное использование солнечного тепла, которое могло быть достигнуто только южным положением входа жилища, они предпочли другим бытовым удобствам. Заслуживает внимания и очевидное расширение костного ограждения с западной стороны. Это диктовалось необходимостью усилить защиту основания жилища от действия осадков, приходящих преимущественно с запада.

Таким образом, после новых исследований остатки гонцовского жилища предстают как богатый источник конкретных сведений по «костяному» домостроительству.

¹ *Щербаківський В.* Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях Лубенського повіту в 1914 і 1915 рр. — Зап. Українського наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини на мистецтві, Полтава, 1919, вип. I, рис. 4; *В. А. Городцов.* Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. — Тр. отд. археологии РАН ИОН, М., 1926, вып. I, рис. 1.

² *Щербаківський В. М.* Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях Лубенського повіту в 1914—1915 рр.: Попереднє повідомлення. — Наук. архів ІА АН УРСР, Архів Левицького, № 12, л. 4.

³ *Щербаківський В.* Розкопки... — Записки..., с. 68. При сравнении планов нужно учитывать, что *В. А. Городцов* изобразил лишь кости, непосредственно виденные им в 1915 г., а *В. М. Щербаковский* дополнил картину материалами 1914 г. В рукописных отчетах планы отсутствуют.

⁴ Работы велись Брянским палеолитическим отрядом Института археологии АН СССР. Состав отряда: *В. Я. Сергин* (руководитель), студенты *А. Л. Кунгуров* (Барнаул) и *А. А. Шелуханов* (Киев). В работах принимала участие палеозоологическая группа Института зоологии АН УССР во главе с *Н. Л. Корниец*, Раскопки посетил *И. Г. Шовкопляс*.

⁵ *Щербаківський В.* Розкопки... — Записки..., с. 68.

⁶ *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953, с. 553.

⁷ *Левицький І. Ф.* Гонцівська палеолітична стоянка. — В кн.: Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947, т. 1, с. 231; *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. — МИА, 1953, № 40, с. 309—310; *Литовченко Л. М.* О группе жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки. — В кн.: Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, с. 303.

⁸ *Щербаківський В.* Розкопки... — Записки..., с. 67.

⁹ Там же, с. 26; *Городцов В. А.* Исследование Гонцовской..., с. 20.

Л. М. ТАРАСОВ

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КОСИЦА

В начале 70-х годов в бассейне верхней Десны выше г. Брянска была открыта группа разновременных палеолитических стоянок. К настоящему времени стоянки эти исследованы на значительной площади и получены многочисленные и разнообразные материалы, дающие представление о палеолите данного района начиная с рубежа мустьерской эпохи.

Одним из наиболее молодых памятников этой группы является стоянка Косица, расположенная у южной окраины д. Бетово, на небольшом притоке впадающей в Десну речки Бетовки. Стоянка занимает западный присклонный участок широкого плоского мыса, концевой выступ которого носит название «Косица» (рис. 1, 1). Первые сведения об этом памятнике относятся к 1972 г., когда здесь был собран патинизированный кремьень позднепалеолитического облика. Распашка мыса и размыв его западного склона нарушили культурный слой. В ходе дальнейших сборов кремня выявился наиболее вероятный центр палеолитического местонахождения, где и был в 1976 г. заложен разведочный шурф (2×1 м) глубиной в 2,5 м. В шурфе прослежена четкая стратиграфия отложений (сверху вниз): 1) оранжево-бурый слой с ортзандами (1,15 м) — тонкие красновато-бурые прослойки ортзанда разделяются такими же тонкими линзовидными прослойками белесого порошоквидного заполнения. На глубине 10—15 см в этом слое собрано более 20 экз. расщепленного кремня; 2) светло-бурый однородный лёссовидный слой (1,25 м); 3) мергелистая порода зеленоватого цвета, которая расчленилась на плитковидные фрагменты.

В том же 1976 г. на месте шурфа был заложен раскоп площадью 30 кв. м (6×5 м), ориентированный с севера на юг. Сверху, у западного края, залегал слой чернозема в виде желтовато-серой пылеватой супеси мощностью до 15 см, где встречался немногочисленный расщепленный кремьень без патины, иногда с вторичной обработкой, относящийся, вероятно, к неолитическому времени. В ортзандовом слое обнаружены многочисленные культурные остатки, главным образом кремневый инвентарь, основная часть которого сосредоточена у середины западного края раскопа¹.

В 1977 г. раскоп был расширен к западу и северо-западу и было вскрыто еще 95 кв. м. У юго-восточного края поверхность почти горизонтальная, к северо-западу начинается понижение к тальвегу оврага, переходящее далее в крутой склон. На лежащем ниже по склону западном участке под черноземом прослеживалась тонкая прослойка светлого песка. Культурные остатки обнаружены практически на всей изученной в 1977 г. площади стоянки, но основная их часть связана со средним участком и особенно с восточным краем, примыкающим к раскопу 1976 г.²

На исследованной площади стоянки (125 кв. м) культурный слой сохранился неодинаково. Лучшей сохранностью отличался средний участок — примерно 20 кв. м. Общий наклон отложений здесь минимальный. Хорошо выраженный культурный слой в виде более темного с красноватым оттенком горизонта мощностью 10—15 см был связан с верхним уровнем ортзандового слоя. Вещественные остатки представлены кремневым инвентарем, фрагментами кремневых плиток, эпифизом кости крупного животного, обломком зуба лошади, единичными древесными угольками, несколькими скоплениями мелких кусочков минеральной краски (темно-красный сурик). Отдельные кусочки такой краски или мелкие примазки нередко встречались на всем среднем участке. Эта же краска, растворенная водой, придавала красноватый оттенок и самому культурному слою. Четко прослеживалась нижняя его граница — древняя поверхность. Для среднего участка характерна и наибольшая концентрация кремневого материала (до 300 экз. на 1 кв. м; рис. 1, 2).

На остальной части стоянки находок было значительно меньше, и особенно мало у юго-восточного края, лежащего выше по склону. По составу, количеству и условиям залегания культурных остатков отличался и лежащий ниже по склону северо-западный участок, где не было отмечено ни краски, ни угольков, ни окрашенности слоя и полностью отсутствовал мелкий расщепленный кремьень (чешуйки). Значительная часть кремня на северо-западном участке находилась в слое чернозема и только небольшое его количество было связано с верхом подстилающего слоя

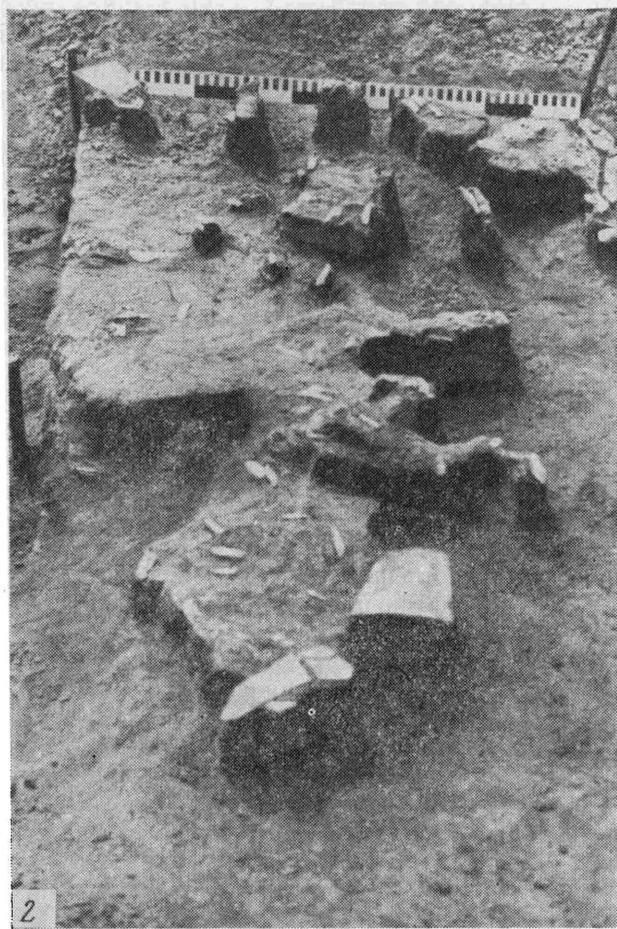

Рис. 1. Стоянка Косица

1 — общий вид с запада; 2 — культурный слой в квадратах Н21, 22. Вид с севера

с ортзандами, а у западного края и с перекрывающей его прослойкой светлого песка. Кремни здесь нередко находились в круто наклонном, иногда почти в вертикальном положении. Это связано, видимо, с самим местоположением стоянки, занимающей присклоновую часть мыса, которая постоянно подвергалась размыву.

На стоянке собрана многочисленная и разнообразная коллекция кремневого инвентаря (свыше 2500 экз.). Для изготовления орудий использовался меловой кремень черного цвета в виде сравнительно тонкой плитки (1,5—2,5 см). Такой кремень в поверхностном залегании часто встречается в этом районе и в настоящее время, а на противоположном крутом склоне оврага имеются и его выходы.

Кремневый инвентарь характеризует пластинчатая техника расщепления, учитывающая прежде всего плиточную форму исходного сырья. Именно это предопределило торцовый способ снятия заготовок. Нуклеусы представлены серией более чем в 30 экз., заготовками для которых служили фрагменты кремневой плитки подпрямоугольных очертаний. Высота нуклеусов 8—9 см, большинство их двухплощадочные, есть одноплощадочные, иногда трехплощадочные. Площадки, как правило, скошенные, оформлялись поперечными снятиями, реже — снятиями вдоль края плитки. Скалывание заготовок-пластинок часто производилось с двух противоположащих площадок, нередко с переходом на сторону плитки с ровным корочным покрытием. При значительном использовании срабатываемая сторона становилась выпуклой и нуклеус приобретал призматический облик (рис. 2, 18). Имеются поперечные сколы «оживления» ударной площадки нуклеуса и краевые сколы с характерным продольным ребром.

В коллекции содержатся фрагменты кремневой плитки разной величины. Отщепов сравнительно мало: вместе с очень мелкими их немногим более 500 экз., причем крупных — до 5 см в поперечнике — всего около 50. Наиболее многочисленны (свыше 1000 экз.) ножевидные пластинки правильной огранки, со средней длиной в 6—8 см, есть до 11 см. Большой удельный вес (1/3) составляют пластинки со следами работы: выщербленность или смятость небольшого участка края. Сработанность, как правило, приурочена к тому или другому краю основания пластинки. Весьма значительную серию составляют микропластинки — около 450 экз. Величина их неодинакова: длина от 2 до 7 см (в среднем 4—5 см), ширина от 0,5 до 1,0 см. Пятая часть их имеет следы утолщения.

Законченные орудия составляют более 10% инвентаря. Самую многочисленную серию (более 100 экз.) образуют резцы — срединные, боковые, угловые (рис. 2, 8—10, 15—17). Примерно половина резцов — боковые, несколько меньше угловых и совсем мало срединных. Заготовкой для резцов служила пластинка длиной в среднем в 5—8 см. Найдено примерно 50 снятий от оформления резца. Концевые скребки в коллекции единичны (рис. 2, 14). К ним примыкает небольшая серия скребковидных изделий в виде краевых сколов, наиболее массивная и изогнутая концевая часть которых имеет следы сработанности. Пластинок со срезаным (крутой ретушью) концом — прямым, скопленным, выемчатым или с выступом в средней части (рис. 2, 7, 12, 13) — встречено свыше 20. Пластинок с мелкой ретушированной выемкой по краю около десятка (рис. 2, 11). Несколькими предметами представлены проколки с выделенным мелкой ретушью жалъцем (рис. 2, 6) и пластинки с зубчатым краем. Пластинок с ретушью более 50. Ретушь, как правило, мелкая притупляющая и только на небольшом участке края. Иногда она нанесена с нижней стороны пластинки, приостряя ее край. Большую серию — до 70 экз. — составляют микроизделия (микропластинки с затупленным краем, с ретушью по краю, с поперечной ретушью на конце, с затупленным краем и поперечной ретушью; иногда ретушированный конец закруглен и имеет вид микроскребка; рис. 2, 1—5). В коллекции встречаются сильно обожженные кремни, что предполагает существование долго-

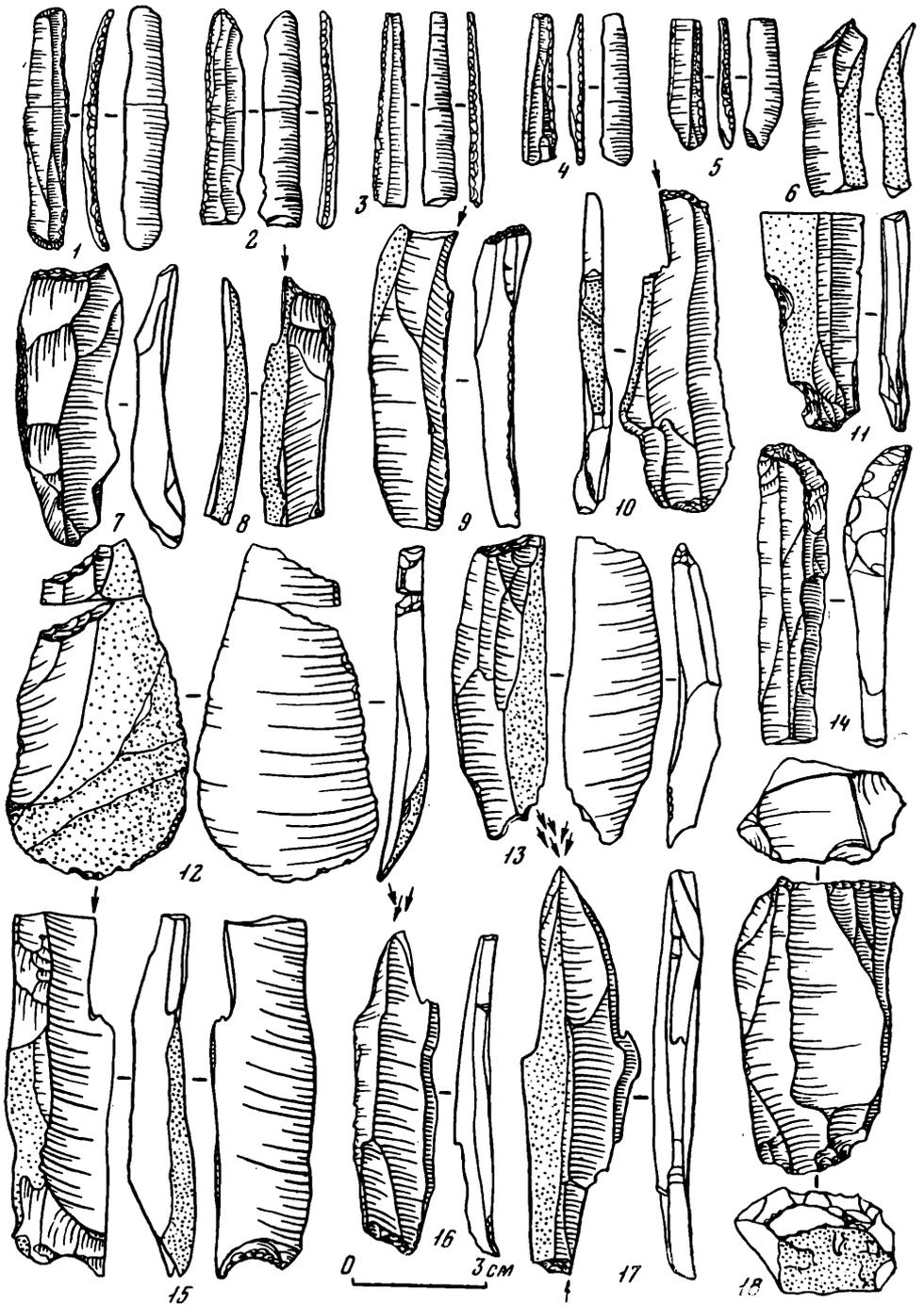

Рис. 2. Кремневый инвентарь

1—5 — микропластинки с затупленным краем (1, 2, 4 — и поперечной ретушью); 6 — проколка; 7 — пластинка с поперечной ретушью; 8, 10 — боковые резцы; 9, 15 — угловые резцы (15 — с выемкой на противоположном конце); 11 — пластинка с выемками; 12, 13 — пластинки с ретушированным скосом (12 — оформлялась дважды); 14 — концевой скребок; 16 — срединный резец (второй конец скошен); 17 — резец срединный боковой; 18 — двухплощадочный призматический нуклеус

временного очага. Помимо этого, найдены песчаниковые абразивы и кварцитовый отжимник.

Высокий уровень техники первичной и вторичной обработки камня и состав орудий позволяют отнести стоянку к поздней поре позднепалеолитической эпохи. На это же указывают и условия залегания находок — самый верхний уровень лёссовидных отложений. Хорошо выраженный культурный слой, состав вещественных остатков, высокий удельный вес кремневых изделий с вторичной обработкой, присутствие сильно сработанных, поломанных и переоформленных орудий и вероятное существование долговременного очага позволяют считать стоянку Косица поселением.

По ряду признаков стоянка Косица имеет сходство с позднепалеолитическим слоем стоянки Коршево II, расположенной западнее, в верховьях ручья Коршовка. Кремневый инвентарь здесь невелик по объему, но для него тоже характерна пластинчатая техника с применением торцового способа скалывания с плитковидного нуклеуса, кремнь в одинаковой степени патинизирован, близки изделия с вторичной обработкой. Культурный слой в Коршево II также связан с орстандовым слоем, венчающим лёссовидные отложения. Некоторые черты сходства в кремневом инвентаре прослеживаются и со стоянкой Елисеевичи, находящейся примерно в 30 км юго-западнее, на р. Судости. Как и в Косице, там представлены орудия со скошенным концом и микропластинки с затупленным краем, очень редки концевые скребки и проколки с ретушированным острием. Самую многочисленную группу орудий в Елисеевичах также составляют резцы, среди которых таким же образом преобладают боковые и малочисленны срединные³. Вместе с тем по некоторым признакам, и прежде всего по условиям залегания, Косица является более поздним памятником, чем Елисеевичи⁴.

¹ Тарасов Л. М. Раскопки палеолитических стоянок на Верхней Десне. — АО 1976 г. М., 1977.

² Тарасов Л. М. Раскопки в Бетово и Косице. — АО 1977 г. М., 1978.

³ Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

⁴ Арсланов Х. А., Куренкова Е. И. Радиоуглеродные датировки некоторых позднепалеолитических стоянок бассейна Десны. — БКИЧП, М., 1975, № 44; Величко А. А., Грехова Л. В., Ударцев В. П. Новые данные по археологии, геологии и палеогеографии стоянки Елисеевичи. — В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977.

Н. К. АНИСЮТКИН

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЕ НАХОДКИ ДОМУСТЬЕРСКОЙ ЭПОХИ В ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Основные домустьерские комплексы Пруто-Днестровского междуречья либо лишены стратиграфических привязок (Лука Врублевецкая)¹, либо эти привязки недостаточно надежны (гrotы Выхватинцы и Старые Дурутторы)². В Черновицкой же области, если исключить ее приднестровскую часть, находки раннего палеолита вообще неизвестны.

В последнее время в долинах рек Прут и Днестр установлено три пункта находок изделий домустьерского характера (рис. 1), привязанных к определенным стратиграфическим уровням.

1. Местонахождение в урочище Лутария (северо-западная окраина с. Мольница, правый берег р. Прут, близ г. Черновцы). Местный учитель М. Г. Онофрей нашел здесь в песчаном Карьере кремневое орудие

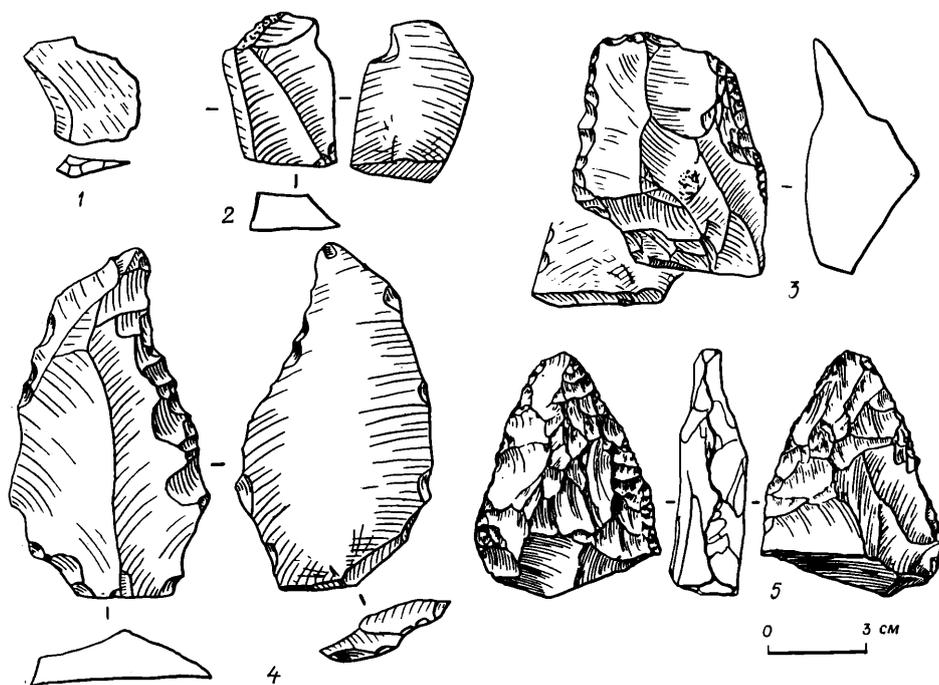

Рис. 1. Находки домустьерской эпохи в Черновицкой обл.

1—3 — Пригородок IV; 4 — Лутария; 5 — Кетросы. 1 — скол подправки, 2 — отщеп, 3, 4 — скребла, 5 — обломок бифаса

древнепалеолитического облика. Осмотр места находки в 1969 г.³ позволил установить связь артефакта с нижней частью аллювиальных отложений высокой террасы, соответствующей IV или III надпойменной террасе р. Прут. Стратиграфия отложений в месте находки следующая (сверху вниз): 1) современная почва — 30 см; 2) суглинок коричневого цвета — 40 см; 3) супесь желто-серого цвета — 80 см; 4) песок желто-серый, слоистый, с линзами гальки — до 3 м.

В современной почве и суглинке найдены изделия энеолита и позднего палеолита. В нижней части слоя 4 выявляются тонкие прослойки гальки и гравия. На глубине 4 м от современной дневной поверхности прослежена рыжая прослойка со следами ожелезнения, с включениями мелкой гальки и гравия, мощность которой не превышала 10 см. Кремневое орудие, судя по наличию на его поверхности следов ожелезнения, происходит из этой прослойки. Предмет изготовлен из галечного кремня хорошего качества. Поверхность его покрыта густой патиной желтовато-серого цвета с ржавыми полосами и пятнами. Грани достаточно сильно окатаны, ясно выражена забитость острых краев и кромок, а также люстраж, т. е. все признаки, которые характерны для артефактов из аллювиальных отложений. Заготовкой для орудия послужил подтреугольный отщеп достаточно крупных размеров (длина 10 см) и удлиненных пропорций. Центральная ось скалывания не совпадает с наибольшей длиной отщепа, отклоняясь на 30°. Массивность поперечного и продольного сечений незначительна (общий показатель массивности равен 21)⁴. Спинка сложена тремя негативами предшествующих радиальных снятий, крупный ударный бугорок занимает почти половину плоскости брюшка, ударная площадка выпуклая, фасетированная. Рабочий край обработан плоской однорядной ретушью, лезвие ножевидное. Зубчатый контур его — явление вторичное. Орудие можно отнести к простым боковым скреблам с вогнутым лезвием.

2. Местонахождение Пригородок IV (правый берег р. Днестр у с. Пригородок, близ г. Хотин). Обнаружено автором в 1964 г. выше села, в начале молодого оврага, пересекающего III надпойменную террасу. Зачисткой выявлена следующая стратиграфия: 1) почвенно-растительный слой — 20 см; 2) суглинок известковистый светло-желтого цвета — 130 см; 3) суглинок темно-коричневого цвета с более темными и сероватыми прослойками — 160 см; 4) супесь желтого цвета, слоистая, переходящая в песок с линзами и прослойками гальки, окрашенными местами в ржавый цвет (следы ожелезнения) — 80 см; 5) галечник — 70 см.

В слое 2 найдено два обломка костей мамонта, в кровле слоя 4 — неопределимый обломок трубчатой кости крупного животного, а также отщеп. Второй отщеп и скребло найдены под обнажением, третий отщеп подобран в нескольких метрах от обнажения. Второй отщеп и скребло лежали в осыпи из супеси и песка (результат нарушения отложений пастухами, пытавшимися выкопать кость из слоя 4)⁵.

Из аллювиальных отложений III надпойменной террасы (слои 4 и 5) происходит, таким образом, коллекция изделий, состоящая из скребла и трех отщепов. Все они кремневые, покрыты сине-белой патиной, интенсивной лишь с одной стороны. Поверхность их имеет отчетливый люстриаж и слегка окатана. Два отщепов могут рассматриваться как заготовки, третий является сколом подправки. В качестве заготовки для орудия использован массивный отщеп средних размеров, снятый с массивного шаровидного нуклеуса, с крупным ударным бугорком. Наибольшая ось отщепов незначительно отклоняется от оси скальвания.

Орудие имеет два рабочих края, один из которых обработан краевой зубчатой ретушью, второй — грубой краевой ступенчатой. Орудие комбинированное, его можно считать скреблом, так как этот элемент выражен ярче.

Сколы-заготовки являются небольшими отщепами. Один из них изготовлен из галечного кремня, имеет галечную ударную площадку и укороченные пропорции. Он напоминает долечные формы. Показатель его массивности очень велик, достигая 41. Второй имеет гладкую и скошенную ударную площадку, значительную массивность (показатель 32). Скол подправки — полукраевой отщеп небольших размеров с фасетированной ударной площадкой.

3. Местонахождение Кетросы (правобережье Днестра, в 70 м южнее одноименной мустьерской стоянки)⁶. В суглинках пойменной фации аллювия II надпойменной террасы здесь найден обломок бифаса из серого окварцованного алеврито-песчаника (определение Н. Б. Селивановой). Речь идет об обломанном в древности верхнем остром конце орудия треугольной формы, имевшего, вероятно, значительные размеры. Бифас, как можно допустить, имел копьевидную форму. С одной стороны и вдоль одного края с другой он был окрашен в слабо-охристый цвет. По заключению петрографа Н. Б. Селивановой, окрашенность эта является вторичной: бифас был, возможно, подобран неандертальцами на одной из более высоких террас, где обнажались красноцветные суглинки. Материал, из которого он изготовлен, неизвестен в палеолите юго-западной части Русской равнины.

Возраст кремневых изделий из Лутарии и Пригородка IV соответствует времени аллювия III и IV надпойменных террас. Аллювий III надпойменной террасы, согласно схеме И. К. Ивановой, датируется риссом, IV — миндель-рисским межледниковьем⁷.

Скребло из Лутарии и пригородский комплекс относятся, как кажется, к разным традициям. Последний имеет полное сходство с индустрией южного местонахождения Кишлянский яр, что проявляется даже в однотипности сырья. Аналогичные формы комбинированных орудий известны как в одном комплексе, так и в другом. Совершенно однотипны приемы вторичной обработки и техники расщепления. Что касается лутарийского скребла, то можно указать лишь на то, что оно изготовлено на тонком,

хотя и не леваллуазском, отщепе, имеющем выпуклую фасетированную площадку. Последнее обстоятельство допускает предположение о леваллуазском (или протолеваллуазском) характере техники расщепления. Приведенные суждения имеют, конечно, весьма предварительный характер. С уверенностью можно лишь говорить о том, что на территории Буковины и Хотинщины, согласно современным данным, древнейшие люди появились не позднее начала позднеашельского времени, т. е. еще в среднем плейстоцене.

¹ Борисковский П. И. Палеолит Украины. — МИА, 1953, № 40, с. 39.

² Кетрару Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита: (Археологическая карта Молдавской ССР). Кишинев, 1973, вып. 1, с. 14—20.

³ Исключительно большая помощь была нам оказана известным буковинским художником, краеведом-любителем Н. Ф. Ткачуком, которому приношу глубокую благодарность.

⁴ Анисюткин Н. К. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов. — АСГЭ, 1968, 10, с. 6—7.

⁵ На поверхности скребла, особенно в фасетках, сохранились частицы супеси, что позволило привязать его к определенному стратиграфическому уровню.

⁶ Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Кетросы в Среднем Приднестровье. — БКИЧП, 1978, № 48.

⁷ Иванова И. К. Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья. — В кн.: Много-слойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М., 1977, с. 139.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА, М. Н. КЛАПЧУК

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МЕЖИГИРЦЫ I В ИВАНО-ФРАНКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Стоянка Межигирцы I¹ расположена на горе Верстовой, возвышающейся на левом берегу р. Быстрицы (левый приток Днестра), на западной окраине с. Межигирцы Галицкого района Ивано-Франковской обл. В настоящее время жюжная и западная части горы уничтожены в результате горных разработок. Остатки позднепалеолитической стоянки были обнаружены при вскрытии отложений лёссовидного суглинка в центральной части горы. В 1975 г. на памятнике начала работы экспедиция Ивано-Франковского краеведческого музея, возглавляемая М. Н. Клапчуком. В 1976 г. на сохранившемся участке были заложены четыре раскопа. Во всех раскопах наблюдалась почти сходная стратиграфия: 1) почва — 0,4—0,45 м; 2) переходный слой от почвы к суглинку, пронизанный многочисленными кротовинами, — 0,4—0,55 м; 3) суглинок, лёссовидный, палевый, пылеватый, изрезанный кротовинами и насыщенный известковистыми образованиями (дутиками или журавчиками), — 1—1,1 м; 4) супесь — от 1,7—1,8 м и глубже. Культурный слой расположен в нижней части лёссовидного суглинка и хорошо выделяется более темным цветом; возможно, он залегает в погребенной почве. Мощность культурного слоя 0,25—0,35 м.

Первый раскоп М. Н. Клапчука находился почти в центре горы и имел площадь 420 кв. м, но фактически был исследован меньший участок, так как часть слоя к моменту разборки была выбрана бульдозером. Культурный слой здесь фиксировался в основном по находкам кремней и фаунистическим остаткам.

Второй раскоп (20 кв. м) расположен юго-восточнее первого. В культурном слое обнаружено семь зольных линз диаметром от 0,55 м до 2,1 м и мощностью 5—10 см, а местами до 35 см. Пережженный суглинок

толщиной в 1—5 см подстилал зольный слой. В раскопе найдено много кремней, обгорелых костей мелких животных, зубы и нижняя челюсть мамонта. Третий раскоп (46 кв. м) примыкал вплотную к южной части второго. Культурный слой, как и в предыдущих раскопах, выделялся по окраске, в нем найдены кремни и фаунистические остатки. Четвертый раскоп (9 кв. м) находился севернее второго. Здесь расчищена линза обожженного грунта мощностью 8 см. Культурный слой был насыщен многочисленными кремнями, расколотыми костями, угольками, кусочками охры. Вторым и четвертым раскопами, по предположению М. Н. Клапчука, были вскрыты центральные участки стоянки, первым и третьим — периферийные. Во всех раскопах, по предварительным подсчетам, собрано более 500 костей животных и около 8000 кремней.

Фауна стоянки представлена северным оленем, мамонтом, лошастью, волком, бурым медведем, лисицей или песцом, быком (?) (одна кость)². Абсолютное большинство фаунистических остатков принадлежит северному оленю. Отмечено, что в коллекции имеются кости молодых особей северных оленей в возрасте не старше 8 месяцев. В связи с этим высказано предположение, что в плейстоцене северные олени обитали на территории Западной Украины, а не прикочевывали сюда из более северных областей. Кости молодых особей северных оленей раньше были обнаружены в позднелепидолитической стоянке Лисичники (средний культурный слой). «Северный олень, — писал об этой находке П. И. Борисковский, — был основным объектом охоты и источником пищи. Преобладают кости молодых особей, у которых сохранились молочные зубы»³. При просмотре костей со стоянки Межигирцы была отмечена их сильная заглаженность и затертость: кости, возможно, претерпели значительное перемещение.

Исходным сырьем для изготовления каменных изделий на стоянке служил местный днестровский кремль; найдены также песчаниковые гальки. Почти все кремни покрыты плотной белой патиной⁴.

Техника расщепления — пластинчатая. Среди отщепов преобладают тонкие экземпляры средних (длина 4,5—3,1 см, ширина 3,2—2 см) и мелких (длина 2,1—1,5, ширина — 1,3—0,9 см) размеров. Пластинки в основном правильных призматических форм, средней величины (5—4 см), много мелких (4,1—3,2 см) и микропластинок (3—1,5 см).

Нуклеусы представлены главным образом призматическими формами, одно- и двуплощадочными, среди последних большинство составляют ядрища со встречающимися ударными площадками. Параллельность негативов сколов на многих нуклеусах свидетельствует о снятии правильных удлиненных пластинок и микропластинок. Встречаются единичные конусовидные, клиновидные и дисковидные формы. Имеются нуклеусы всех стадий расщепления (от галек с подготовленными ударными площадками и одним-двумя пробными сколами до сильно сработанных образцов).

Орудий на стоянке много. По характеру заготовок их можно разделить на две группы: 1) из мелких пластинок и микропластинок (длиной 3,7—1,5 см), 2) из крупных и средней величины пластинок и отщепов (длиной 8,1—4 см).

К первой группе относятся мелкие пластинки и микропластинки: 1) с притупленным краем или краями, 2) с притупленным краем и ретушированными концами со спинки или с брюшка, 3) с притупленным краем и резовым сколом с брюшка, 4) пилки, 5) остря. Основой всех перечисленных орудий являются мелкие пластинки и микропластинки с притупленным краем, отличающиеся оформлением краев и поперечных концов. Наиболее многочисленную серию составляют пластинки с одним и двумя притупленными краями. Один край у них обработан обычно крутой притупляющей ретушью, второй — более мелкой. Второй край часто ретуширован не полностью, а лишь на отдельных участках (рис. 1, 9—11). Следующую разновидность представляют пластинки с притупленным краем и крутой ретушью на конце. Концы различны по форме:

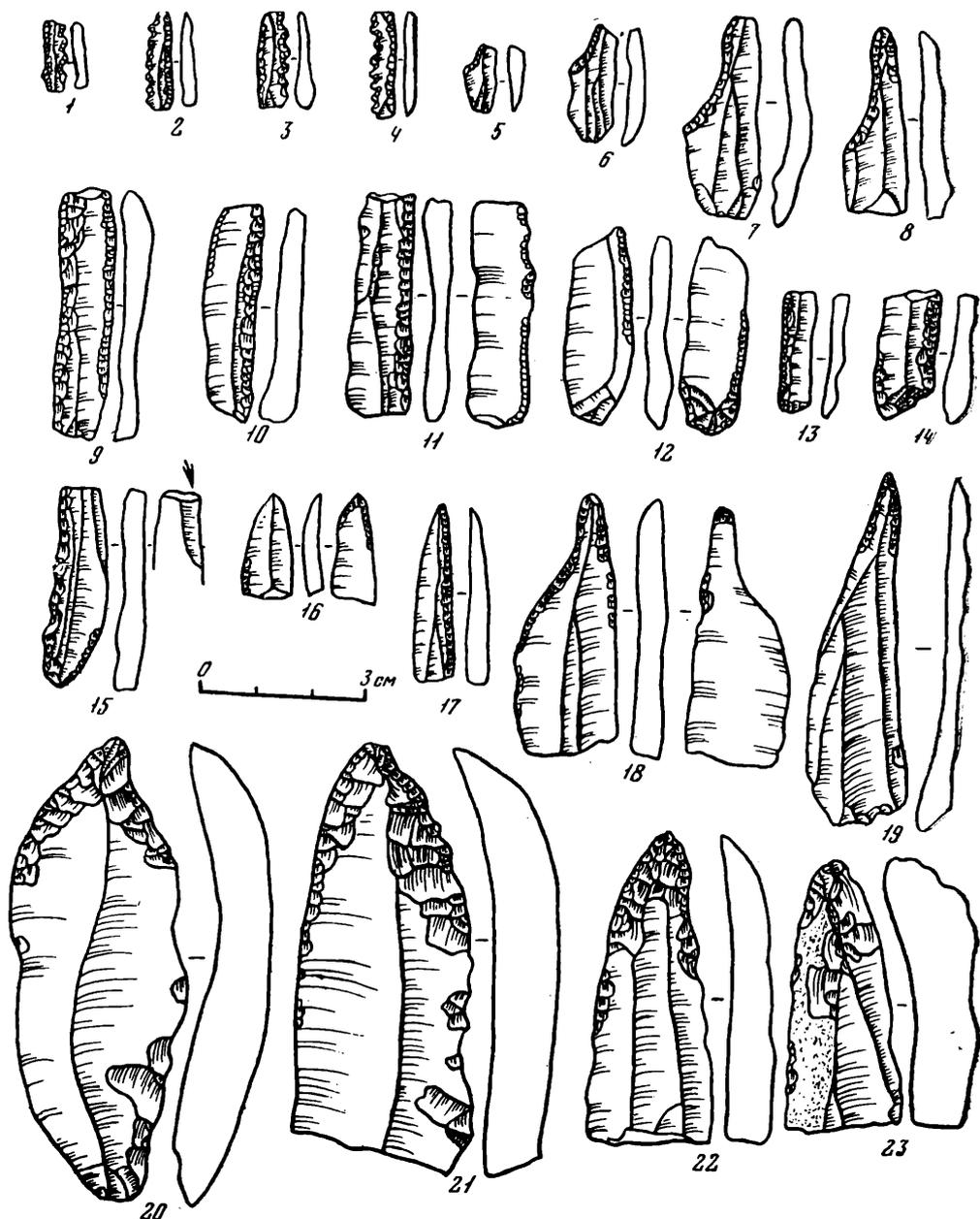

Рис. 1. Орудия стоянки Межигирцы I

1—4 — пилки; 5—8, 16—23 — остря; 9—15 — пластинки с притупленным краем и резовым сколом с брюшка

прямые, овальные и скошенные. Иногда у таких изделий ретушь заходит на участок края, прилегающий к ретушированному концу. Пластинок с притупленным краем и концами, ретушированными с брюшка, немного (рис. 1, 12—14), ретушь, нанесенная с брюшка, более пологая и мелкая, в ряде случаев она расположена по самой кромке края. Массивные концы утончали мелкими плоскими сколами. Небольшой серией (5—6 экз.) представлены пластинки с притупленным краем и резовыми сколами с брюшка (рис. 1, 15). С морфологической точки зрения эти орудия являются плоскими резами на углу сломанной пластинки. Подобные изделия известны из позднелеолитических стоянок Молодова 5⁵, Рашков 7⁶ и Костешти 1⁷.

Пилки (рис. 1, 1—4) изготовлены из микропластинок; по более массивному краю их нанесена крутая притупляющая ретушь, по тонкому, пильчатому — мелкая притупляющая. Сочетание выступов и выемок создает зубчатость края. Аналогичные орудия найдены в нижнем горизонте Костенок 4⁸.

Среди разнообразных острий (рис. 1, 5—8) следует выделить, прежде всего, орудия с выемкой в верхней части пластинки; край выемки ретуширован до верхнего конца пластинки, который заострен. Острия эти дошли в основном в сломанном виде. Подобные орудия найдены в Молодове 5 и в закавказских стоянках Сакажиа, Девис-Хврели и Гварджилас-Клде⁹, в последних они получили название «ножей типа Ргани». Имеются также острия с полностью ретушированным одним краем, с ретушью только у заостренного конца со спинки и в одном случае — с брюшка (рис. 1, 16—19).

Ведущее место среди второй группы (изделия, изготовленные из крупных и средних пластинок и отщепов) принадлежит резцам (рис. 2, 7—10). Большинство их — ретушные (боковые) и на углу сломанной пластинки, меньшинство — двугранные (срединные) и угловые из отщепов. Среди ретушных преобладают косоретушные, имеются и с поперечными резцовыми сколами. Есть резцы двойные и тройные. Много плоских, резцовый скол которых полностью или на 2/3 расположен на стороне брюшка.

Скребок меньше, чем резцов (рис. 2, 1—6), они изготовлены из пластинок, отщепов, краевых сколов, расколотых нуклеусов. Преобладают орудия средних размеров, хотя встречаются и крупные, массивные экземпляры. Скрепки из пластинок — концевые, у отдельных из них ретушированы края. Скрепки из отщепов тоже в основном концевые, среди них имеются орудия высокой формы. Скрепки из расколотых нуклеусов по характеру оформления приближаются к нуклевидным. Единичны двойные; округлые не встречены.

Комбинированные орудия (скрепки-резцы) составляют небольшую серию. Скрепки здесь концевые, резцы различные: ретушные, угловые, один двугранный.

Набор крупных острий (рис. 1, 20—23) значителен и разнообразен. В него входят изделия из пластинок с плоской распространенной (на участке острия) ретушью (имеются отдельные экземпляры, ретушированные дополнительно на кончике острия с брюшка); острия, оформленные по краям притупляющей ретушью; два изделия, напоминающие пушкаревские острия.

Много пластинок с ретушированными краями или концами. Края оформлялись ретушью лицевой, реже брюшковой или противоположащей, концам придавалась прямая, скошенная, выпуклая или вогнутая форма.

Скребла немногочисленны, среди них имеются одинарные и двойные, поперечные и продольные, одно скребло с двусторонней обработкой.

При осмотре стоянки в 1977 г. был найден бифас. Конец его сломан, основание прямое, утонченное с двух сторон сколами. На одной плоскости наблюдаются негативы крупных сколов, нанесенных от краев к центру, но один край здесь оставлен без ретуши. Другая плоскость бифаса оформлена сколами, тоже имеющими направление от краев к центру, поверх которых был нанесен затем крупный тонкий скол. Оба края с этой стороны ретушированы. А. К. Филиппов обнаружил на орудии следы более поздней вторичной обработки.

Кроме перечисленных орудий, на стоянке найдены гальки из песчаника со следами стертости и забитости, позволяющими рассматривать данные предметы в одних случаях как отбойники, в других — как песты-терочники.

Подводя итоги характеристики инвентаря Межигирц I, необходимо отметить довольно многочисленную группу мелких пластинок и микропластинок, различающихся оформлением краев и концов, и группу более

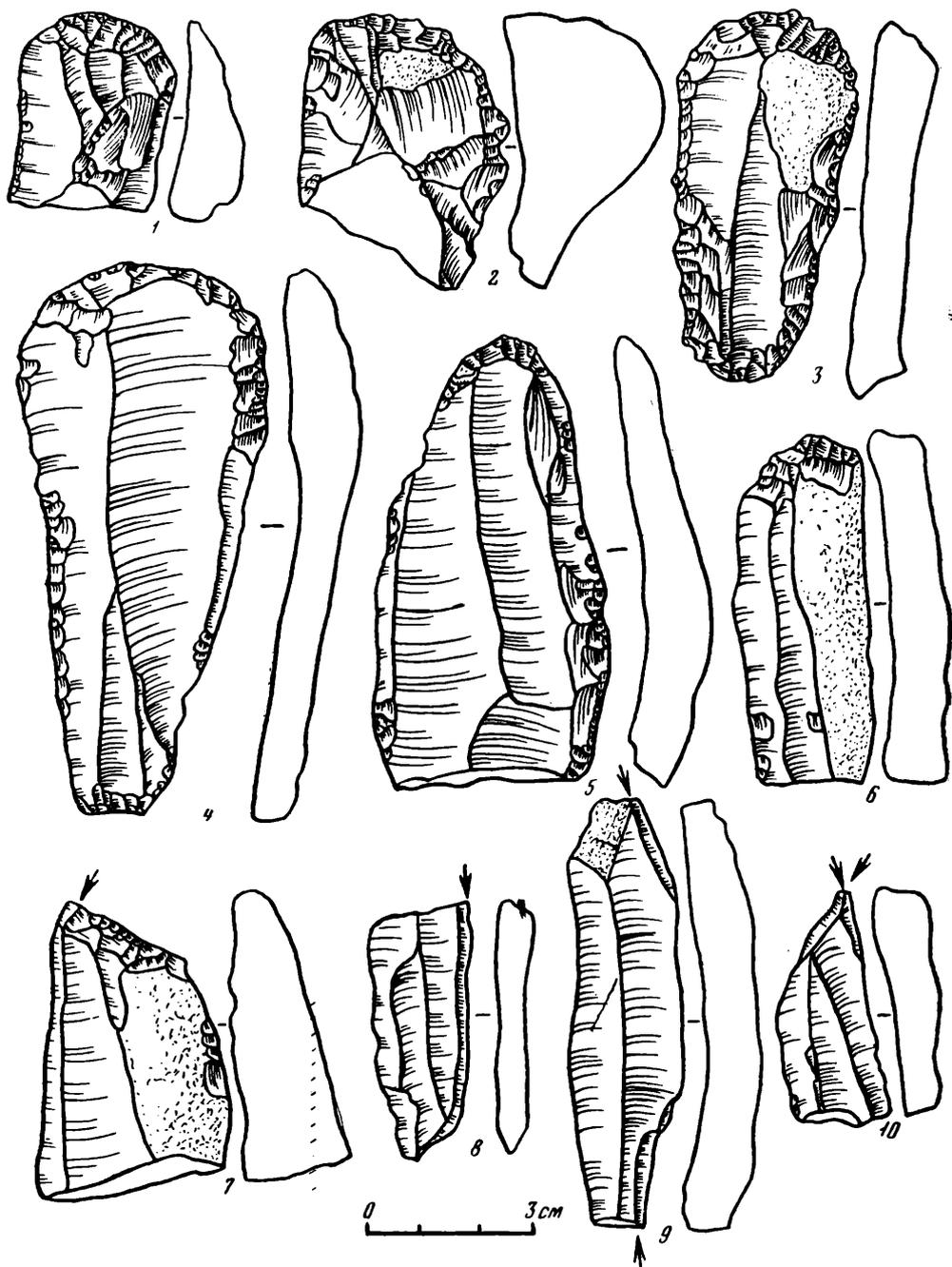

Рис. 2. Орудия стоянки Межигирцы I
1—6 — скребки; 7—10 — резцы.

крупных орудий, представленных резцами, скребками, ретушированными пластинками, острями, небольшой серией скребел, комбинированных орудий, отбойниками, пестами-терочниками и единственным бифасом. Набор орудий богат и разнообразен и по формам и характеру обработки напоминает орудия молодовских стоянок. Межигирцы I, таким образом, могут быть отнесены к памятникам молодовской культуры, рамки которой за последние годы значительно расширились за счет новых стоянок, открытых и исследуемых в бассейнах Днестра и Прута.

В целом Межигирцы I — памятник своеобразный и сложный. Бросается в глаза, что кости сильно заглажены, в то время как кремни сохранились вплоть до мельчайших чешуек. Причина такого контраста может быть выяснена только при дальнейшем исследовании памятника. Условия залегания культурного слоя, характер кремневого инвентаря, преобладание среди фаунистических остатков костей северных оленей позволяют датировать Межигирцы I развитой порой позднего палеолита и даже, вероятно, второй половиной его.

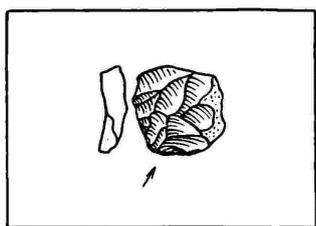
- ¹ *Клапчук М. Н., Микитенко Л. Н.* Новые данные о палеолите и мезолите Ивано-Франковской области. — АО 1975 г., М., 1976, с. 335—337; *Клапчук М. Н.* Раскопки верхнепалеолитического местонахождения Межигирцы I. — АО 1976 г., М., 1977, с. 302—303.
- ² Мы глубоко признательны В. И. Бибиковой, Н. Г. Белан и Н. М. Ермоловой за определение фауны со стоянки Межигирцы I.
- ³ *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. — МИА, 1953, № 40, с. 130.
- ⁴ Из-за разобщенности кремневой коллекции мы не можем дать подсчетов орудий, нуклеусов, пластинок, отщепов и др.
- ⁵ *Черниш О. П.* Палеолітична стоянка Молодове 5. Київ, 1961, с. 86—119.
- ⁶ *Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Исследования палеолитических стоянок Рапш-ков 7 и 8. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973, с. 15—25.
- ⁷ *Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Позднепалеолитическая стоянка Костешты 1. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии (1973 г.). Кишинев, 1974, с. 20—30.
- ⁸ *Рогачев А. Н.* Костенки 4 — поселение древнекаменного века на Дону. — МИА, 1955, № 45, с. 126—128.
- ⁹ *Замяткин С. Н.* Палеолит западного Закавказья, 1. Палеолитические пещеры Имеретий. — В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1957, т. 17, с. 491—494.

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

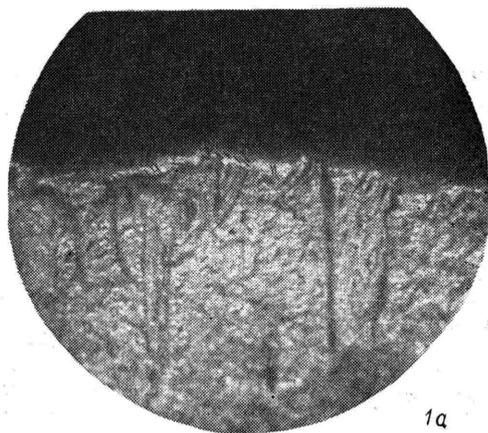
СЛЕДЫ ОТ РАБОТЫ НА КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЯХ ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ХРЯЩИ И МИХАЙЛОВСКОЕ (СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ)

В то время как в инвентаре вюрмских мустьерских стоянок сейчас прослежено довольно много каменных орудий со следами изнашивания от работы¹, позволившими установить, для каких функций эти орудия изготовлялись и в какого рода операциях они вторично использовались, функциональных исследований домустьерских орудий до сих пор не проводилось. Это и понятно, так как чем древнее палеолитические орудия, тем в меньшей степени они доступны для трасологического анализа. Их поверхность очень часто имеет признаки различных вторичных преобразований от воздействия природных факторов (окатанность, выветренность, выкрошенность краев, испаранность, заглянцованность). Эти признаки характерны для многих домустьерских изделий, независимо от того, изготовлены ли они из кремня, окремненных пород, туфа, андезита или обсидиана.

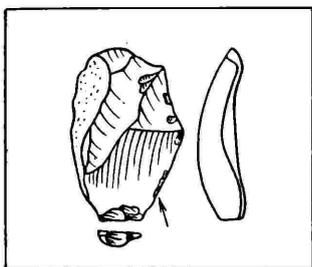
В комплексах кремневых изделий, происходящих из домустьерских местонахождений Хрящи (верхний комплекс) и Михайловское, исследуемых Н. Д. Прасловым², среди оглаженных, а чаще заглянцованных предметов нам удалось обнаружить ряд изделий сравнительно хорошей сохранности. На некоторых из них сохранились отчетливые следы изнашивания от работы, которые хорошо видны на сделанных нами микрофотографиях (рис. 1, 1а—3а; 2, 1а—3а). Кремнь, из которого изготовлены орудия, высокого качества; он прозрачный, светло-серого, серого и

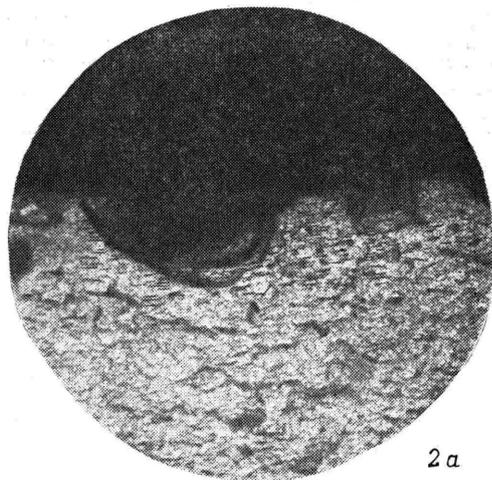
1

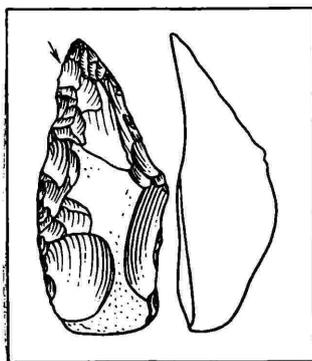
1a

2

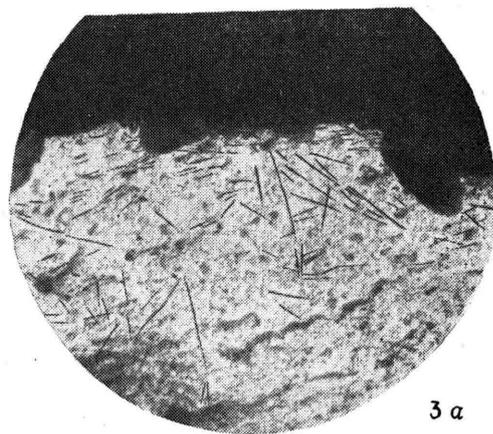

2a

3

0 5 см

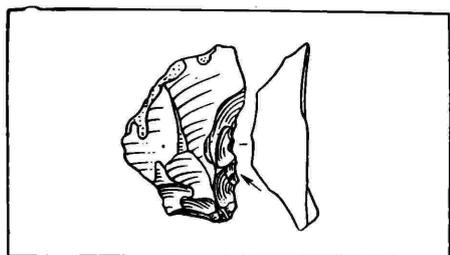

3a

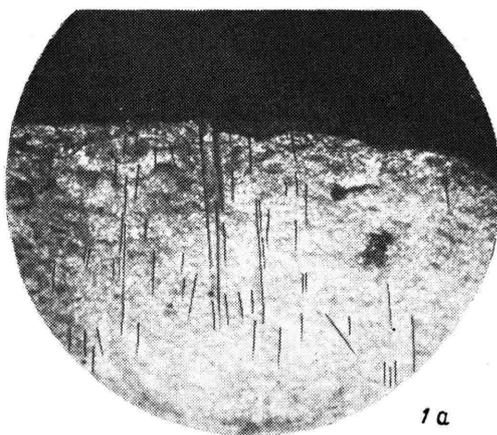
0 0.5 мм

Рис. 1. Кремневые орудия из домустьерских местонахождений Хряци (верхний комплекс) и Михайловское со следами изнашивания от работы

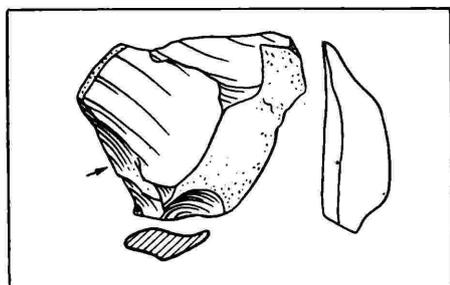
1, 1a — скребок по мягкому материалу; 2, 2a — режущее орудие; 3, 3a — нож.
1 — из местонахождения Хряци; 2, 3 — из местонахождения Михайловское

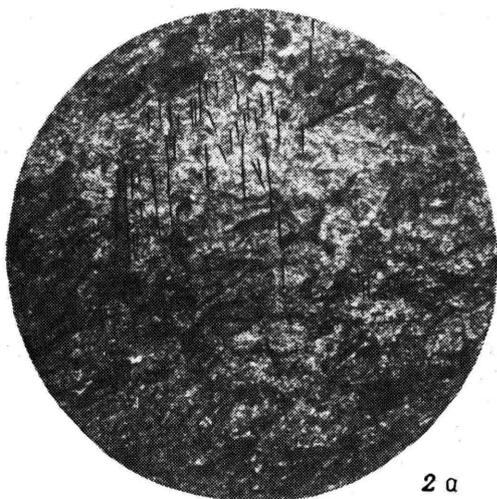
1

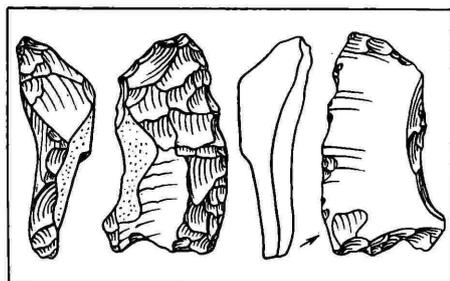
1a

2

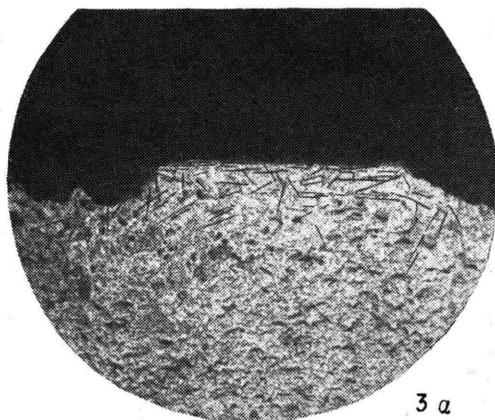

2a

3

0 5 CM

3a

0 0,5 MM

Рис. 2. Кремневые орудия из мустьерских местонахождений Хрящи (Верхний комплекс) и Михайловское со следами изнашивания от работы

1, 1a — струг; 2, 2a — стругающее орудие; 3, 3a — нож. 1, 3 — из местонахождения Михайловское; 2 — из местонахождения Хрящи

темно-серого цвета, с редкими карбонатными включениями. Патинизация орудий незначительная или отсутствует вовсе.

При анализе изношенных орудий из этих местонахождений особенно важным оказалось то, что в следах изнашивания от работы, прослеженных на них, удалось зафиксировать определенные микроморфологические различия и выделить по крайней мере три самостоятельных типа изнашивания орудий: следы изнашивания от скобления, резания и строгания. Эти, как и все другие типы изнашивания первобытных орудий, мы обозначаем функциональными понятиями и при этом основываемся на кинематике, отражаемой линейными следами, являющимися, на наш взгляд, основной и наиболее информативной для интерпретации функций орудий категорией признаков изнашивания их от работы. Кратко охарактеризуем признаки отмеченных типов следов изнашивания орудий.

Изнашивание от скобления. Рабочий край орудия с обеих сторон имеет зеркальную заполировку. Ребра фасеток ретуши и текстурные неровности его поверхности сильно истерты. Линия края сглажена, а кромка закруглена в поперечном сечении. Линейные следы располагаются преимущественно на истертых и сглаженных выступах кромки края. Следы очень мелкие и тонкие, ориентированы поперек и под разными углами к линии края (рис. 1, 1а). Такие специфические следы изнашивания уже были изучены нами на кремневых орудиях мустьевого времени из стоянок Носово I и Монашеская пещера. Несомненно, они указывают на обработку орудиями мягкого материала (вероятно, слабо просушенных шкур животных)³.

Изнашивание от резания. Рабочий край также отличается заполированностью с обеих сторон, но заполировка не имеет типичной зеркальности. Заполированы не только кромка, но и плоскости края, линейные следы на которых выражены в виде продолговатых прерывистых блесков (рис. 1, 2а) или тонких царапинок (рис. 1, 3а; 2, 3а), вытянутых в параллельном направлении, а также наискось и поперек изношенного края. Кромка рабочего лезвия слабо истерта, достаточно остра, мелкозубрена и обычно имеет фасетки выкрошенности. Линейные следы этого типа изнашивания отражают сложную кинематику режущих орудий, при работе которыми совмещаются по крайней мере три операции: собственно резание с элементами пиления, прокалывание (для орудий остроконечной формы) и строгание.

Изнашивание от строгания. Заполировка рабочего края односторонняя и располагается, как правило, на неретушированной, брюшковой стороне. Линейные следы в виде относительно крупных штрихов и царапин, ориентированных только в одном направлении — поперек линии рабочего края (рис. 2, 1а, 2а).

Отмеченные следы изнашивания особенно отчетливы на шести исследованных изделиях (четыре орудия и два отщепы без дополнительной обработки). При этом на орудиях очень хорошо видно полное совпадение следов изнашивания от работы с основными, выделенными вторичной обработкой морфологическими элементами изделий. Эта связь типа изнашивания с формой ретушированной рабочей части изделий свидетельствует о том, что эти домустьева орудия, как и многие каменные орудия мустье и позднего палеолита, изготовлялись с учетом конкретных функций и были до некоторой степени специализированными орудиями. Вместе с тем их формы были более разнообразными по сравнению с видами использования. Это весьма распространенное в палеолите явление вызывалось, очевидно, тем, что наряду со стремлением изготовить орудие, достаточно пригодное для выполнения того или иного вида работы, сказывались и индивидуальные склонности древного мастера в приспособлении орудия к руке путем известной модификации формы изделия, хотя проявлялись они обычно в рамках определенной технической традиции.

Поэтому в комплексах инвентаря обоих местонахождений подлинными орудиями, использовавшимися в работе, очевидно, длительное время, были изделия со вторичной обработкой. Отметим некоторые из них. В коллекции из Хрящей небольшое типологически плохо определенное скребковидное орудие, обработанное по краю плоской ретушью, по следам изнашивания от работы является скребком по мягкому материалу (рис. 1, 1, 1а). В инвентаре Михайловского среди орудий удалось распознать два ножа и струг (инструмент для строгания). Один из этих ножей в типологическом отношении входит в категорию мустьерских остроконечников (рис. 1, 3, 3а), второй относится к категории мустьерских продольных выпуклых скребел (рис. 2, 3, 3а). Примечательно, что оба ножа, при всем типологическом различии, относятся к «обушковым» формам. У ножа в виде остроконечника обушок менее заметен; им служил правый продольный край с забитым лезвием, которому намеренно был придан крутой поперечный профиль. У второго ножа обушок имеет отчетливые признаки изготовления (рис. 2, 3, 3а). На этом ноже надо отметить также брюшковую отделку обоих концов (поперечную ретушь, выделяющую режущие углы лезвия орудия). Стругом неожиданно оказалось ретушированное выемчатое орудие с зубчатым лезвием (рис. 2, 4, 1а). Его обнаружение интересно в том отношении, что такие струги раньше не были известны и поэтому все выемчатые изделия ошибочно относились к скобелям (инструменты для обработки скоблением древков, рукояток и всякого рода округлых стержней). Теперь, очевидно, надо будет учитывать, что выемчатые орудия изготовлялись и для строгания.

В рассматриваемых коллекциях преобладают все же необработанные отщепы, и можно думать, что они широко использовались в качестве временных орудий. На нескольких отщепах зафиксированы следы изнашивания от работы. Один отщеп из Михайловского служил режущим, может быть пилящим, орудием (рис. 1, 2, 2а), а отщеп из Хрящей имеет отчетливый износ, характерный для строгающих орудий (рис. 2, 2, 2а). Формы этих орудий-отщепов неустойчивы, и, очевидно, для установленных функций они специально не изготовлялись. В лучшем случае имел место лишь отбор их среди других отщепов по принципу некоторой пригодности на них одного из краев, использованного затем в качестве рабочего края «разового» орудия. Информативная роль такого рода орудий значительно меньше, чем орудий со вторичной обработкой. Подлинными же, преднамеренно оформленные орудия с распознанными функциями являются хорошими свидетельствами культурных традиций обработки камня и в то же время указывают на стабильность отдельных видов производственной деятельности коллективов палеолитических охотников.

¹ Семенов С. А. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита. — В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, с. 18—26. Щелинский В. Е. Производство и функции мустьерских орудий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974; *Он же*. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье. — КСИА, 1975, вып. 141, с. 51—57; *Он же*. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий. — В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, с. 182—196.

² Праслов Н. Д. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и нижнего Дона. Л., 1968, с. 22—56; *Он же*. Домустьерские и мустьерские памятники юга Русской равнины. — В кн.: Природа и развитие первобытного общества. М., 1969, с. 119—124.

³ Щелинский В. Е. Экспериментально-трасологическое изучение..., с. 192—193.

РУСЛАНОВА ПЕЩЕРА — НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА ПРИКУБАНЬЯ

Русланова пещера открыта совместной Кавказской палеолитической экспедицией ЛОИА и Адыгейского НИИЯЛИЭ в 1976 г. Она расположена в 8 км к западу от станицы Баракаевской Мостовского района Краснодарского края, в каньоне р. Губс (приток Лабы), известном у местного населения под названием Борисовское ущелье. Обилие пещер и скальных навесов и благоприятные природные условия привлекали в это ущелье людей на протяжении значительного периода каменного века: здесь известно 11 мустьерских и верхнепалеолитических памятников. Некоторые из них были местами эпизодического посещения или кратковременными лагерями палеолитических охотников, другие, более интересные, — базовыми стоянками. Среди вторых имеются как однослойные (навес Сатанай, Баракаевская пещера и др.), так и многослойные (Губский навес 1, Монашеская пещера и др.). Территориально наиболее близким к Руслановой пещере памятником является финальнопалеолитическая стоянка Сатанай. Оба убежища расположены на левом борту ущелья, в 1 км друг от друга; Русланова пещера находится на относительной высоте 40 м, навес Сатанай — 12 м.

Пещера имеет вид небольшой карстовой галереи, устьевая часть на $\frac{3}{4}$ погребена наносами. Небольшая (около 15 кв. м) площадка перед входом обрывается к реке крутым облесенным склоном. Максимальная длина галереи 7 м; ширина варьирует от 4 м у входа до 1,5 м в глубине. Высота свода на участке капельной линии равна 0,55 м, в 4 м от входа и далее — 1,5 м. Пещера имеет южную экспозицию и является сухой солнечной (рис. 1).

В 1976 г. в пещере было заложено два шурфа, углубленных до скального дна. Шурф А (2×2 м) занял западную часть привходной площадки. Шурф Б (1×2 м) приурочен к приустьевой части галереи (рис. 1). Последний, как оказалось, совпал с участком расположения средневековой могилы, которая разрушила здесь слабощелый (5—10 см) культурный слой.

Шурф А обнажил два геологических слоя: 1) современная почва — 100—125 см; 2) бурый суглинок, сильно насыщенный мелким (1—2 см) угловатым щебнем. Слой имеет падение к краю площадки 25—40 см.

Археологические остатки встречаются в толще обоих слоев. В верхнем слое найдены отдельные предметы, относящиеся к средневековой эпохе.

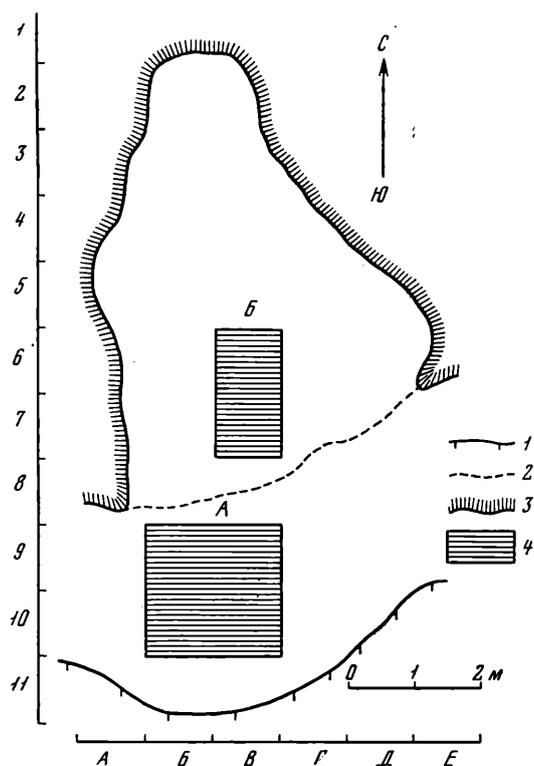

Рис. 1. Русланова пещера. Общий план

1 — край привходной площадки; 2 — край нависания свода (капельная линия); 3 — очертания галереи; 4 — шурфы 1976 г.

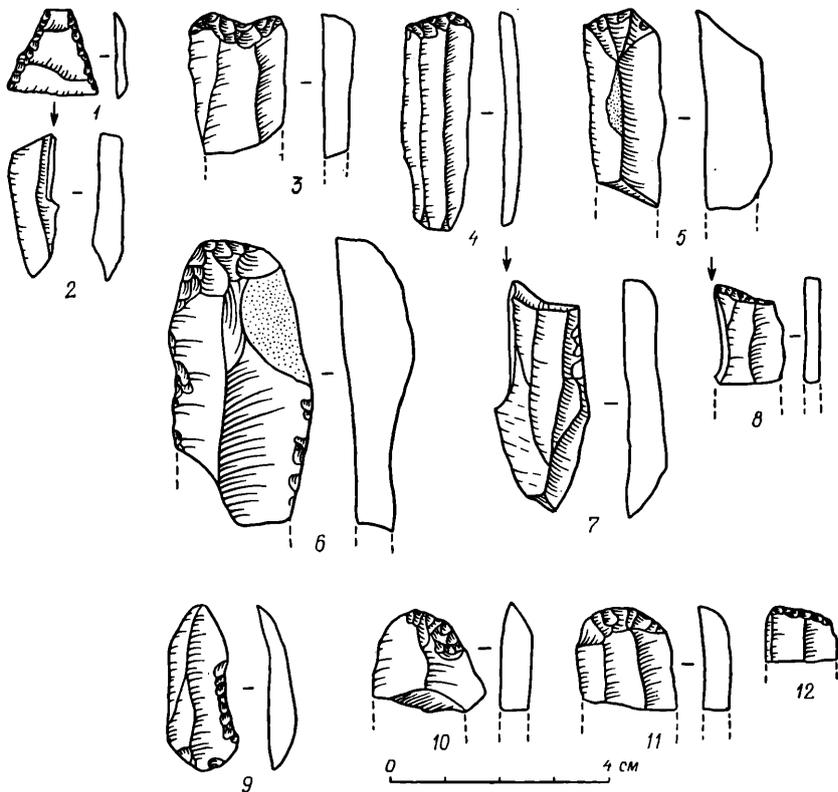

Рис. 2. Русланова пещера. Кремневые изделия

1 — трапеция; 3—6, 10—12 — концевые скребки; 2, 7—8 — резцы; 9 — пластина с ретушью

С нижним слоем связаны изделия каменного века. Стратиграфически и литологически разрез этот идентичен разрезу навеса Сатанай, что дает единственную пока для Северного Кавказа возможность геологической синхронизации двух памятников.

В слое 2 шурфа А собрана небольшая коллекция кремней и костей. Фаунистические остатки представлены 20 фрагментами трубчатых костей дикой лошади и 15 раковинами улитки *Helix*, что также имеет ближайшую параллель в навесе Сатанай, в котором остатки дикой лошади резко преобладают над остатками других видов животных и встречаются (не характерные для других стоянок Борисовского ущелья) раковины съедобных улиток *Helix*.

Коллекция каменных изделий состоит из 302 экз.; 12 (3,9%) из них являются орудиями. Исходным сырьем для их изготовления служил в основном кремнь темно-серого цвета. Найдены также кремни черного, табачного (несколько экземпляров), сургушно-красного (4 экз) и светлого полупрозрачного оттенков. Кремнь последней разновидности представлен наилучшими экземплярами пластин, пластинок и микропластинок. Встречено также несколько галечных отщепов.

Кремневый инвентарь Руслановой пещеры относительно малочислен. Мы ограничимся поэтому несколько общей характеристикой индустрии. Судя по одному ядрищу и трем нуклеидным обломкам, техника первичного раскалывания базировалась на нуклеусах призматической формы. Среди сколов господствуют пластины (50 экз.) и отщепы (57 экз.), представленные почти равным числом. Пластинок (19 экз.) и микропластинок (15 экз.) значительно меньше. Следует особо отметить наличие в инвентаре двух галечных отщепов зеленоватого мелкозернистого из-

вестняка, отколотых от речных валунов, — факт, отмеченный также в навесе Сатанай.

Для вторичной обработки характерна крупная и мелкая крутая и полукрутая ретушь. Три резца (два угловых и боковой) свидетельствуют о владении техникой резцового скола (рис. 2, 2, 7—8). Скребки представлены двумя разновидностями: концевые длинные (рис. 2, 4—6) и выемчатые (рис. 2, 3). Они изготовлены на пластинах довольно правильной формы. Один массивный экземпляр может быть отнесен к скребкам концевым высокой формы (рис. 2, 5). Наиболее выразительным орудием является симметричная высокая трапеция (рис. 8, 1), крутая ретушь на которой нанесена только на боковые края. Скребки и трапеция находят прямые аналогии в комплексе навеса Сатанай.

Приведенный материал, несмотря на свою немногочисленность, позволяет заключить, что культурный слой Руслановой пещеры синхронен таковому в навесе Сатанай. Это доказывается как стратиграфией памятника, так и технико-типологическими показателями инвентаря. Наличие в инвентаре трапеции и частичное использование в производственной деятельности речных плитчатых валунов характерно в Прикубанье только для материалов навеса Сатанай. Сопоставимые памятники сближают и такие черты, как единство фауны (абсолютное господство остатков дикой лошади) и находка в культурных слоях обеих стоянок раковин улиток *Helix*. Это представляется достаточным для заключения о культурной близости навеса Сатанай и Руслановой пещеры. Губская археологическая культура, которую до недавнего времени характеризовали только материалы навеса Сатанай, дополняется, таким образом, новым памятником. Дальнейшие исследования пещеры подкрепят, как предполагается, сделанные наблюдения и помогут полнее охарактеризовать эту своеобразную культуру.

А. К. ДЖАФАРОВ

ЛЕВАЛЛУАЗСКИЕ ОСТРОКОНЕЧНИКИ ТАГЛАРСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Во время раскопок Тагларской пещеры найдено более 4 тыс. каменных изделий, в составе которых имеется большая группа (137 экз.) леваллуазских остроконечников.

Леваллуазские остроконечники морфологически наиболее определенный тип леваллуазских орудий — орудий, которые получают свой законченный типологический облик уже на стадии первичного расщепления камня. Типологическое расчленение этих своеобразных орудий исходит поэтому только из их технических показателей — признаков, которые рассматривают при характеристике обычных сколов-заготовок (огранка спинок, подправка ударных площадок, очертания, пропорции и размеры)¹.

Леваллуазские остроконечники представляют собой слагаемое обширной категории сколов-заготовок треугольных очертаний, которые могут быть получены с нуклеусов самого разного типа. В пределах этой категории сколов треугольных очертаний леваллуазские треугольные сколы (леваллуазские остроконечники), однако, выделяются устойчивыми морфологическими признаками, приобретаемыми ими в результате скалывания их со специально подготовленных нуклеусов (нуклеусы типа *levallois oi pointes*). Рабочая сторона последних оформляется таким образом, что снимаемые треугольные сколы имеют серийный стандартизованный

вид, т. е. форма этих своеобразных треугольных снятий предопределяется подготовкой плоскостей скалывания указанного типа².

Рабочая сторона нуклеусов для снятия леваллуазских остроконечников оформляется параллельными снятиями с таким расчетом, чтобы придать этой стороне более или менее симметричную двухскатность, т. е. обеспечить такое расположение негативов сколов предварительной подготовки, которое создало бы межфасеточное «срединное» ребро, проходящее вдоль ядрища и посередине его. Ударная площадка на этих ядрищах располагается под прямым углом к этому ребру, в основании его, чтобы обеспечить совпадение скалывающего удара с линией ребра. Последнее обуславливает получение сколов треугольных очертаний и треугольного сечения с двумя равновеликими гранями на спинке; осью этих сколов становится описанное выше срединное ребро.

Эти двухскатные леваллуазские сколы принято называть «леваллуазскими остроконечниками первого снятия» (*pointe levalloisienne du premier ordre*). Наряду с ними существуют «леваллуазские остроконечники второго снятия» (*pointe levalloisienne du deuxième ordre*), которые снимают с тех же ядрищ ударом, наносимым по той же ударной площадке, в том же направлении. Эти леваллуазские треугольные сколы отличаются уже трехскатным сечением (средняя грань на их спинке образована негативом ранее снятого остроконечника первого снятия) и ударными площадками не треугольными в плане, а трапециевидными³. На приводимой Ф. Бордом идеальной схеме получения леваллуазских окончников первого и второго снятия спинка последнего из них сформирована тремя гранями⁴, в действительности же нередко средняя грань спинки оформляется несколькими небольшими снятиями.

В общем леваллуазские остроконечники первого снятия встречаются чаще всего в двух вариантах, второго снятия — в трех вариантах. Первые варианты каждого из них являются наиболее характерными, типичными. Первые варианты леваллуазских остроконечников первого порядка (10 экз.) имеют треугольные поперечные сечения на всем протяжении их корпуса; спинки их сложены только двумя снятиями, ударные площадки являются треугольными, прямыми (иногда гладкими) или выпуклыми, фасетированными (иногда двух-, трехфасеточными) (рис. 1, 1, 4). Вторые варианты остроконечников этого типа (38 экз.) имеют на спинке, в основании скола, следы неудавшихся снятий (иногда с заломами) или подправки приплощадочной части рабочей стороны ядрища, срезавшей базальный участок срединного ребра; на большей части спинки это ребро, однако, сохраняется (рис. 1, 7).

Первые варианты леваллуазских остроконечников второго порядка (52 экз.) имеют спинки, образованные тремя снятиями; лишь в привершинной части спинок этих остроконечников, где, как правило, сохраняются небольшие участки срединных ребер, спинки их становятся двухскатными (рис. 1, 2, 3). У вторых вариантов этой разновидности леваллуазских остроконечников (26 экз.) средняя грань спинки, как указывалось, оформлена несколькими небольшими снятиями, лежащими более или менее в одной плоскости (рис. 1, 5, 6). Леваллуазские остроконечники третьего варианта этой группы (2 экз.) имеют спинки трехскатные на всем протяжении, включая и привершинную часть изделия. Эти формы фиксируют те редкие случаи, когда по каким-то техническим причинам второе треугольное снятие срезает на ядрище полностью негатив первого треугольного снятия (рис. 1, 8, 9). Третий вариант леваллуазских остроконечников второго снятия в литературе до сих пор не отмечался. Мы впервые выделяем его в материалах тагларской мустьерской индустрии.

Ударные площадки остроконечников второго снятия и некоторых (второй вариант) остроконечников первого снятия являются трапециевидными в плане и фасетированными. Последние, как правило, выпуклы в средней части основания и относятся к типу «шляпа жандарма»

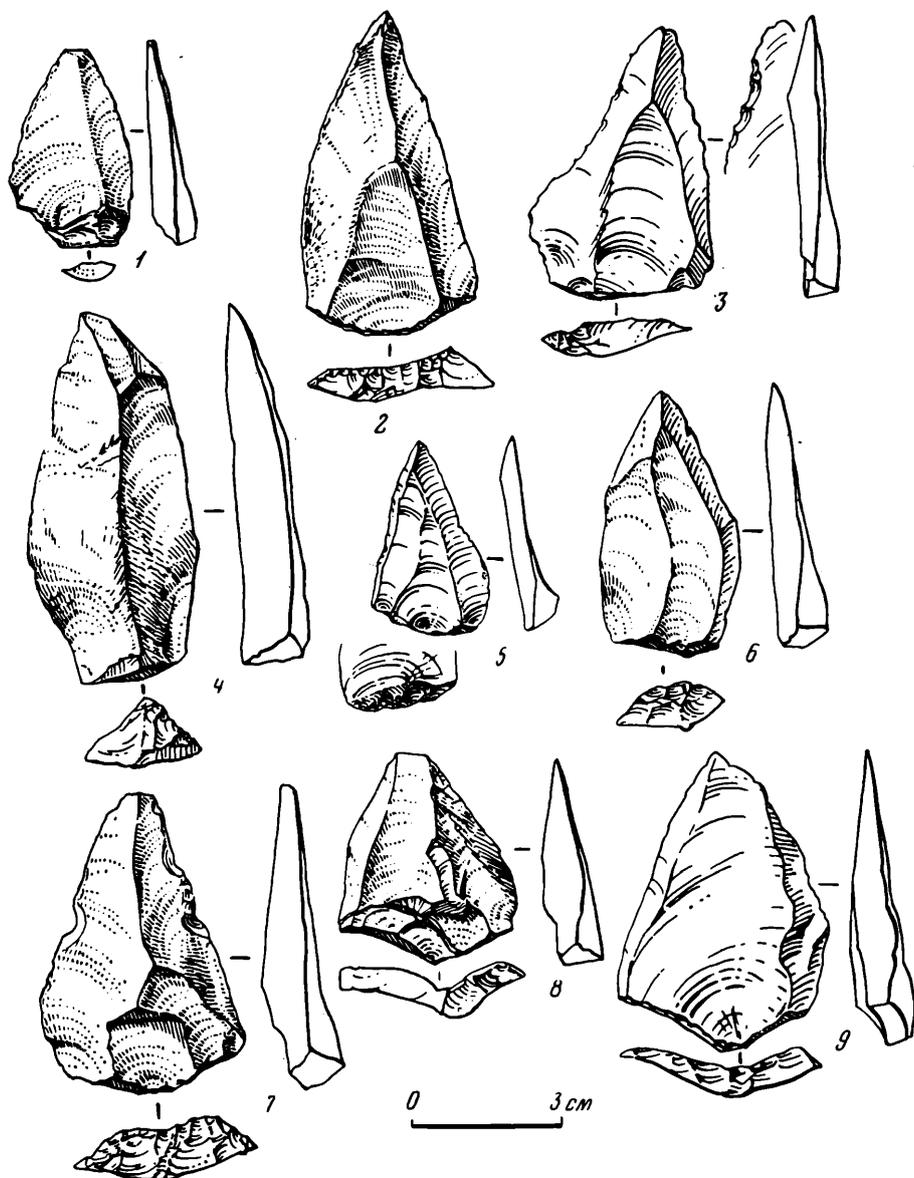

Рис. 1. Тагларская пещера. Леваллуазские остроконечники

1, 4, 7 — первого снятия (1, 4 — первый вариант, 7 — второй вариант); 2, 3, 5, 6, 8, 9 — второго снятия (2, 3 — первый вариант; 5, 6 — второй вариант; 8, 9 — третий вариант)

(*chapeau de gendarme*)⁵. Наличие таких площадок связано со специальным оформлением края ядрища; фасетирование его производилось таким образом, чтобы средняя часть площадки будущего снятия образовывала дугообразный выступ, а точка, предназначенная для нанесения скальвующего удара, приходилась на центр этого выступа. Выпуклая книзу дуга этих площадок не всегда располагается посредине основания треугольного скола-остроконечника. Чаще всего выпуклые участки таких площадок смещены то влево, то вправо по отношению к продольной оси предмета (асимметричные «*chapeau de gendarme*»). Такое смещение дугообразного выступа имело, как кажется, целью так направить скальвующий удар, чтобы снимаемый треугольный отщеп имел максимально возможное правильное и симметричное очертание спинки (одинаковые прикраевые грани в первую очередь). В плане ударные площадки типа «*cha-*

peau de gendarme» имеют очертания, напоминающие контуры летящей птицы. У остроконечников второго снятия вообще существует морфологическая связь трех элементов: трехскатности спинки, извилистости очертаний площадок в форме «летающей птицы» и подправки площадок в технике «шляпа жандарма»⁶.

По очертаниям все леваллуазские остроконечники Тагларской мустьерской стоянки могут быть подразделены следующим образом: 1) треугольные с прямыми или слабо выпуклыми лезвиями и наибольшей шириной в основании; 2) стрелчатые (аquivalens Ф. Борда; Bordes, — 1961) — в форме готической стрелчатой арки; 3) листовидные (сужающиеся в основании); 4) удлинённые, пластинчатые, имеющие более или менее параллельные края на большей части своего корпуса.

В отношении пропорций (соотношения длины и ширины) леваллуазские, а затем и мустьерские остроконечники подразделяются на очень короткие (длина меньше ширины), короткие (длина больше ширины в 1—1,5 раза), средних пропорций (длина больше ширины в 1,5—2 раза), длинные (длина больше ширины в 2—2,5 раза) и очень длинные (длина больше ширины более чем в 3 раза). И, наконец, по длине остроконечники делятся нами на мелкие (длина до 5 см), средние (5—7 см) и крупные (длиннее 7 см).

Типологическая дифференциация леваллуазских остроконечников, произведенная нами в соответствии с указанными выше критериями, свидетельствует о преобладании в коллекции остроконечников второго снятия и скудности наиболее типичных форм (первый вариант) остроконечников первого снятия.

Малочисленность типичных остроконечников первого снятия, по всей видимости, объясняется тем, что типичные двускатные остроконечники первого снятия не имели утилитарного назначения, не предназначались для использования в качестве орудий. Сколы — остроконечники первого снятия — являлись лишь элементами подправки рабочей стороны ядрища *levallois à pointes*, с которой снимались затем подлинники леваллуазские остроконечники «орудийного» характера — остроконечники второго снятия. Изготовление остроконечников, судя по небольшим размерам и остаточному характеру имеющихся в коллекции сравнительно немногочисленных нуклеусов (среди которых, кстати сказать, нет нуклеусов *levallois à pointes*), происходило вне пещеры, и остроконечники первого снятия, будучи чаще всего отбросами производства, в пещеру не приносились.

Сколы — остроконечники первого снятия — шли в отброс, видимо, и по причине их небольших размеров: в большинстве случаев, судя по негативам на спинках остроконечников второго снятия, их длина не превышает 2—3 см. Остроконечники первого снятия (первый вариант), таким образом, в коллекции практически отсутствуют. Те же 10 предметов, которые отмечены под этим названием, сколоты, скорее всего, с ядрищ призматических. Сколы эти имеют двускатное сечение, но их крупные размеры и удлинённый пластинчатый характер совершенно не соответствуют небольшим треугольным негативам на спинках леваллуазских сколов второго снятия.

Наиболее выразительную часть коллекции неретушированных остроконечников составляют леваллуазские остроконечники второго снятия как первого, так и второго вариантов; типологическая полноценность этих форм сомнений не вызывает. Бесспорны и образцы второго варианта остроконечников первого снятия. Следует, впрочем, отметить предположительность типологического определения некоторых фрагментированных образцов и даже возможность того, что отдельные из них могут быть фрагментами не остроконечников, а крупных пластин.

- ¹ *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979, с. 9.
- ² *Bordes F.* Eurologie du paleolithique ancien et moyen. — Memoire Bordeaux, 1961, N 1, p. 102—103.
- ³ *Bordes F.* Principes d'une methode d'etude des techniques de debitage et de la typologie du paleolithique ancien et moyen. — L'Anthropologia, 1950, t. 54, N 1/2.
- ⁴ *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. — МИА, 1965, № 131, рис. 14, 17.
- ⁵ Там же, с. 44, 52.
- ⁶ *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 110.

З. А. АБРАМОВА

МУСТЬЕРСКИЙ ГРОТ ДВУГЛАЗКА В ХАКАСИИ (Предварительное сообщение)

Палеолит Минусинской котловины, открытый около 100 лет назад и широко изученный на берегах Енисея, по всей совокупности данных, включающих и радиоуглеродные датировки, не выходит за рамки сартанского оледенения и относится за немногими исключениями к концу позднего палеолита Сибири. В 1974 г. во время разведочных работ Палеолитического отряда Красноярской экспедиции, впервые получившего возможность работать вне зоны водохранилища, обнаружен памятник, позволивший отнести заселение этой территории к значительно более раннему времени.

Грот Двуглазка находится в 1 км к западу от д. Толчей Богградского района Хакасской авт. обл. в известняковом массиве, который входит в систему Косинского хребта и тянется параллельно массиву с известной Бородинской пещерой. И тот и другой массивы представляют здесь свою восточную оконечность и тянутся в широтном направлении.

Грот открывается на юг, в сухой узкий лог со скальными крутыми бортами, выходящий в долину речки Толчей, притока р. Коксы, впадающей в Енисей. Он расположен в скальном выходе, ограниченном с запада и востока неглубокими лощинами, заглаженными водными потоками. Площадка перед гротом довольно круто падает в сторону речки, она имеет ограниченные размеры: 15×25 м, так как с юга ограждена выступом скалы. Подъем от речки к гроту протяжением около 500 м плавный, постепенный. Название свое грот получил от двух круглых отверстий, расположенных у потолка в восточной стенке. Через них во время дождей в грот проникает вода, текущая со склона по ложбине.

Грот представляет собой обширную полость длиной 15 м от северной стенки до капельной линии и шириной в различных местах от 7 до 10 м. Эти промеры не включают скальные ниши, полностью лишенные рыхлых отложений. Одна из них, размерами в среднем 3×3 м, расположена в северо-западном углу грота, другая, размерами 5×8 м, — в восточной части грота, под отверстиями. Высота грота над уровнем современного пола также различна: под нависающим козырьком входа она равна 6 м, в центре грота — 7,5 м и значительно снижается начиная с 7-го метра от северной стенки от 3 до 1 м. Размеры входа 7×6 м.

В 1975 г. в привходной части грота вдоль центральной оси был заложен раскоп площадью 7×2 м таким образом, что центральная ось стала восточной стенкой раскопа, а в северную часть вписался шурф размерами 1×1 м, заложенный с разведочной целью в 1974 г. Согласно направлению центральной оси раскоп ориентирован с юг-юго-востока на север-северо-запад вдоль длинной оси грота ближе к его западной стенке. После сня-

тия современных напластований обнаружилось, что упавшие глыбы козырька занимают южную часть раскопа, и углубление стало возможным только на 8 кв. м, расположенных вне обвала внутри грота. Углубление производилось послойно при постоянном контроле над северной и западной стенками раскопа. Восточная стенка дала более суммарную картину, поскольку отложения промывались водой, проникавшей через отверстия.

В описании стратиграфии раскопа использованы уточнения геолога В. М. Муратова, посетившего грот после раскопок. Разрез западной стенки показывает довольно резкое падение современных отложений и несколько меньшее — нижележащих слоев.

1. Современный слой: а) плотный кизяк — 0,05—0,1 м; б) щебнистый горизонт, прерывистый, прослеживается местами (особенно четкая линза в квадрате Е1 — 0,05 м; в) буро-красноватый суглинок. В нижней части прослеживаются линзочки сожженного кизяка беловатого цвета, под ними видны очажные линзочки (до 0,03 м). Слой прорезается ходами землероев удлинённой или округлой формы, заполненными гумусом. Редко встречается крупный угловатый щебень. Общая мощность слоя от 10 до 45 см. В среднем — 0,3 м.

2. Слой глыбово-щебенчатый, состоящий из желтого суглинка с розоватым оттенком, насыщенного щебенкой известняка средних и мелких размеров, а также крупными блоками, видимо упавшими со свода, так как они концентрируются у входной части. Местами видны ходы землероев, заполненные серо-палевой массой, по составу близкой к слою 1. Максимальная мощность слоя 75 см, минимальная — 45 см, средняя — 0,55 м.

3. Слой щебнистый, состоящий из суглинка того же литологического состава, но цвет становится более желтым, приобретает буроватый оттенок. Преобладает мелкая плоская щебенка и почти не встречаются крупные и средние обломки. Максимальная мощность слоя 40 см, минимальная — 15 см, в среднем слой имеет мощность 0,25 м.

Между слоями 3 и 4 почти по всему разрезу простирается очажный горизонт. Он представлен мелкими углистыми линзочками, смыкающимися друг с другом. Вниз по склону количество прослоек увеличивается до трех-четырех, что свидетельствует о деятельности воды. Максимальная толщина линзочек 5 см. Между слоями этот горизонт лежит компактно, не окрашивая соприкасающиеся части слоев, поэтому неясно, к какому слою он относится.

4. Супесь палевая, тонкозернистая, с редкими зернами рыхлых карбонатов и примазками карбонатов. Выклинивается к северной стенке и заметно утолщается к южной. Щебенка остроугольная, средних размеров, встречается в виде скоплений на различных участках. Слой подстилается щебенкой крупных размеров. Включает обломки костей животных и отдельные каменные изделия верхнепалеолитического облика. Мощность слоя от 30 до 70 см, в среднем — 0,4 м.

5. Десквационный известняк: щебень и мелкие глыбы известняков (порядка 70% общего объема). Глыбы остроугольные, со слабо оглаженными гранями. Заполнитель — палево-серый легкий хрящеватый суглинок. Горизонт более щебнистый и светлый делит 5-й слой на две части, он продолжается от северо-западного угла на 2 м, затем темнеет и переходит в очажный слабо выраженный прослой с отдельными древесными угольками. Нижняя граница слоя отмечена крупными блоками. Мощность слоя — 0,6—0,8 м.

6. Десквационный известняк с заполнением более темного цвета, местами с красноватым оттенком. Щебенка в целом более крупная и более редкая, угловатая. Мощность — 0,7—0,75 м. Слои 5 и 6 включают многочисленные обломки костей животных и каменный инвентарь мустьерского облика.

7. Глина темно-оранжевого цвета. Отделена от вышележащего слоя тремя линзовидными прослойками, отмеченными близ границы с северной стенкой: а) супесь хрящеватая, белесовато-желтая, неслоистая, одно-

родная, сильно карбонатная. Контакт волнистый, мощность — 0,07 м; б) желтовато-бурый суглинок с хрящем известняков. Контакт четкий, мощность — 0,05—0,15 м; в) розовый горизонт обжига, представленный хрящеватым мучнистым глиноземом. Контакт резкий, волнистый, мощность — 0,07—0,08 м.

Сам слой представлен глиной с мелким хрящем и редкими обломками известняка. Глина неслоиста. В северо-западном углу видимая мощность слоя 0,7 м. В нем найдены отдельные обломки костей животных.

В 1978 г. раскоп был продолжен к югу на площади 7×2 м и стратиграфия западной стенки могла быть прослежена за пределами грота. Обвал козырька, происшедший после накопления слоя 6, является естественной границей между отложениями внутри грота и вне его. Слой глыбово-щебенчатый (2) и щебнистый (3) выклиниваются на протяжении 2 м от капельной линии и покровный слой гумуса (1) лежит непосредственно на слое палевого суглинка (4), значительно утолщаясь по склону и замещаясь черноземом. Слой 4 выклинивается на расстоянии 1 м от южной стенки, где чернозем лежит на слое десквамационного известняка, соответствующего, видимо, слою 6 в раскопе 1975 г. В средней части этого слоя общей мощностью до 1,5 м близ южной стенки прослеживается линза мелкого окатанного щебня с древесной, возможно отложенная протекавшим в древности по логу ручьем. Слой 6 подстилается светло-оранжевой глиной.

Фаунистические остатки, определенные Н. М. Ермоловой, обильны и разнообразны. Если материал из слоя 4, судя по фоссилизации костей, представляет смесь современных и более древних форм, среди которых преобладают кости мелких животных из погадок птиц, то щебнистые слои 5 и 6 содержат чистый комплекс, свидетельствующий об относительно теплом и сухом климате с преобладанием степных ассоциаций. Наиболее многочисленны кости кулана (*Equus cf. hemionus*) и лошади (*Equus caballus*) как крупного, так и мелкого размера. Второе место по количеству остатков занимает носорог (*Coelodonta cf. antiquitatis*). Много обломков костей зубра (*Bison priscus*) и аргали (*Ovis ammon*). Встречаются остатки благородного оленя (*Cervus elaphus*) и сайги (*Saiga sp.*). Такие виды, как северный олень и мамонт, остатки которых обычны в памятниках позднего палеолита, здесь представлены единичными фрагментами костей. Из хищников преобладают остатки гиены (*Crocuta sp.*). В видовом составе отмечены также лев (*Panthera sp.*), пещерный медведь (*Ursus cf. sp.*), волк (*Canis lupus*), лисица (*Vulpes cf. sp.*), россомаха (*Gulo sp.*). В материале из погадок хищных птиц наибольшее число костей принадлежит молодым зайцам (*Lepus sp.*), а также мелким грызунам и птицам. Следует отметить, что на многих костях имеются следы погрызов и не все обнаруженные кости относятся к остаткам добычи человека.

Каменный инвентарь численно невелик, но достаточно характерен. Почти все предметы из слоя 4 изготовлены из черного кремня, из них наибольший интерес представляют односторонний одноплощадочный нуклеус, обломок микропластинки правильной огранки, два скребка и обломок остроконечника. Каменный инвентарь, происходящий из нижних слоев, изготовлен преимущественно из базальта серо-зеленого цвета, и, хотя встречаются отдельные предметы из цветного кремня, кварцита, известняка, кремнистого сланца, инвентарь существенно отличается от характерного для енисейских местонахождений позднепалеолитического.

Прежде всего следует отметить двуплощадочный, двусторонний типично леваллуазский нуклеус с продольно-поперечными снятиями (рис. 1, 1). Имеется еще обломок крупного нуклеуса со скошенной подправленной сколами ударной площадкой и следами снятий на одной из сторон. Из орудий особенно интересны леваллуазские остроконечники треугольной формы, полностью отсутствующие в позднем палеолите Енисея. У одного из них кончик обломан, ударная площадка грубо ретуширована, ударный бугорок крупный, слегка выпуклый. Один край слабо ре-

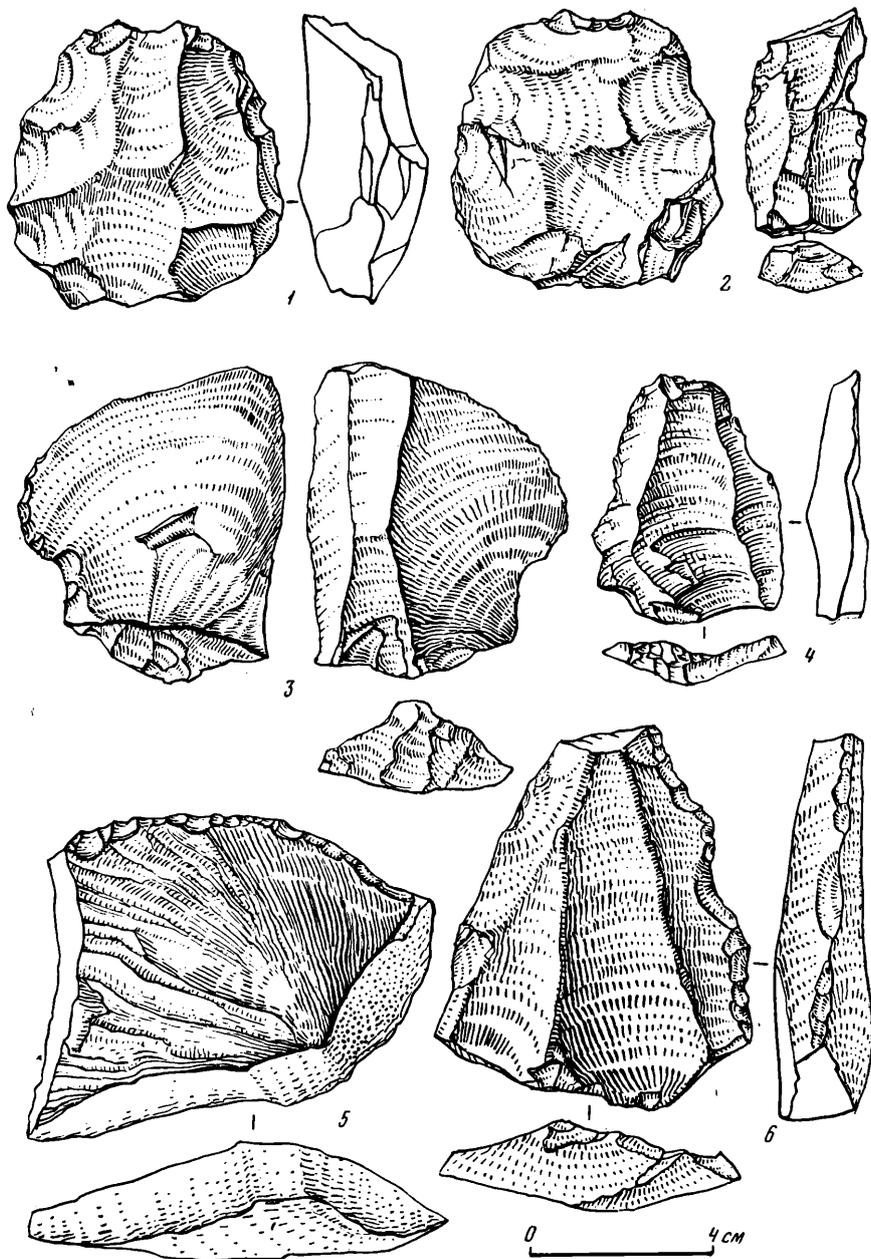

Рис. 1. Каменный инвентарь

1 — нуклеус; 2 — пластинка с ретушью; 3 — отщеп с ретушью; 4 — леваллуазский отщеп; 5 — скребло; 6 — леваллуазский остроконечник

туширован с вентральной стороны, второй край можно рассматривать как зубчатый, он имеет три ретушированных выемки с дорсальной стороны (рис. 1, 6). Леваллуазский отщеп треугольной формы имеет выемку и слабую обработку края с вентральной стороны. Ударная площадка типа летящей птицы тонко фасетирована (рис. 1, 4).

Зубчатые орудия достаточно хорошо представлены. Одно из них изготовлено на пластине с обломанными концами и треугольным сечением. Прямой край имеет с вентральной стороны большую выемку ближе к дистальному концу. Второй край — выпуклый со сплошной зубчатой обработкой. Пластинка меньших размеров с обломанным дистальным концом

и трапециевидным сечением имеет фасетированную ударную площадку и мелкую ретушь по обоим краям, на одном, ближе к дистальному концу, выделена пологая выемка (рис. 1, 2).

Скребла единичны. Из них особенно выразительно скребло, оформленное на крупном грубом отщепе, один конец которого обломан. Ударная площадка в целом двугранная, причем одна грань сохраняет желвачную корку. Поперечный выпуклый тонкий край обработан с вентральной стороны чешуйчатой неравномерной ретушью (рис. 1, 5). Следует упомянуть также орудие на не леваллуазском отщепе с обломанным дистальным концом и треугольной фасетированной ударной площадкой, расположенной под тупым углом к плоскости раскалывания. Один почти прямой край не обработан, второй, вогнуто-выпуклый, представляет собой сочетание скребка и выемчатого орудия. Выемка, расположенная близ ударной площадки, обработана с вентральной стороны. Ретушь продолжается и на выпуклой части, затем переходит на сторону спинки и идет до обломанного конца (рис. 1, 3). Следы обработки имеются еще на ряде отщепов.

В целом значение гота Двуглазка заключается в том, что это первый мустьерский памятник Восточной Сибири, найденный в четких стратиграфических условиях. Только на Алтае имеются мустьерские местонахождения пещерного типа, причем можно отметить, что инвентарь нового гота находит определенные аналогии с алтайскими материалами. Вместе с тем он может помочь в типологическом расчленении поверхностных находок в Туве, бесспорно включающих, на наш взгляд, мустьерские формы. Таким образом, намечается определенный круг мустьерской культуры Южной Сибири.

С. Н. АСТАХОВ, С. А. ВАСИЛЬЕВ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ДЖОЙ

В 1971 г. на галечнике ниже устья р. Джой, впадающей в Енисей в нескольких километрах выше плотины Саяно-Шушенской ГЭС, была найдена расколотая галька. В 1973 г. шурфовкой склона террасы был обнаружен горизонт залегания палеолитических изделий и тогда же вскрыта небольшая площадь. В 1977 г. добавили еще два раскопа, к западу от предыдущих. Всего вскрыто 66 кв. м.

Стоянка расположена необычно — на переходе 12 метровой террасы Енисея к крутому склону. В приустьевой части р. Джой, по данным геолога А. Ф. Ямских, хорошо прослеживается пойма высотой от 1,5 до 3,4 м, первая надпойменная терраса высотой 10—12 м с ровной поверхностью и, вероятно, остатki размытой второй террасы, представленные делювиальным шлейфом, подстилаемым аллювием. В районе раскопов шлейф сложен лёссовидными породами, слои которых наклонены в соответствии с современными уровнями поверхности.

По мнению А. Ф. Ямских, верхние горизонты сформированы склоновыми процессами. Условия накопления не отличались большой увлажненностью, температура была довольно низкой. Об этом свидетельствуют мерзлотные деформации горизонтов. Нижний слой, песок, сформирован водным потоком во время повышения уровня.

Культурные остатки залегают в склоновых отложениях — преимущественно в третьем и в четвертом слоях. Стоянка была расположена на мысу, образованном реками Джой и Енисей (у заводи ниже впадения р. Джой) и подверглась частичному размыву и переотложению. При повышении уровня воды здесь не было сильного течения, что объясняет

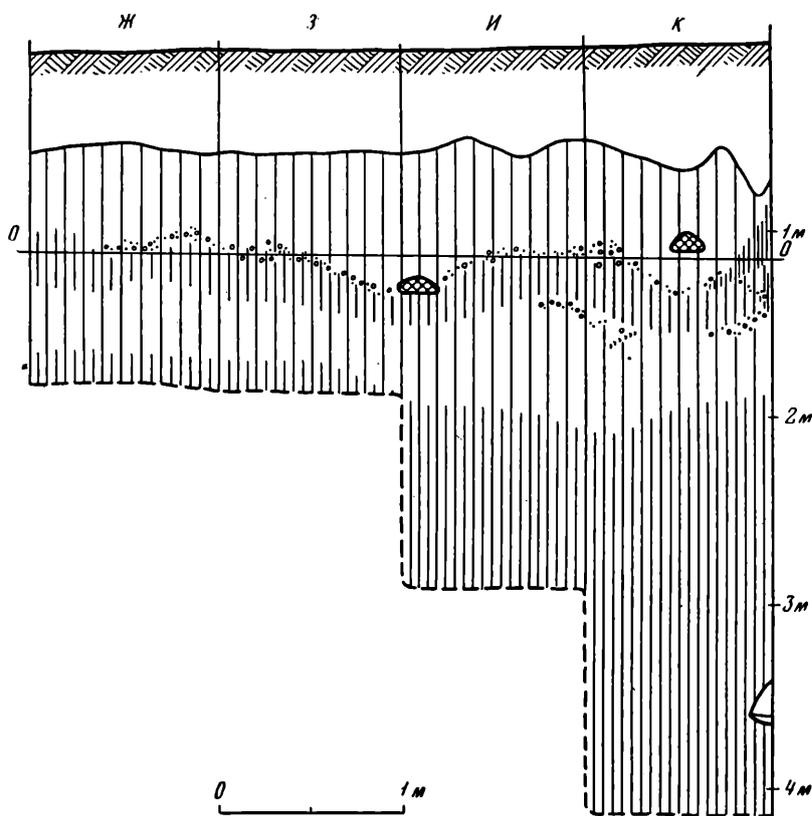

Рис. 1. Джой. Разрез по северной стенке раскопа 2

Разрез северной стенки раскопа 2 (рис. 1)

	Мощность, м	Глубина залегания подошвы, м
1. Почва серого цвета	0,4	0,4
2. Желтовато-серые тонкозернистые пески и супеси, кварцево-полево-шпатовые, слоистые	0,3	0,7
3. Супесь слабогумусированная, серовато-бурой окраски, с редко встречающимися корнями растений	0,4	1,1
4. Супесь серая, в верхней части слоя с буроватым оттенком	0,3	1,4
5. Супесь сильно карбонатная со стяжениями	0,6	2,0
6. Тонкозернистый песок серого цвета. Содержит единичные включения щебня — обломки коренных пород со склона долины	2,2	4,2

сохранность мелких отщепов и единичных угольков. Вместе с тем не наблюдалось окрашенности слоев, в которых залежали изделия, отсутствовали костные материалы, в раскопе 3 сохранились лишь неопределимые обломки костей. Не было значительных скоплений, характерных для обычного культурного слоя, изделия встречались на разных уровнях (от 0,4 до 1,3 м), в общем, согласно поверхности современного склона.

Стоянка (или поселение) была обращена к югу, закрыта с севера невысоким хребтом. Долина р. Джой, где хорошие охотничьи угодья, достаточно легко проходима. Возможна была и связь с другими участками долины р. Енисей. Одним словом, местонахождение стоянки обычное для этих мест.

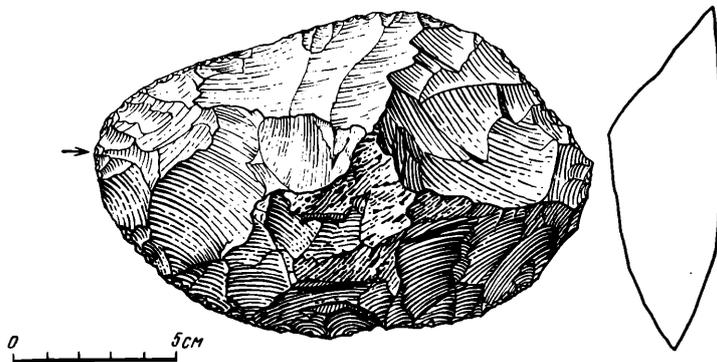

Рис. 2. Джой. Каменный инвентарь. Скребло

Обнаружено сравнительно немного изделий и распределение их неодинаково. В раскопах 1 и 3 они концентрировались в северной части, в раскопах 2 и 4 были рассеяны более равномерно. Можно выделить лишь один участок в раскопе 3 (квадраты ЮЯ8), где около крупных галек сравнительно компактно лежали отщепы, осколки, пожевидная пластинка с ретушью, скребло, клиновидный нуклеус. В этом же углу раскопа были и обломки костей. По всей видимости, это наиболее сохранившийся участок.

Различия между раскопами проявляются и в коллекции, несмотря на ее небольшие размеры. По соотношению групп инвентаря (отщепы, пластины, чешуйки и др.) раскопы 1 и 3 очень схожи и заметно отличаются от периферийных раскопов 2 и 4. В последних орудиях составляют 11 и 18% соответственно против 3% в раскопах 1 и 3, а чешуйки и мелкие отщепы — 7 и 5% против 54 и 56%. Различия наблюдаются и в характере материалов: очень крупные краевые сколы найдены только в раскопе 1, а обломки галек встречены лишь в раскопе 3. Орудия в целом распределены более равномерно, но и здесь три из четырех выемчатых изделий найдены в раскопе¹, а шесть из семи скребков — в раскопах 3 и 4. На возможное разделение площади поселения на два скопления указывает также концентрация находок: в крайнем западном (№ 1) и крайнем восточном (№ 3) раскопах отмечено большое скопление расколотого камня, в расположенных же между ними раскопах 2 и 4 обнаружен гораздо меньший материал. Можно, таким образом, предполагать наличие двух центров по первичному раскалыванию и вторичной обработке орудий, разделенных интервалом. Небезынтересно, что на ближайшей от Джоя палеолитической стоянке Кантегир также наблюдается локализация находок в двух пунктах, разделенных древним погребенным овражком.

Ввиду того что раскопки не дали указаний на многослойность памятника, рассмотрим каменный инвентарь стоянки суммарно (рис. 2, 3). Почти все изделия изготовлены из черных кремнистых сланцев, предметы из коричневых и желтоватых окремненных пород и серого известняка единичны.

Среди заготовок резко преобладают отщепы (106 экз.) подчетыреугольных и треугольных очертаний, сколотые под углом 90—110°. Абсолютное большинство площадок (66% всех определимых) гладкие, созданные одним сколом. На втором месте точечные и линейные (15%) площадки, на третьем — гладкие, покрытые коркой (11%). Единичными экземплярами представлены двугранные, фасетированные выпуклые площадки и площадки с поперечной подправкой. Средняя длина отщепов 3—5 см. Характерна продольная огранка спинок (41% всех отщепов)¹, иногда переходящая в конвергентную (9%). В последнем случае некоторые заготовки приобретают леваллуазский характер (рис. 3, 1), хотя отсутствие типичной леваллуазской техники очевидно. Налицо и другие виды

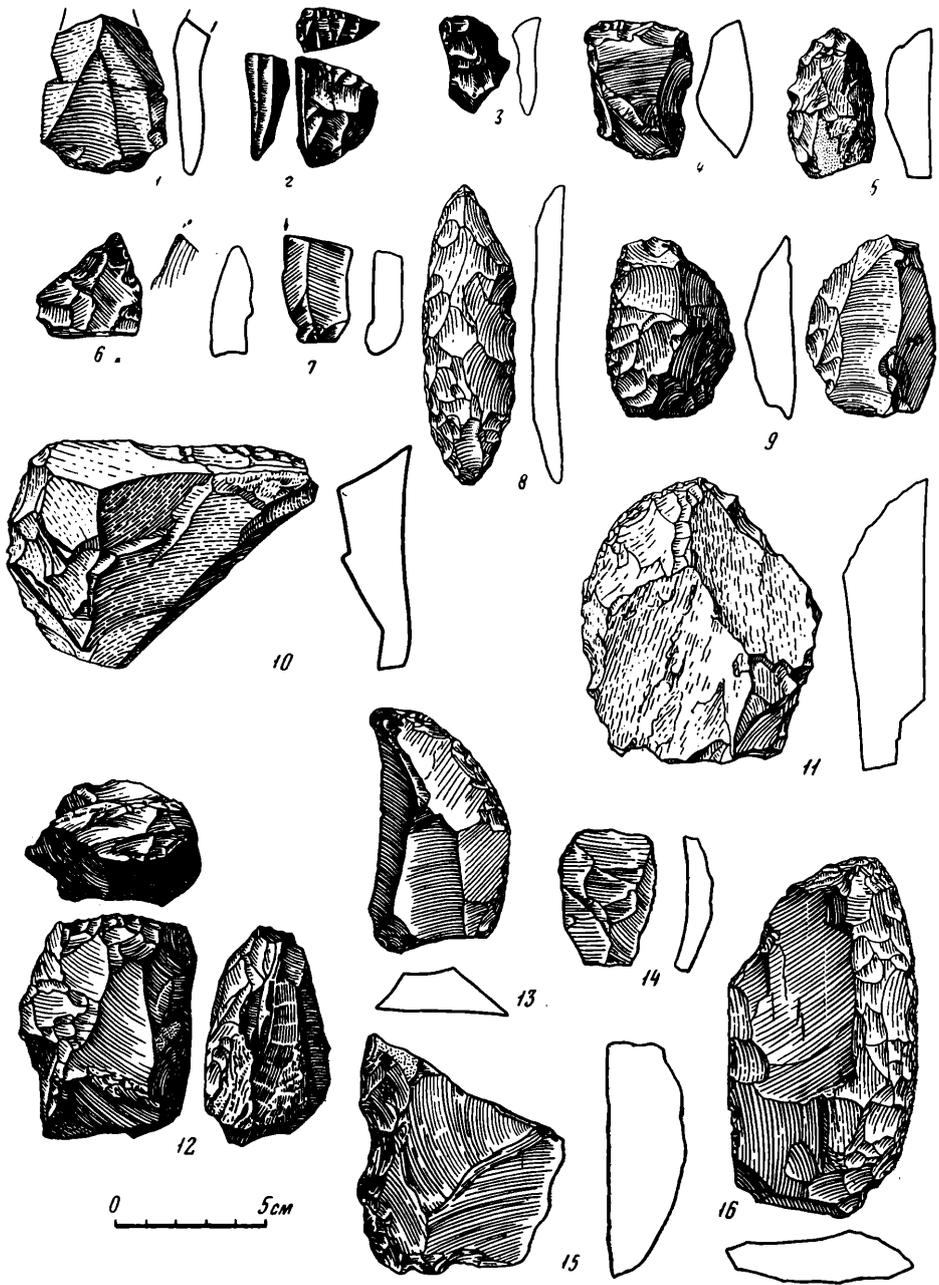

Рис. 3. Джой. Каменный инвентарь

1 — отщеп; 2, 12 — нуклеусы; 3—5 — скребки; 6 — острие; 7 — резец; 8 — наконечник; 9—11, 13, 16 — скребла; 14 — скреблышко; 15 — выемчатое орудие

огранки — бессистемная (12%), ортогональная (11%), радиальная (5%) и пр. Переходную серию от отщепов к пластинам составляют пластинчатые отщепы (6 экз.). Собственно пластины и их фрагменты немногочисленные (5 экз.), все площадки у них гладкие, образованные одним сколом. Длина пластин 6—8 см. Имеется и серия пластинок (фрагменты длиной 2,5—3 см) и микропластинок (длина целых экземпляров доходит до 3—5 см при ширине 0,5 см). Площадки гладкие, образованные одним сколом или точечные. Всего пластинок, микропластинок и их фрагментов насчи-

тывается 28. Кроме того, в коллекции имеются 221 экз. разного рода сколов (краевых, подправки, аморфных), одна галька со следами раскалывания и три обломка галек, 147 обломков и осколков камня и 658 чешуек и мелких отщепов.

Начальную стадию раскалывания иллюстрируют два одноплощадочных нуклеуса с параллельным скалыванием по выпуклой дуге. Негативы сколов пластинчатые, площадки подправлены и скошены к тыльной стороне (рис. 3, 12). Хорошо представлена и техника скалывания с торца — имеются два высоких клиновидных нуклеуса с односторонней подправкой нижней кромки (типа Б по З. А. Абрамовой)², типичный клиновидный нуклеус с односторонней обработкой гребня (рис. 3, 2) и торцовое ядрище со скалыванием по грани брусковидного обломка. На одном нуклеусе совмещается скалывание по плоскости и торцу.

Вторичную обработку коллекции характеризует преобладание полукрутой и крутой ретуши в двух ее разновидностях — как мелкой краевой, так и интенсивной распространенной многорядной. Применялась также плоская ретушь, анкоши, подтезка, обработка края ступенчатыми затесами и др. Резцовые сколы атипичны.

Среди орудий (43 экз.) многочисленны скребла (16 экз.), из которых наиболее выразительны двояковыпуклые продольные (5 экз.). Особняком среди последних стоит самое крупное на стоянке орудие — овальное скребло, отделанное по периметру довольно плоской неглубокой ретушью (рис. 2). Два других имеют распространенную полукрутую ретушь, причем одно изготовлено на ядрище (рис. 3, 9). Четвертое скребло несет краевую полукрутую ретушь и два поперечных необработанных режущих лезвия. Одинарных продольных скребел также 4 экз., одно из них имеет изогнутое лезвие и обушок-грань (рис. 3, 13). Типологический переход от продольных к поперечным скреблам образуют два угловых скребла с выпуклым рабочим краем, напояющим широкий скребок (рис. 3, 11).

Здесь же следует отметить и продольное скребло с естественным обушком и бифасиальной обработкой поперечного края (рис. 3, 16). Скребло на брюшке всего одно — это обломок продольного скребла с приостренным ретушью краем и созданным притупляющей ретушью обушком. Поперечных скребел — 4 экз. У первого из них многорядная полукрутая ретушь заходит и на боковой выпуклый край заготовки. По расположению рабочих элементов с ним сходно и второе, но у него скребущее лезвие занимает лишь часть поперечного края, а боковая сторона обработана многорядными затесами на спинку, создавая рубящее лезвие (рис. 3, 10). Третье поперечное скребло — на расколотой гальке, четвертое — на ядрище.

Столь же вариabильны и скребки (7 экз.), среди которых чрезвычайно специфичны два подчетыреугольных высоких со слабовыпуклым фронтом и обработкой боковых вогнутых краев (у первого орудия, рис. 3, 4) или вогнутого основания (у второго). Наиболее выразителен высокий стрельчатый скребок с очень глубокой крутой ретушью краев (рис. 3, 5). Остальные скребки — короткий на отщепе, на отщепе с суженным основанием, подработанный плоской ретушью, скребок с плечиком (рис. 3, 3) и скребок на площадке.

Значительный интерес представляет находка иволистного унифасиального наконечника (рис. 3, 8). Он изготовлен на ретушированной по периметру пластине, причем по одному краю ретушь распространенная, ступенчатая, полукрутая (схожая с отделкой скребел), а на другом — мелкая краевая притупляющая. Остальные орудия — четыре выемчатых на боковых краях отщепов (три ретушированных — рис. 3, 15; один клетонский), пять резцов (косоретушный, угловой на ретушированном отщепе и три простых угловых — рис. 3, 7), орудьице с бифасиальной подтеской бокового края отщепа, три отщепа с мелкой крутой ретушью (gaclettes) — рис. 3, 14, два отщепа с плоской ретушью, пластинка с мелкой краевой ретушью (вероятно, утилизации). Есть и асимметрич-

ное острие, созданное двумя пластинчатыми снятиями и боковым резовым сколом (рис. 3, 6).

Подводя итог типологической характеристике памятника, снова подчеркнем значительный удельный вес скребел (39%), особенно двойных продольных и поперечных, сочетание поперечного скребла с обработкой бокового края, наличие угловых скребел и отсутствие конвергентных и бифасиальных. Наконечник, *raclettes*, специфические типы скребков и острия, отсутствие проколов, ножей с обушком, зубчатых орудий, *pièces écaillées*, атипичность резцов подчеркивают своеобразие коллекции. Несмотря на ее малочисленность, все основные характеристики первичного раскалывания, вторичной обработки и типологии вписываются в рамки афонтовской культуры. В пределах южного куста енисейских позднепалеолитических памятников (предгорье Западного Саяна и северная часть Саянского каньона Енисея) наиболее близка Джюю многослойная стоянка Кантегир. В то же время индустрия Джюю резко отличается от призматической индустрии Голубой 1. Вполне допустимо, что Джюю и Кантегир, расположенные всего в 5 км друг от друга по ущелью Енисея, оставлены одной охотничьей общиной.

¹ Классификация видов огранки спинок производится по В. Н. Гладилину с некоторыми модификациями. См.: *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976, с. 48—55.

² *Абрамова З. А.* Микронуклеусы в палеолите Енисея. — КСИА, 1971, № 126, с. 14.

А. К. ФИЛИППОВ

ОПЫТ ОБЪЕМНОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ КАМЕННЫМИ ОРУДИЯМИ

Деревянные изделия, сохранившиеся в культурном слое, — явление уникальное. Так, лишь благодаря особым условиям до нас дошли апельские рогатины из Лорингена и Клектона с достаточно четкими следами обработки: обрубания, скорбления и строгания¹. Несомненно, с изготовлением изделий из дерева связаны истоки трудовой деятельности человека. В целом ряде географических зон это самый распространенный материал. И думается, что он подвергался в палеолите интенсивной целенаправленной технической обработке. Его широкое освоение в хозяйственной жизни связано с его твердостью и одновременно с податливостью в обработке камнем. Разные сорта древесины можно взаимно расположить по плотности: самшит, карагач, бук, дуб, с одной стороны; и липа, тополь, осина — с другой. Весь спектр древесных пород в этом отношении помещается между такими материалами, как кость и кожа.

В связи со скромным объемом статьи мы опускаем описание опыта по изготовлению деревянной посуды. Отметим только, что наиболее целесообразной формой орудий для ее изготовления оказались тесло и стамеска-долото. Те и другие орудия имели неретушированный долотовидный рабочий край и различались только способом употребления, а отсюда и рукояточными частями. В ряде случаев в качестве рабочего элемента орудия, прикрепленного к деревянной рукоятке, был использован средний участок ножевидной кремневой пластины. Усеченное с двух концов неретушированное лезвие пластины оказалось чрезвычайно эффективным. Мягкая же древесина позволила использовать угол заострения лезвия в пределах 20—30°. Эффективным оказался и способ выжигания емкости с периодическим скорблением, строганием и отеской. В работах этнографов встречаются описания обработки дерева камнем, но, по нашему глу-

Рис. 1. Объемная резьба по дереву

а, б — начальная стадия, прием работы при помощи каменной стамески типа «à chanfrein»; в — грубая формовка лица, хорошо видны следы работы каменной стамеской на лице и следы вырубания каменным топором на шее; г — прием строгания при помощи орудия с обушком; д, е — голова на стадии моделировки; ж — инструменты (стамески «à chanfrein» и топор)

бокому убеждению, эти описания полностью никогда не могут заменить данных эксперимента.

Описываемый ниже опыт изготовления скульптурной головы человека из ствола полусухой липы был проделан нами летом 1978 г. в экспериментальной экспедиции Института археологии АН СССР. Материалом для обрабатывающих инструментов служил кремень из-под Красного Села (БССР).

До начала работы была ясна необходимость единого комплекса орудий различного кинематического типа: 1) ударных рубяще-отесывающих или секущих; 2) скобляще-строгающих (с продольной или поперечной кромкой и с кромкой около острия, кромка может быть как необработанная, так и ретушированная). В нашем опыте не было завершающей стадии обработки с операцией скобления.

В качестве рабочего элемента рубяще-отесывающего орудия (топора) были использованы один массивный скол и большая пластина. В момент

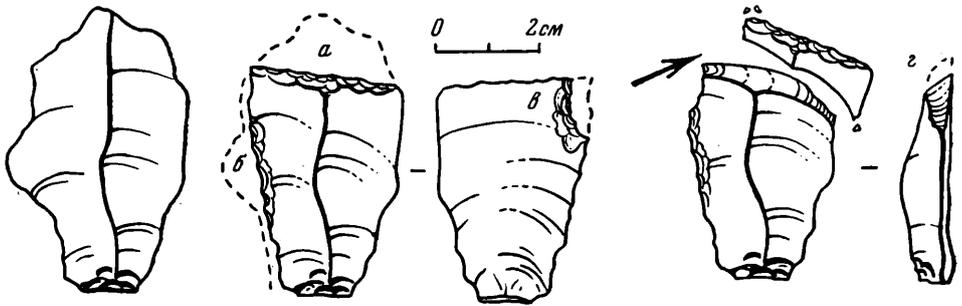

Рис. 2. Схема изготовления поперечно-резцевидного орудия «à chanfrein»

а — поперечное ретушное усечение; *б* — подправка продольного края; *в* — ретушная выемка — ударная площадка для резцового скалывания; *г* — орудие «à chanfrein» с фаской для строгания способом стамески

работы брюшковая сторона лезвий этих элементов была повернута к предмету обработки. Строгающими инструментами служили: отщепы без обработки, ножи с ретушированными обушками и особенно долота-стамески, у которых были использованы рабочие части в виде поперечных кромок, изготовленных при помощи резцового скалывания (рис. 1, *ж*).

Подобные кромки были получены нами следующим образом (рис. 2): один из концов кремневой пластины поперечно усекался крутой ретушью (ретушь располагалась на спинке пластины *а*). Иногда подправлялся продольный край пластины — *б*. Затем делалась ретушная выемка («брюшковый анкош» — *в*). Сопряжение выемки и ретушного поперечного усечения образовывало угол менее 90° . Ретушь выемки делалась со спинки (!), формируя своеобразную ударную площадку для поперечного резцового скалывания. От степени скошенности фасеток ретушной выемки-площадки в сторону брюшка и от характера удара отбойником зависел тип резцовой грани (фаски) вдоль поперечно-ретушного усечения или облома («крутой» или «плоской»). Скошенность ударной площадки в сторону брюшка в большой степени предопределяла скошенность негатива резцового скола на спинку пластины — *г*. Получалось подобие изделия со скошенной фаской («à chanfrein») ². Эти орудия, если их употреблять в качестве долот-стамесок, отличаются такой важной особенностью, как гладкость и ровность нижней «скользящей» во время работы брюшковой плоскости, а также предельной остротой нити лезвия (рис. 1, *ж*; 2, *г*). Описанное ниже использование подобных орудий в резьбе по дереву дали повод для предположений более общего характера.

Именно таким орудием была осуществлена приблизительная разметка головы. Вначале было опробовано орудие с небольшим углом заострения ($10-15^\circ$). Через 3—5 мин. почти весь рабочий край получил серию маленьких выломов и орудие вышло из строя. Наша попытка приострить орудие плоской ретушью, как это мы делали при обработке кости, вызвала необходимость в гораздо большем усилии и привела к большому заглублению режущей кромки в материал, к сминанию и расщеплению волокон недостаточно высохшей древесины, а также к затуплению обрабатываемой кромки. Износ имел вид маленьких, заломленных фасеток от края по брюшку. Резцовая подправка, давшая скошенную фаску с заострением несколько более 25° оказалась очень эффективной. В процессе интенсивной работы (около 30 мин.) на рабочей кромке не было обнаружено никаких видимых невооруженным глазом следов утилизации.

Топор употреблялся на стадиях грубой формовки вначале лица, затем шеи. На лезвии топора следы утилизации хорошо заметны под микроскопом в виде нерегулярных мельчайших фасеток, главным образом от лезвия по брюшку.

Дальнейшая работа по детализации лица осуществлялась орудиями со скошенной фаской и ножом с обушком. Приемы работы этими ору-

диями показаны на рис. 1, а, з. Утилизация скошенной фаски в конечном итоге всегда появлялась в виде заломленных фасеток от кромки по брюшку. Только при очень больших усилиях изредка возникали фасетки и на самой фаске со стороны спинки орудия. В связи с появлением фасеточной утилизации требовались новые подправки при помощи особого, описанного выше приема резового скалывания.

Обушковый нож с острием использовался главным образом при выработке глаз, носа, губ. Обушок служил для упора большого или указательного пальца (рис. 1, з); происходило не столько строгание, сколько встречное «подрезание».

В процессе работы каменные орудия, особенно те, которые имеют кромки с маленьким углом заострения, требуют очень аккуратного обращения. Нельзя, например, при заглублении в материал круто отгибать стружку, в противном случае кромка начинает выкрашиваться. В начале работы лезвия каменных инструментов могут не уступать по эффективности стальным. Но в процессе работы масса подправок, смена-прикрепление у деревянной рукоятки пластин со скошенной фаской резко снижают эту эффективность. Так, чистое время работы по резбе скульптуры (в том виде, в каком она представлена на рисунке) составило около пяти часов, а изготовление орудий вместе с различными дополнительными операциями по восстановлению эффективности заняло около 12 часов.

Эффективность многих орудий зависит от наличия деревянных рукояток. Особенно это касается поперечных стамескообразных резцов. Применение деревянных рукояток делало кинематику орудия более четкой. Активная каменная часть орудия отодвигалась от кисти руки, расширялось поле зрения, движения становились более устойчивыми, а процесс специализированной обработки — более легким и свободным. Употребляемые обрабатывающие кромки орудия оказывались сопряженными на определенных близких друг от друга участках. У таких орудий резко проявляется тенденция к утрате примитивной естественной универсальности, когда рабочие участки могут располагаться по периметру пластины.

Конечно, обработка простейших поверхностей изделия не требует сложных орудий труда. Подходящие кромки любого отщепа могут быть достаточно эффективно использованы в операциях скобления и строгания. Но с усложнением обрабатываемых форм возникает потребность в более совершенных орудиях. Сложность же изделий связана с многообразием их функций.

В переходную эпоху между средним и верхним палеолитом, по всей вероятности, происходит широкое освоение древесины (и кости) в разных сферах хозяйственной жизни первобытного человека. Производство различных выемок, пазов, округлостей требует особого положения рабочих кромок и разной кинематики. В этих условиях само собой возникает не только естественно-механическая произвольная специализация разных кромок каменных орудий (рис. 3, а), но и резко активизируется процесс сознательного освоения, совершенствования выработанных орудийных форм с основным, более узким целевым назначением. Таким образом, если в раннем палеолите резовое скалывание обнаруживалось в естественной специализированной утилизации (рис. 3, а'), а затем и в подправке, то в конце мустьерской эпохи оно осваивается как осознанный прием формирования прочной режущей кромки (ядрищное расщепление в данном контексте мы не рассматриваем).

Примером этого могут служить мустьерские резцеvidные орудия Фон-мора во Франции или орудия «à chanfrein», впервые обнаруженные в своем классическом виде на Ближнем Востоке. Последние характерны для переходных от мустья к верхнему палеолиту индустрий типа «кзаракил», где, по-видимому, раньше возникла потребность в более совершенных орудиях по обработке дерева и кости. В этом переходном периоде в районе Кзар Акила по остаткам ископаемой фауны можно отметить

Материал предмета обработки		Кинематическая специализация формы рабочих участков (тип)									
		скобляще-строгающий I			режуще-пилящий II	рубяще-секционный III	протыкающе-продвигающий IV				
Группа	Форма	вид сблону	Основная поверхность утилизации	вид сблону	Фронтальная грань	вид сблону	Основная поверхность утилизации	вид сблону	Основная поверхность утилизации	вид сблону	Основная поверхность утилизации
		Твердые волокнистые	Прямая	а, угол более 60°			угол менее 60°				
Округлая	а			а			а	а	а	а	
Выемчатая	а, а'			а							
Мягкие волокнистые	Выемчатая	б			б			б	б	б	б
	Выемчатая	б			б						
Умеренно-твердые рыхловато-хрупкие	Выемчатая	б			б						

Рис. 3. Схема естественной специализации механического типа

а — кость, дерево и другие твердо-волокнистые материалы; для сравнения даны формы утилизации при обработке; б — мягких волокнистых материалов (луб, кожа...); в — умеренно-твердых рыхловато-хрупких (мергель, мел...). Заливкой показаны профили сколов утилизации, линиями — паралины утилизации, точками — заповировка утилизации. Жирные стрелки указывают направление движения рабочих элементов

широкое распространение древесной растительности³. Здесь же в восточносредиземноморском регионе (пещера Амуд в долине р. Иордан) существовали переходные индустрии с несколько иным оформлением скошенной фаски⁴. Мы не знаем пока технико-функциональных эквивалентов скошенной фаски в других комплексах, где орудия «à chanfrein» отсутствуют. Вышеописанные орудия с фаской, скошенной на спинку пластины, являются особой разновидностью внутри общей группы поперечно-резовидных изделий. В своем неклассическом варианте (без выемчатой ударной площадки) такие орудия были распространены более широко. Они обнаружены, например, на поселении Пены Курской обл., отнесенном нами к концу верхнего палеолита. Впрочем, характер износа их свидетельствовал о значительно более широком спектре действий, чем обработка дерева⁵.

В свое время, касаясь проблемы функционально-технических эквивалентов, мы приводили пример из технологии изготовления пазов при помощи каменных резцов, сформированных резцовым скалыванием, и лезвий ножевидных пластин. В последнем случае достигалась геометрическая правильность паза⁶. У орудий «à chanfrein» могли быть функциональные эквиваленты в виде несколько по-другому оформленных стамескообразных рабочих элементов или в виде ножей с обушком и т. д. Таким образом, в одних случаях для изготовления обрабатывающих орудий употреблялись приемы огранки при помощи резцового скалывания, в других — ретушь, в третьих использовались разные «первичные» грани и углы сколов. Кроме того, и способы обработки древесины сильно различались при близком конечном результате, например при строгании и абразивном стачивании.

Наши работы по резьбе емкостей и скульптуры из дерева как будто бы говорят о предпочтительности использования безретушных рабочих кромок ножевидных и резцевидных инструментов по сравнению с кромками, изготовленными ретушью. В этом смысле безретушные рабочие элементы как бы предваряют свойства будущих шлифованных орудий неолита.

Говоря о художественных работах, отметим, что разные совокупности каменных орудий, которые возникли на базе расчленения твердолокнистых веществ и изготовления наконечников, гарпунов, деревянной посуды, приспособлений охоты, разных частей жилищ и одежды, позволяют производить тончайшие операции по выработке и моделировке сложнейшей формы человеческого лица. Во всех последующих эпохах в ручной художественной работе человек черпал материалы, приемы, орудия из хозяйственной жизни и повседневного быта.

¹ Oakley K. P. Man the Toolmaker. London, 1972, fig. 5; Jacob-Friesen K. H. Einführung in Niedersachsens Urgeschichte. — In: Veröffentlichungen der Urgeschichtlichen Samm. Landesmuseums Hannover, Bd 15.

² Newcomer M. The Chamfered Pieces from Ksar Akil (Lebanon). — Bull. of the Institute of Archaeology, 1968, N 8/9, p. 177—193.

³ Коробков И. И. Палеолит Восточного Средиземноморья. — В кн.: Палеолит мира. М., 1978, т. 2, с. 151.

⁴ Коробков И. И. Указ. соч., с. 150.

⁵ Григорьева Г. Ф., Филиппов А. К. Пенская позднепалеолитическая стоянка. — СА, 1979, № 4, с. 168—170.

⁶ Филиппов А. К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ХРАПОВО 4 — ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА ПРАВОБЕРЕЖЬЯ р. ОСКОЛ

Разведочными работами Степной неолитической экспедиции 1970 и 1974 гг. открыты и обследованы памятники каменного века в Валуйском районе Белгородской обл. у д. Храпово. Они располагались на дюнах, протянувшихся вдоль старицы Оскола, превратившейся в настоящее время в болото. Четыре из них занимали вершины дюн, а один, интересующий нас, Храпово 4, находился у их подножия, непосредственно на первой высокой надпойменной террасе.

Культурный слой не сохранился, но на поверхности довольно четко околонтуривалась площадь распространения находок, с которой и собран весь материал. Коллекция, собранная здесь, включает предметы из

кремня однородного темно-серого, почти черного цвета. Визуально он идентичен кремню из коренных выходов меловой толщи, протянувшейся цепочкой вдоль р. Оскол на расстоянии 2—3 км от памятника в глубь террасы. Кремень низкого качества, так как содержит многочисленные мелкие включения мела и известняка, что в значительной мере определяет характер заготовок, преимущественно случайной формы. Низким качеством сырья объясняется, по-видимому, и большое количество обломков, не до конца использованных нуклеусов, нуклевидных кусков, продольных и поперечных сколов. Некоторые из них несут следы вторичного использования в качестве отжимников и отбойников. Целые нуклеусы представлены коническими одноплощадочными с прямой отбивной площадкой, тщательно подготовленной к использованию, и торцовыми. Один торцовый нуклеус сделан из массивного первичного отщепа, сохранившего по одной поверхности меловую корку. Меловые включения прослеживаются и в самом теле ядрища, вследствие чего он незначительно использован, несмотря на тщательную предварительную подправку: край, противоположный рабочему, сужен на клин и подправлен ретушью для закрепления (рис. 1, 21, 22).

Среди заготовок преобладают отщепы различной формы и размеров, в том числе и первичные, покрытые в большей или меньшей мере меловой коркой, а также пластинчатые. Большое количество их, видимо, обусловлено низким качеством сырья. Косвенным подтверждением этого является наличие специальных заготовок (по предварительным данным, около 10%). Однако нуклеусы несут следы снятия именно пластин, причем негативы правильного ограничения занимают чаще всю высоту нуклеуса. Преобладают негативы довольно крупных пластин, но есть и очень мелкие, соответствующие имеющимся в коллекции микропластинкам.

Комплекс находок своеобразен. Он включает категории и группы орудий, которые типологически могут быть отнесены к близким, но все же разным эпохам. Это обстоятельство затрудняет датировку памятника, но в то же время дает возможность для заключений о развитии техники изготовления орудий. Основную категорию составляют скребущие орудия — скребки, скребла, пластинки с выемками (скобели). Наиболее многочисленна группа скребков. Все они (за исключением единичных экземпляров) относятся к типу концевых, но в силу различий заготовок и некоторых деталей вторичной обработки достаточно разнообразны, составляя варианты типа и подтипы. Различна, например, форма рабочей части. Для скребков из тонких широких пластинок характерно соответственно тонкое слабовыпуклое лезвие, как правило расположенное по центру, реже — смещенное к одной из сторон. На скребках из массивных пластинчатых отщепов — лезвие высокой формы, крутое, почти до 90° к основанию (рис. 1, 8—10, 12—14). Есть скребки из пластинчатых отщепов, у которых рабочая часть занимает небольшой участок в соответствии с шириной конца заготовки. Интересен крупный скребок из скола с площадки нуклеуса. Его рабочая часть расположена не на фасетированном конце площадки, а на противоположном, частично ретушированном, частично без вторичной обработки. А на фасетированном конце использована подправка, сделанная еще на нуклеусе, послужившая, очевидно, для крепления скребка в рукоять или удобства обхвата (рис. 1, 18).

Скребел всего два. Оба сделаны из отщепов случайной формы, разных размеров (ширина 7,5 и 3,4 см). Обработке подвергнут только рабочий участок, если не считать подправку тыльной части на крупном экземпляре обычным приемом — углублением поверхности одним массивным сколом (рис. 1, 23). Довольно широко распространены комбинированные орудия, в особенности скребки-скобели. Рабочая часть их имеет широкую слабогнутую поверхность либо небольшие глубокие выемки, расположенные на различных участках края какого-либо другого орудия (рис. 1, 9, 19). У скребков, например, скобель чаще всего непосредственно

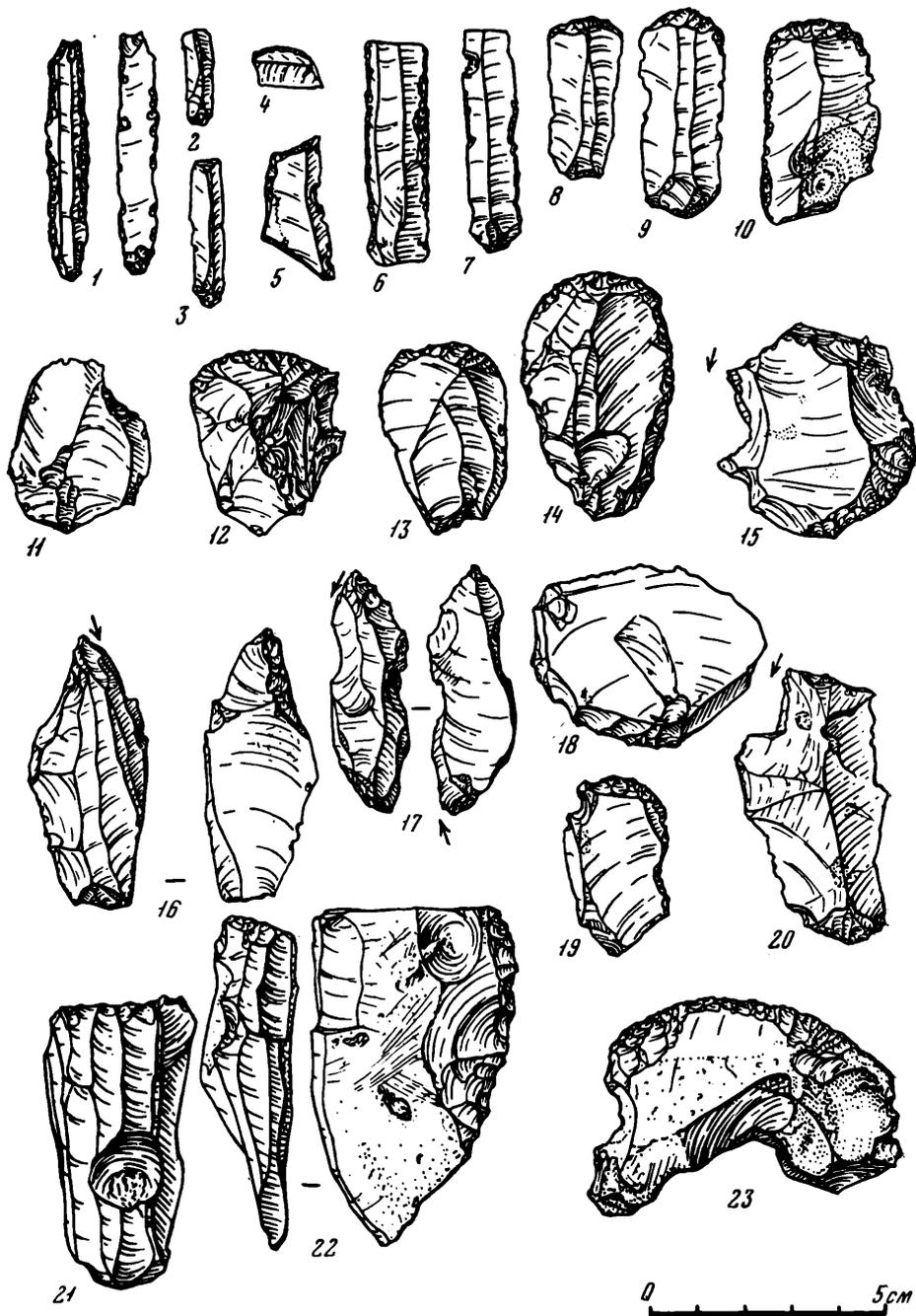

Рис. 1. Каменный инвентарь, собранный у д. Храпово (1—23)

прилегают к рабочей части, в силу чего образуется единое ретушированное орудие с вогнутым и выпуклым участками (рис. 1, 19).

Особое внимание привлекают зубчатые формы, пока малоизвестные в послепалеолитическое время. Зубчатость прослеживается на скребках, на пластинках с ретушью, но представляется, что этот древний технический прием органически связан с изготовлением именно выемчатых форм. На орудии прослеживается не более двух, чаще же один зубец. Особенно выразителен зубец на одном из скребков, где он образован двумя глубокими выемками (рис. 1, 19). В двух случаях у скребелей два небольших

слабовогнутых рабочих участка расположены по продольному краю пластинчатого отщепа и разделены зубцом.

Вторую по численности группу составляют резцы в основном массивные, крупного размера. Они представлены тремя типами: боковым (преобладающим), срединным и угловым. Зачастую для их изготовления использован продольный скол с нуклеуса. Плоский резцовый скол, нанесенный, как правило, с брюшка, занимал более половины длины орудия, достигая в ширину 3—4 мм. Ретушированная часть, расположенная по спинке, чаще невелика (рис. 1, 16). В группе резцов много двойных; таков, например, массивный угловой резец, изготовленный из обломка нуклеуса в комбинации со скребком, двойной боковой резец, прекрасно оформленный, с противоположными (по длинной оси) рабочими участками, двойной угловой резец с рабочими участками у одного излома (рис. 1, 15, 17, 20).

Представлена группа орудий с утончением края, на заготовках нестандартного типа. Общим для них являются лишь их небольшие размеры и использование только тонких и мелких отщепов или обломков. Утончение прослеживается у края, но не базального основания. Оно произведено, как правило одно- иногда двусторонним подтесыванием, оставившим на поверхности рабочего участка занозистые следы. По своей типологической характеристике эта группа орудий типа *pièce écaillée* относится к наиболее архаичной в общем комплексе храповской индустрии (рис. 1, 11).

Имеющиеся несколько острий не составляют устойчивой серии, так как сделаны из самых различных заготовок: краевого скола (длина 9 см), обломков пластинок и пластинчатых отщепов (величина наименьшего из них — 3 см). Вторичная обработка сводится в основном к одно- и двустороннему ретушированию рабочего участка. В одном случае применен резцовый скол, который вместе с тонкой острой боковой гранью пластины образует орудие, и, наконец, одно орудие оформлено довольно неожиданно для храповского ансамбля — поперечным ретушированием края пластинчатого обломка (рис. 1, 5).

Ножи изготовлены из пластин и пластинчатых отщепов, причем для них использованы лучшие пластины-заготовки стандартных размеров и четкой формы (длина 5—7 см), лезвия оформлены краевой ретушью (рис. 1, 6, 7). Встречаются ножи из пластинчатых отщепов без вторичной обработки, но с отчетливыми следами использования. На одном из ножей рукояточная часть оформлена двусторонней подтеской, выполненной особенно тщательно.

Группа микропластинок представлена обломками и удлинненными сечениями шириной не более 0,9 см (минимальная ширина 0,5 см). Ретушированных орудий в этой группе всего два. Первая пластинка (длина 5,2 см, ширина 0,7 см) по продольным сторонам со спинки обработана непрерывной краевой ретушью. Оба конца с брюшковой поверхности ретушированы по всей плоскости. Это единственный случай обработки плоскости (а не краев). Особенно тщательно уплощен и слегка сужен базальный конец, представлявший, очевидно, тыльную часть орудия (рис. 1, 1—3). Краевая ретушь крутая, нерегулярная. Отчетливо видны следы сработанности в виде забитости отдельных участков. Вторым орудием является сегмент (сохранился обломок большей его части), который так же, как поперечно ретушированная пластинка, выпадает из общего комплекса. Это единственное геометрическое орудие. Ретушь его отличается высоким качеством: она регулярная, непрерывная и исключительно мелкая. В целом же орудие имеет все признаки более поздних, чем весь комплекс, приемов обработки (рис. 1, 4).

К числу орудий следует отнести и четкое трапецевидное сечение, хотя и не имеющее вторичной обработки, но явно сработанное по длинному продольному краю, так же как это наблюдается у трапеций.

Помимо описанных, в коллекции много отщепов или пластинчатых отщепов с ретушью. Краевой обработке подвергнут относительно небольшой участок периметра, как правило со спинки. Иногда встречается обработка на двух участках.

Итак, для индустрии Храпова 4 характерно преобладание расщепления на отщепы, невыработанность типа заготовок, случайная их форма. Вместе с тем присутствуют и заготовки-пластины, а также в небольшом числе микропластинки. Приемами вторичной обработки являются: ретуширование (основной), резцовое скалывание и подтеска. Ретуширование только краевое, сплошное ретуширование поверхности отсутствует. Ретушь, как правило, нерегулярная, субпараллельная, зачастую прерывистая. Наименее тщательно обработаны пластины, более тщательно — скребки. Значительное место занимает резцовое скалывание. Подправка орудия резцовым сколом применялась не только при оформлении резцов, но и для придания орудию (не обязательно резцу) необходимой формы. Наблюдается устойчивый тип резцового скола — длинного и широкого и приемов его получения (плоско, с брюшка). Прием «черепашковидной» подтески сохранился для орудий с утонченным краем.

Определение возраста Храпова 4 и его положения среди окружающих памятников можно решить пока лишь в предварительном плане. Памятник расположен в лесостепной зоне, мезолит и неолит которых (особенно в современных Белгородской и Курской областях) почти не изучены. Впереди этап накопления материала. С этих позиций следует рассматривать и датировку Храпова 4. Имеющиеся признаки заставляют колебаться между финальным палеолитом и ранним мезолитом. В пользу первого как будто говорят наличие утонченных орудий, зубчатых форм, господство двух групп орудий — скребков и резцов, типы резцов и резцовая техника. Но в то же время типы нуклеусов с прямыми площадками и негативами от пластин, наличие сегмента, комплекс микроорудий и облик самих пластин, так же как и топография памятника, заставляют склониться в пользу раннего мезолита, когда еще очень сильны палеолитические традиции, что, очевидно, и наблюдается в Храпово 4.

В ближайшем окружении памятник пока не имеет аналогий. На левом берегу Оскола, почти напротив Храпова, находятся известные по исследованию М. Е. Фосс Шелаевские дюны¹, материал которых не сопоставим с храповским ни по каким признакам. То же относится к памятникам, исследованным П. И. Борисовским (если не считать возможной общности каменного сырья), тем более что последние специфичны, являясь мастерскими². Поэтому историко-культурные разработки, связанные с храповскими местонахождениями, являются делом будущего.

¹ Фосс М. Е. Раскопки на р. Осколе. — Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.

² Борисовский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. — МИА, 1963, № 121.

С. В. ОШИБКИНА

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Эпоха мезолита на Севере изучена недостаточно, несмотря на значительные новые материалы, найденные, в частности, в Карелии и северо-восточных районах. Восточнее Онежского озера, в бассейнах крупных северных озер — Кубенского, Белого, Воже, Лача, и далее к востоку по течению р. Сухоны до недавнего времени стоянки эпохи мезолита насчитывались единицами. В последние годы получены некоторые новые дан-

ные о памятниках этого района, относящиеся ко времени первого заселения европейского Севера.

Кубенское озеро окружено широкой болотистой низиной, что делает его малодоступным для исследований. На низких подтопленных его берегах местными жителями найдены остатки сильно размытых неолитических стоянок¹. В 1926 г. М. Е. Арсакова у истоков р. Сухоны обнаружила несколько разновременных стоянок, в числе которых была одна, частично разрушенная карьером, на которой собраны микролитические ножевидные пластины². Осмотр местности в 1978 г. показал, что здесь существовала мезолитическая стоянка, ныне совершенно разрушенная. Кроме ножевидных пластин, было найдено достаточно архаичное орудие типа срединного резца с противолежащей ретушью, что дает основание предполагать ранний возраст памятника. Рассматриваемая стоянка располагалась у д. Шачино на краю первой боровой террасы на правом берегу р. Пучкаса, притока Сухоны, где отчетливо выражена высокая вторая боровая терраса. Примерно аналогично расположены мезолитические стоянки у деревень Пахотино и Калинино, а также у плюза Сухоны у д. Шеры (все сухие высокие древние берега озера и рек в этом районе давно заселены и памятники распаханы или разрушены многокилометровым карьером).

При обследовании берегов р. Кубены, впадающей в озеро с востока, установлено, что вдоль приустьевой части ее на протяжении 7 км к берегам близко подходят боровые террасы высотой 4—6 м над поймой. На них расположено несколько стоянок эпохи мезолита, в ряде случаев разрушенных средневековыми селищами или современными строительными работами. Наибольший интерес представляет стоянка на правом берегу Кубены у д. Данилихи, частично разрушенная ямами, в которых берут песок, но основная площадь стоянки сохранилась.

Стратиграфия памятника установлена при зачистке стенок карьера. Под дерном (10 см) и тонкой прослойкой подзола залегает пятнами культурный слой средневекового селища. Ниже расположен культурный слой мощностью около 40 см эпохи мезолита, окрашенный в красноватый цвет, что вообще характерно для мезолитических стоянок данного района. Мезолитический слой содержит большое количество изделий из кремня, среди которых преобладают ножевидные пластины, много микропластин. На стоянке собран подъемный материал, в том числе два нуклеуса (один очень маленький — 1,4 см длины), три концевых скребка на пластинах, фрагментированный наконечник стрелы с ретушированным острием со спинки. Судя по значительной протяженности вдоль берега (150 м) и насыщенности культурного слоя, памятник имеет большую площадь, оставлен значительной группой людей и существовал продолжительное время.

На левом берегу р. Кубены обнаружены четыре мезолитические стоянки с микролитическим кремневым инвентарем. Две из них, Бор и Бор 1, находятся в густом сосновом бору и имеют хорошо сохранившийся культурный слой. Две другие в основном разрушены. Таким образом выяснилось, что в бассейне Кубенского озера существовали стоянки эпохи мезолита со сходным микролитическим кремневым инвентарем, расположенные на первых боровых террасах, приблизительно на одинаковой высоте. Очевидно, памятники близки и в хронологическом отношении.

До последнего времени в бассейне оз. Воже была известна только одна стоянка эпохи мезолита — Погостище I (открыта и исследована А. Я. Брюсовым), расположенная на левом берегу р. Модлоны у д. Погостище. Основная ее часть разрушена при проведении небольшого канала от реки к деревне³. Край надпойменной террасы (невысокой — до 1,5 м) занят строениями деревни, на окраине которой в 1959 г. А. Я. Брюсов обнаружил финский могильник X—XII вв.⁴ При исследовании памятника с помощью небольшого раскопа (16 кв. м), заложенного на краю

террасы к северу от деревни, в 1978 г. было обнаружено еще два средневековых погребения. Как оказалось, могильник расположен на мезолитической стоянке, размер которой установить теперь невозможно, так как часть ее занята или уничтожена строениями. Культурный слой мезолитического времени представлен коричневой супесью мощностью около 20 см, подстилаемой плотным светлым материковым песком. Сверху он перекрыт темно-коричневой супесью, слоем современного строительного мусора и дерном (всего 50—60 см).

Вещественный материал мезолитической стоянки Погостище V представлен изделиями из светлого кремня, преимущественно ножевидными пластинами (некоторые с ретушью). Найдено сечение с ретушью по одной стороне, два нуклеуса, причем один из них двухплощадочный. Два скребка, изготовленные из отщепов, массивны, по форме поздние — мезолитические. Скребок из ножевидной пластины ретуширован на конце и по боковой стороне, что тоже является поздним признаком. Представляет интерес фрагментированный наконечник стрелы из ножевидной пластины, обработанный только по острию со стороны спинки, а также небольшое рубящее орудие с двусторонней ретушью. По-видимому, стоянку следует отнести к концу эпохи мезолита.

Сам памятник не представляет особого интереса, так как коллекция, собранная здесь, невелика и маловыразительна, а основная площадь его разрушена. В то же время нельзя не обратить внимания на разницу в расположении стоянок Погостище V и упомянутой выше Погостище I. Стоянки разделяет расстояние всего в 80—100 м. При этом Погостище I находится на пойме, у основания первой надпойменной террасы. Культурный слой ее — песок мощностью 12—15 см, перекрытый слоем торфа, мощность которого доходит до 100 см. Раскопками А. Я. Брюсова на стоянке Погостище I вскрыто 60 кв. м и получен небольшой, но достаточно характерный материал, а также кости лося, оленя, марала, быка, косули, волка, бобра, куницы (по определению Н. А. Сугрובה) ⁵. Орудия изготовлены из кости и кремня, найдены также осколки кварца и сланца. Среди орудий есть роговая муфта с отверстием, наконечник стрелы из кости с биконической головкой (так называемый шигирский тип), часть крупного гарпуна, костяное пило, шесть скребков из крупных отщепов, нуклеусы и половина дисковидного предмета с отверстием, определенного как навершие палицы ⁶.

Как уже сказано, стоянка Погостище V расположена на надпойменной террасе, ее культурный слой перекрыт незначительным слоем, если не считать строительного мусора, костяные остатки отсутствуют (правда, они могли не сохраниться). По орудиям из камня и сырью стоянка значительно отличается от Погостища I. Очевидно, они относятся к разному времени, хронологический разрыв между ними мог быть достаточно большим.

По составу культурных остатков, расположению на низком берегу и характеру напластования, перекрывающего культурный слой, Погостище I имеет много общего с известной стоянкой Нижнее Веретье, открытой и исследованной М. Е. Фосс в 1928—1934 гг. ⁷ В свое время об этом сходстве писал А. Я. Брюсов, который считал Погостище I, Нижнее Веретье и стоянку Ягроба древнейшими памятниками на Севере, хотя предлагал для них довольно позднюю датировку — IV тысячелетие до н. э. ⁸

Продолжение раскопок на стоянке в местности Веретье в 1978 г. позволило получить новый материал, подтверждающий это сходство. Раскоп в 44 кв. м уточнил стратиграфию памятника. На раскопанной площади под дерном (20 см) и слоем черной болотистой почвы (20—40 см), содержавшей небольшое количество изделий эпохи бронзы, располагался слой торфа коричневого цвета мощностью 10—30 см. В этом нижнем слое и подстилающем песке с примесью известковой гальки находились культурные остатки мезолитического времени. Кроме боль-

шого количества костей животных, древесины и скоплений чешуи, здесь найдены орудия из камня и кости, в том числе гарпуны, наконечники стрел, орудия с пазами и вкладыши для них из кремневых пластин, две вставные рабочие части составных орудий с муфтами, кочедыки или острия, наконечники стрел с биконической головкой, два дисковидных изделия аналогичных тем, что найдены в Погостище I. Таким образом, стоянки Нижнее Веретье и Погостище I исключительно близки по характеру инвентаря, хотя количество его в Нижнем Веретье значительно больше, как и в целом насыщенность культурного слоя.

Представляет интерес еще одна стоянка, расположенная в нескольких километрах южнее Нижнего Веретья, на правом берегу р. Ковжи, примерно в 3 км от ее впадения в оз. Лача в местности, известной под названием Сухое. Берег, возвышающийся здесь над окружающей местностью, заселялся неоднократно. По данным М. Е. Фосс, сначала существовала неолитическая стоянка (в настоящее время сильно размытая), а затем поселение эпохи раннего металла⁹. Раскоп (16 кв. м), заложенный нами, показал, что сверху культурные напластования перемешаны, а часть стоянки повреждена перекопами. Под дерном (10 см) лежала темно-серая перемешанная супесь, в которой найдена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом типа Модлона II и позднекаргопольская — эпохи раннего металла, а также большое количество кремневых орудий. Нижняя часть темно-серой супеси более светлого оттенка не была перемешана и содержала керамику неолитического времени, кремневые орудия с двусторонней обработкой и небольшое количество ножевидных пластин. Очевидно, культурный слой стоянки неолитического времени связан с темно-серой супесью, общая мощность которой достигает 40 см. Ниже предполагался тонкий слой светло-серой супеси, в котором найдены ножевидные пластины из серого камня и орудия из пластин.

В нижнем культурном — мезолитическом — слое обнаружено темное пятно, частично перекрытое серой супесью. Оно отчетливо прослеживалось в плане, границы его отмечали темные пятна в песке, вероятно следы исчезнувшей древесины. Зафиксированы остатки вертикальных столбиков. Возможно, пятно являлось остатками жилища. Внутри него сохранилось очажное пятно — прокаленный песок и вблизи — два скопления рыбьей чешуи. Внутри пятна и около него найдены ножевидные пластины, двусторонние скребки из ножевидных пластин, костяные острия, пластины с ретушью. Особенностью кремневого инвентаря стоянки является употребление длинных ножевидных пластин, из которых делали орудия, например концевой скребок (рис. 1, 16).

Самая интересная находка — костяной наконечник стрелы с фигурной биконической головкой (рис. 1, 1).

С помощью шурфа, заложенного западнее раскопа, удалось выяснить, что культурный слой мезолитической стоянки, перекрытой позднейшими напластованиями, существует здесь *in situ*. Ранний возраст памятника определяется составом находок, а также стратиграфией.

Среди случайных находок из местности Сухое¹⁰ имеются два костяных гарпуна и поделка из кости (возможно, наконечник стрелы, рис. 1, 2—4). Гарпуны снабжены оригинальными прямосрезанными зубцами, у одного основание лопатковидной формы. В материалах ближайшей стоянки Нижнее Веретье и других стоянок Восточного Прионежья, а также в большой коллекции гарпунов с Шигирского торфяника¹¹ подобные гарпуны неизвестны. Некоторое сходство они имеют с крупными гарпунами из Лубанской низменности¹². В Вологодском краеведческом музее хранится коллекция находок, сделанных в центре города при строительстве дворца пионеров: костяные наконечники стрел, в том числе один с биконической головкой, три игловидных, два прямых с ромбическим сечением, два острия под углом 45°, гарпун, роговое тесло, вставное лезвие для муфты. Судя по окраске костяных изделий, они происходят из слоя, содержавшего торф. Поскольку условия нахождения всех этих ве-

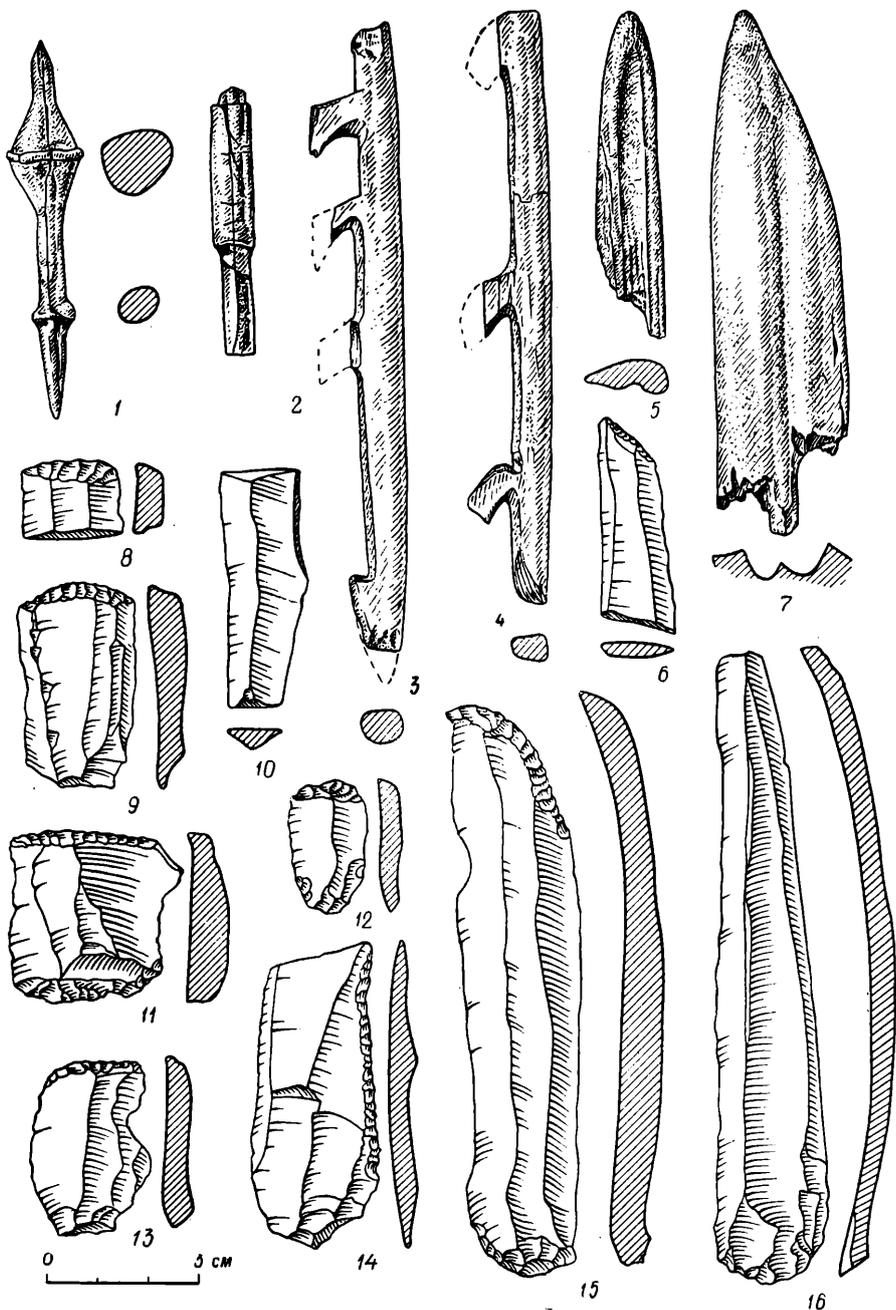

Рис. 1. Стоянка Сухое

1 — наконечник стрелы; 2 — костяное изделие; 3, 4 — обломки гарпунов; 5, 7 — костяные острия; 6 — орудие на пластине; 8—9, 11—13, 15 — скребки; 7 — резец на углу пластины; 14, 16 — ножевидные пластины с ретушью

щей неясны, можно только предполагать, что они привезены вместе с торфом из разрушенной стоянки недалеко от города.

Отдельные роговые изделия несколько раз находили и при земляных работах недалеко от Вологды. В 1952 г. на левом берегу р. Тошни (притока р. Вологды) около монастыря в Прилуках у свай была найдена массивная роговая муфта с прямоугольным пазом для рабочего лезвия. Орудие имеет в длину 18 см, круглое отверстие для рукояти, на расши-

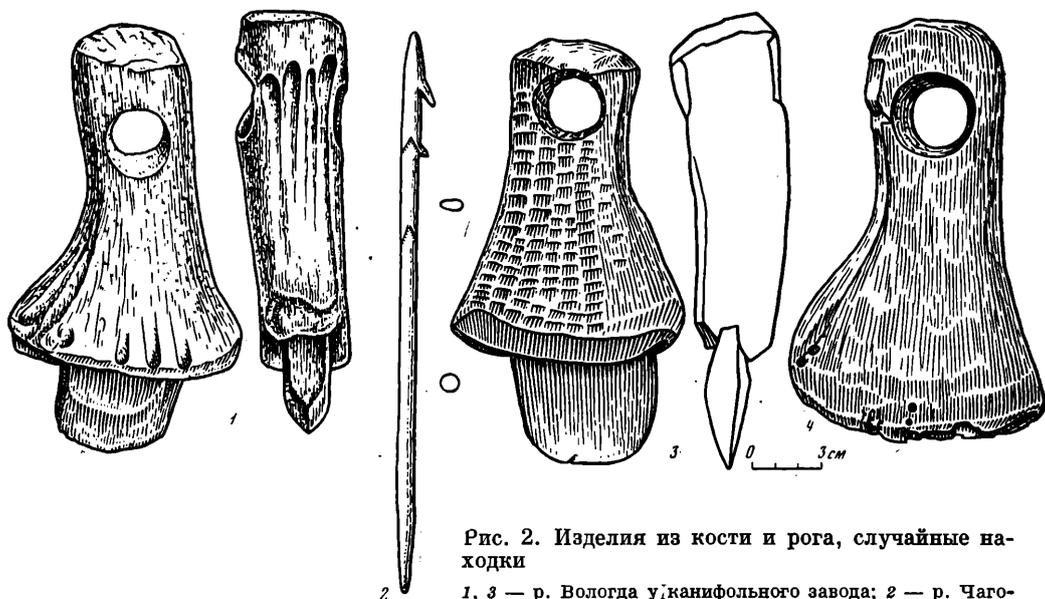

Рис. 2. Изделия из кости и рога, случайные находки

1, 3 — р. Вологда у д. Канифольного завода; 2 — р. Чагоды; 4 — р. Тощня, Прилуки

ренной части — небольшие круглые сверлины, расположенные попарно (рис. 2, 4) ¹³.

Другая муфта немного меньшего размера (длиной 14 см) с круглым отверстием для рукояти найдена в 1937 г. в 12 км от Вологды ниже по течению реки у так называемого Лиминского завода. Судя по характеру срезов, которыми обработана поверхность, можно думать, что они нанесены ножевидной пластиной или орудием с лезвием из пластин. Сохранилось вставное лезвие в виде рогового долота с выпуклой спинкой и округлым рабочим краем (рис. 2, 3).

В 1975 г. в этой же местности при забивке свай для укрепления берега найдена еще одна муфта со вставленной рабочей частью, по размерам и оформлению идентичная первой. По сообщению рабочего, нашедшего орудие, оно выпало из берега на уровне воды (высота берега здесь 4,5—5 м, включая большой слой современного мусора и щепы). Не исключено, что здесь существовала мезолитическая стоянка, культурный слой которой мог находиться на большой глубине.

Роговые муфты известны в Прибалтике ¹⁴, где они связаны с мезолитическими стоянками, датируемыми концом бореала — началом атлантикума, во всяком случае не позднее VI тысячелетия до н. э. ¹⁵ Этим же временем, очевидно, следует датировать и случайные находки в Восточном Прионежье, а также стоянку Нижнее Веретье, где вставки для муфт найдены в культурном слое.

Следует упомянуть также гарпун с двумя зубцами, характерным закругленным острием, круглым в середине и уплощенным к острию сечением, происходящий с р. Чагоды у д. Кочубино ¹⁶. На одной из его сторон нанесены две орнаментальные фигуры, выполненные насечками (рис. 2, 2). Очевидно, этот гарпун также можно отнести к эпохе мезолита.

Памятники мезолитического времени с костяным и каменным инвентарем составляют самостоятельную группу. Для них характерно расположение в заболоченных озерах, где культурный слой перекрыт торфом или связан с ним. Обычно орудия изготовлены из серого кремня плохого качества, изредка кварца. В обработке орудий из камня можно отметить общие черты: грубую обивку сколами, сохранение иногда валунной корки, подшлифовку сланцевых рубящих орудий. Заметны определенные отличия по составу и формам каменных орудий между стоянками с костяным

и с кремневым инвентарем микролитического типа. Последние известны более всего в бассейне р. Сухоны¹⁷ и далее на восток, но встречаются также и на озерах.

Если стоянки с костяным инвентарем по аналогии с прибалтийскими типа Кунда могут быть датированы временем не позднее VI тысячелетия до н. э., то стоянки с кремневым инвентарем широким диапазоном — VII—V тысячелетиями до н. э. Не исключено, что две рассматриваемые группы стоянок существовали в разное время и, скорее всего, оставлены населением различного происхождения.

Фактический материал позволяет предполагать, что освоение Севера началось сразу после отступления ледника и продолжалось длительное время. Заселение этой огромной территории происходило постепенно, сюда проникали группы древних рыболовов и охотников из разных районов лесной зоны. По-видимому, в этот период начала создаваться основа территориального разделения между группами населения разного происхождения. Это разделение с известными изменениями существовало потом довольно долго.

¹ Коллекция Вологодского краеведческого музея.

² Арсакова М. Е. Археологические разведки в Вологодском уезде. — Север, 1928, № 7/8, с. 288.

³ Брюсов А. Я. Отчет о работе Северной экспедиции в 1945 г. — Архив ИА.

⁴ Брюсов А. Я. Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 81—83.

⁵ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. — МИА, 1951, № 20, с. 46.

⁶ Там же, с. 46—47.

⁷ Фосс М. Е. Стоянка Веретье. — Тр. ГИМ, 1944, вып. XII.

⁸ Брюсов А. Я. Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук, 1947, вып. 2, с. 96.

⁹ Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29, с. 261.

¹⁰ Из собрания В. В. Шевелева.

¹¹ Толмачев В. Древности восточного Урала. — ЗУОЛЕ, Екатеринбург, 1913, т. XXXIII, табл. V, VI.

¹² Коллекция исторического музея в г. Риге, № 10519 : 1839, 1449.

¹³ Вологодский музей, ВОКМ 215.

¹⁴ Коллекция из раскопок Ф. А. Загорскиса, Институт истории ЛатвССР; Лозе И. А. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии. — МИА, 1966, № 126, с. 113, рис. 3.

¹⁵ Янитс Л. Ю. Новые данные по мезолиту Эстонии. — МИА, 1966, № 126, с. 118; Загорска И., Загорскис Ф. Мезолит Латвии. — КСИА, 1977, вып. 149, с. 73; Долузанов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода). — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 59.

¹⁶ Вологодский музей, ВОКМ 10675.

¹⁷ Ошибкина С. В. Мезолитические стоянки бассейна Сухоны. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 72—78.

И. В. ГАВРИЛОВА

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В БАСЕЙНЕ РЕКИ КОСТРОМЫ

До настоящего времени в костромском Поволжье мезолит представлен изделиями микролитического облика, выделенными лишь типологически среди разновременных материалов¹. Это не только затрудняет его датировку, но и не позволяет в полной мере выявить облик мезолитических памятников, поэтому накопление новых сведений о мезолите весьма важно. В этой связи определенный интерес представляют местонахожде-

ния, обнаруженные в последние годы в бассейне р. Костромы: в Буйском районе у д. Поповка и в Сусанинском районе у д. Медведки (Зубовские).

В окрестностях Поповки известны четыре местонахождения, среди которых особо следует отметить Поповку II, где впервые получен чистый микролитический комплекс. Это местонахождение расположено в 400—500 м южнее одноименной деревни, на краю древнего песчаного берега Костромы, возвышающегося на 4—5 м над заболоченной низиной (старницей?), в 1,5—2 км от современного русла. В разведочном раскопе на обочине дороги наблюдалась следующая стратиграфия: под тонким, 0,03—0,10 м, подзолистым слоем залегал белесый пылеватый песок толщиной 0,10—0,17 м, ниже до глубины 0,45—0,50 м от современной поверхности шел желтый песок. Большинство находок приурочено к слою белесого песка, нередко они проникали и в желтый, а там, где поверхность затронута дорогой, встречались и в верхнем горизонте. Культурным слоем, вероятно, следует считать белесый песок, наиболее насыщенный находками.

Полученный материал представлен предметами (244 экз.), изготовленными из красно-коричневого кремня (рис. 1, 1—22), за исключением одного экземпляра, для которого использован серый, дымчатый кремень. Среди находок девять изделий, 49 правильно ограненных пластин с тупым, обломанным концом, две целые пластинки с зауженным концом, 41 сечение, 11 менее правильно ограненных пластин, 6 обломков пластин, 2 сечения, 82 отщепа, 42 чешуйки.

Изделия включают миниатюрный (3, 1×1 см) одноплощадочный нуклеус с двойным торцовым скалыванием, концевой скребок из ножевидной пластины (2×0,7 см), два резца на углу сломанной пластинки (причем у одного из них резцовый скол размещается по всей длине), две пластинки, отретушированные с брюшка по одной из боковых сторон (одна из них отретуширована частично), реберчатый скол и два концевых скола с нуклеусов. Пластины и сечения мелкие, тонкие, удлинённых пропорций. Их ширина колеблется от 0,4 до 1—1,2 см, длина пластин не более 3,2 см, длина сечений — от 0,9 до 2,3 см. Выделяются микропластинки и сечения шириной 0,1—0,3 см. Отщепы также невелики, размеры самого крупного из них — 2,3×1,6 см.

Однородность комплекса находок и кремневого сырья, ярко выраженная микролитоидность не вызывают сомнений в мезолитическом возрасте находок.

Единичные микролиты обнаружены и среди кремневого инвентаря более позднего поселения Поповка, расположенного у северного конца той же деревни, на краю ровной песчаной площадки в 1—1,5 км от описанного нами местонахождения. Обнаружено два резца, пластина с ретушью, четыре сечения пластин, микропластинка (рис. 1, 23—26). Для одного резца использован отщеп, для второго — сравнительно крупная (3,4×1,4 см), правильно ограненная пластина, на одном конце которой по обеим сторонам размещаются сколы. Пластинка (2,2×1 см) частично отретуширована со спинки у обоих концов (один из них был, по-видимому, скошен), сечения, как и микропластинка, правильно огранены и достаточно миниатюрны.

Перечисленные изделия резко отличаются от прочего каменного инвентаря Поповки, для которого заготовками служили отщепы. Обнаруженная здесь керамика относится к позднему неолиту, эпохе бронзы и раннего железа.

Несколько аналогичных изделий из кремня найдены и у западного конца деревни на песчаной косе по дороге, ведущей к р. Костроме. Среди них скребок из уплощенного отщепа со скругленным рабочим краем, отретушированный с брюшка, три сечения и столько же обломков правильно ограненных пластин, а также отщеп.

Четвертое местонахождение расположено в 1,5—2 км северо-восточнее Поповки, на северном берегу Святого озера (являющегося старницей

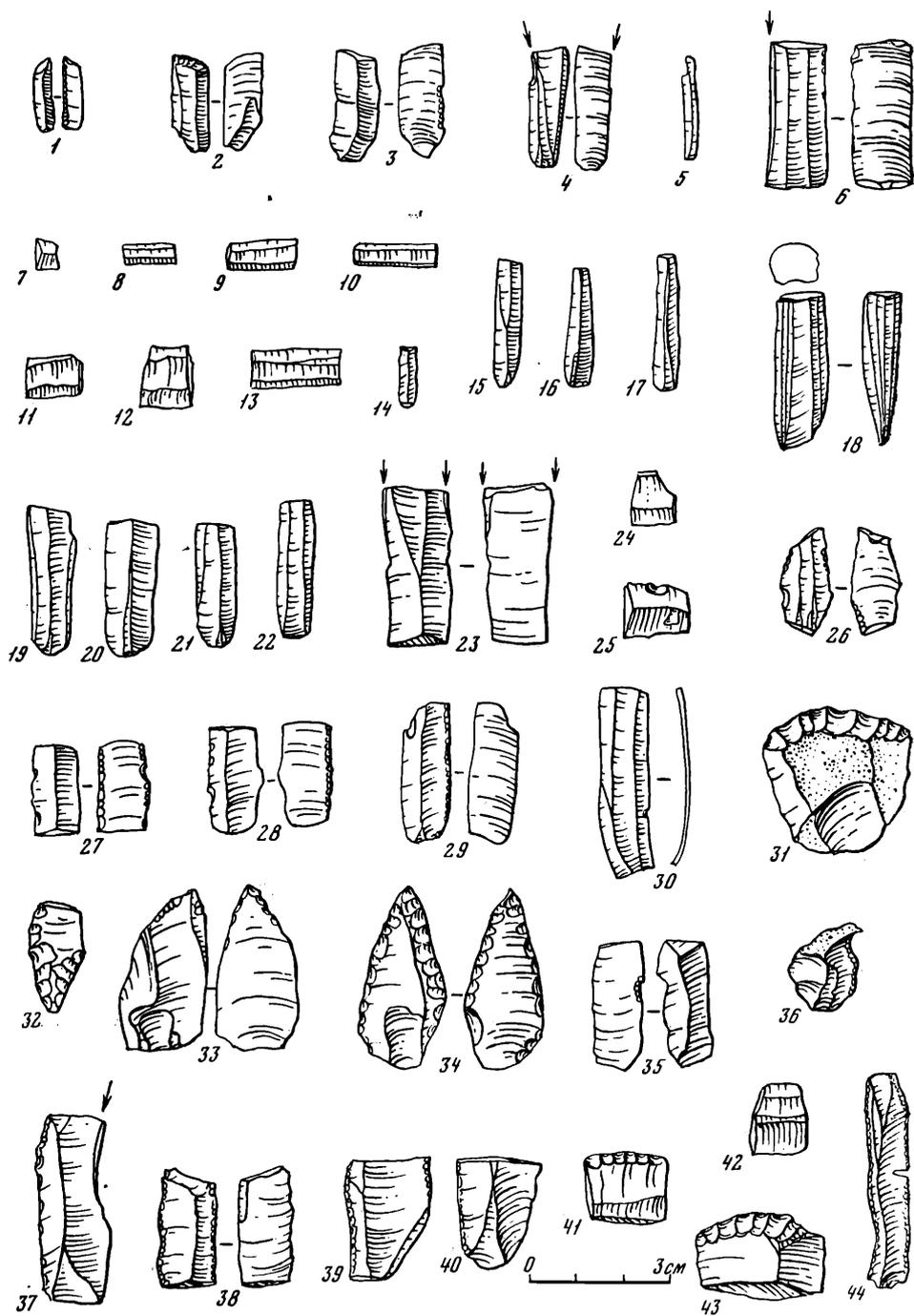

Рис. 1. Кремневые изделия мезолитических местонахождений бассейна р. Костромы 1—22 — Поповка II; 23—26 — Поповка; 27—31 — Святое озеро; 32—41 — Водыш; 42—44 — Шача

р. Костромы), при впадении в него ручья. Как и предшествующие местонахождения, оно приурочено к древнему берегу р. Костромы. Микролитические изделия (рис. 1, 27—31), изготовленные из красно-коричневого кремня, представлены тремя отретушированными сечениями, обломком высокой пластины с ребром на спинке, отретушированной у зауженного

конца, правильно ограненной пластинкой ($4 \times 1,1$ см) и концевым скребком из некрупного ($3 \times 3,5$ см) уплощенного отщепа со слабо скругленным рабочим краем. Длина сечений 2—3,1 см, ширина — 1—1,2 см, два из них отретушированы со спинки, одно — с брюшка.

Несмотря на то что упомянутые изделия выделены типологически, все они происходят из раскопа I на левом берегу ручья, где прочие находки были невыразительны и малочисленны (всего 43 предмета). В то же время на другом берегу ручья в раскопе II, где находок было больше (103 предмета), микролиты отсутствовали.

У д. Медведки изделия микролитического облика типологически выделены на двух памятниках: на излучине левого берега р. Водыш и на правом берегу р. Шачи. Поселения находятся в 1—1,5 км от д. Медведки, на расстоянии 1,5—2 км одно от другого, в обширной котловине (пойме?), по которой протекает Шача и ее левый приток Водыш.

На поселении Водыш к этому комплексу относятся около 28 предметов (рис. 1, 32—41), изготовленных преимущественно из красноватого, реже — желтого, в двух случаях — серого кремня: пять целых и один обломок наконечников стрел, два скребка и один поломанный скребок, два резца, пластинка с выемкой, четыре сечения с ретушью, шесть менее правильно ограненных отретушированных сечений и две пластинки, четыре отщепа с микроретушью.

Наибольший интерес представляют наконечники стрел (длиной 2—3,9 см, шириной 1,4—1,7 см); три — из тонких пластинчатых, два — из более массивных, уплощенных, с острым концом отщепов. Среди целых наконечников лишь один с широким черешком. Из бесчерешковых наконечников один подправлен ретушью у острия с брюшка, два — по периметру со спинки, один — по периметру с обеих плоскостей. Пятый, черешковый наконечник отретуширован со спинки по периметру, а с брюшка — у основания черешка и по одной из боковых сторон. Обломок ($2,2—1$ см) принадлежит наконечнику с черешком, изготовленному из ножевидной пластины. Его черешок и одна боковая сторона отретушированы с обеих плоскостей, вторая сторона — лишь со спинки.

Скребки концевые, заготовками для них служили отщепы подпрямоугольных очертаний, для одного целого и обломка — уплощенные, для третьего — массивный. Один из скребков ($3,5 \times 1,5$ см) — с вогнутым рабочим краем, у другого ($1,8 \times 1,6$ см) рабочий край уплощен, у обломка — крутой, с «мысыком».

Для резцов использованы удлиненные сечения ($2,5 \times 1$ и $4 \times 1,4$ см), сколы размещаются на углах сломов. Одно из них отретушировано со спинки по обеим сторонам, второе — по одной стороне.

Крошечный ($2,6 \times 0,9$ см) асимметрично вогнутый скобель на пластинке с отсеченным бугорком оформлен мелкой ретушью с брюшка.

Вероятно, именно к этому комплексу и относится дата 7150 ± 70 , или 5200 лет до н. э., полученная из наиболее глубоко расположенного очага этого поселения. Кроме того, принадлежность рассмотренного комплекса косвенно подтверждается и сравнительно молодым возрастом найденной здесь неолитической керамики, для которой характерны небрежность и разреженность узоров, использование неправильной формы ямок, замена гребенчатых оттисков различными штампами и, наконец, радиоуглеродная дата — 4590 ± 140 , или 2600 лет до н. э. Заметим, что угли для последней даты получены из очажного пятна, где они лежали непосредственно под развалом сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом. При этом в данной (юго-восточной) части раскопа находилась лишь ямочно-гребенчатая керамика.

На правом берегу Шачи, где основной материал относится к эпохе бронзы, при разведочных раскопках найдены обломок концевого скребка, ножевидная пластинка с ретушью по одной из боковых сторон, нанесенной со спинки, и короткое сечение, изготовленные из красноватого кремня (рис. 1, 42—44).

Находки перечисленных местонахождений аналогичны микролитическим изделиям, ранее известным на данной территории: Федоровского поселения, Святицы, Югской стоянки и др. Все они изготовлены из однородного кремня, имеют ярко выраженную микролитоидность, сравнительно невелико количество изделий со вторичной обработкой. Среди орудий преобладают пластины и сечения с ретушью на боковой стороне, гораздо меньше — с резцовым сколом и выемкой, значительную часть составляют некрупные скребки из уплощенных отщепов, в небольшом количестве присутствуют черешковые и бесчерешковые наконечники стрел из ножевидных пластин и отщепов, единичны резцы из отщепов и кусков кремня. Среди сечений нужно отметить наличие своеобразных треугольников, найденных на Федоровском поселении.

На более отдаленной территории близкие, но не тождественные микролитические комплексы имеются в Волго-Окском междуречье: во втором слое Елиного Бора, отчасти в Бутовской стоянке и Соболеве V. Некоторые общие черты прослеживаются с памятниками Камско-Вятского междуречья — Баринка I и II. Однако большее сходство наблюдается с инвентарем стоянок Филичаевская II и III на Северной Двине, где имеются не только общие формы изделий, но и сырье².

Памятники, приведенные в качестве аналогий, позволяют определить место костромских микролитов как промежуточное между соболевско-скнятинской группами, с одной стороны, и памятниками Северной Двины и Вычегодского края — с другой.

Накопление новых данных, возможно, позволит выявить среди них более ранние и поздние, а также уточнить их место среди мезолитических памятников близлежащих территорий.

¹ Третьяков П. Н. Позднемезолитические местонахождения костромского и ярославского Поволжья. — МИА, 1963, вып. 110, с. 9—24; Гаприлова И. В. Новые мезолитические памятники Костромской области. — КСИА, 1967, вып. 111, с. 101—107; Она же. Новые мезолитические находки Федоровского поселения. — КСИА, 1973, вып. 137, с. 74—79.

² Кольцов Л. В. Новые раскопки стоянки Елин Бор. — МИА, 1966, № 126, с. 178—184; Он же. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. — КСИА, 1969, вып. 117; Он же. Локальные группы мезолита Волго-Окского междуречья. — КСИА, 1973, вып. 137, с. 28—35.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

СТОЯНКА ПОДЛЕСНОЕ I НА р. СУРЕ

Стоянка Подлесное I расположена в 8—10 км к северо-востоку от г. Пензы в пойме правого берега р. Суры, при впадении в нее р. Вади. В 1 км к востоку от стоянки находится пос. Коммунар (бывш. д. Подлесное¹).

Пойма Суры в этом районе достигает в ширину 3—4 км. Левый коренной берег высокий (5—6 м), непосредственно примыкает к руслу реки. Справа от течения Суры лежит упомянутая выше пойма, частично заросшая кустарником, изрезанная старицами. Правый коренной берег зарос лесом. Ширина Суры 15—20 м. Здесь встречаются дюнные всхолмления. Одни из них развеены, другие частично или полностью сохранились. Высота дюн достигает 6—7 м, площадь их колеблется от нескольких десятков до нескольких сот квадратных метров.

Большой интерес представила группа дюн в устье речки Вади. На одной из них, развеенной до основания, на участке 150—200 кв. м было собрано 848 отщепов сильно патинизированного кремня и кварцита без

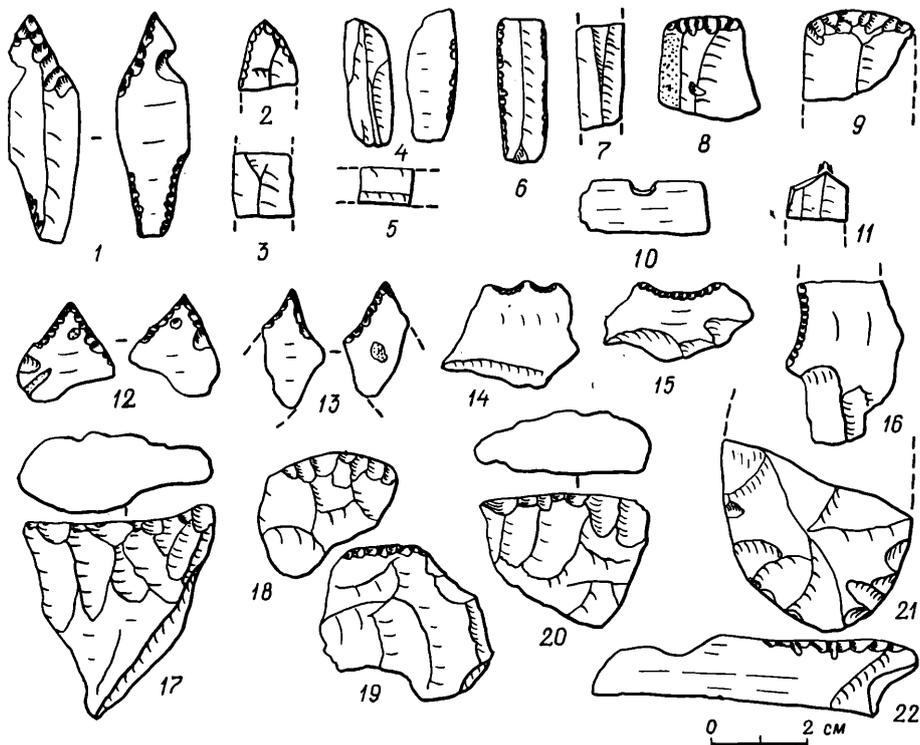

Рис. 1. Орудия труда со стоянки Подлесное I на р. Суре

1 — наконечник стрелы; 2 — обломок наконечника стрелы (?); 3—7 — ножевидные пластинки и их сечение; 8, 9 — концевые скребки; 10 — пластина с боковой выемкой; 11 — срединный резец; 12, 13 — проколки из отщепов; 14—16 — скобели; 17, 20 — нуклеусы; 18, 19 — скребки случайных форм; 21 — обломок наконечника дротика (?); 22 — отщеп с ретушью

обработки, две ножевидные пластины без ретуши и 43 орудия труда (включая нуклеусы и сечения ножевидных пластин). Стоянка названа Подлесное I.

Среди орудий (рис. 1) — пять скребков случайных очертаний (рис. 1, 18—19), девять отщепов с частичной ретушью (рис. 1, 22), выполнявших, по-видимому, функцию скребков и ножей, пять одноплощадочных нуклеусов, с которых скалывались миниатюрные отщепы (рис. 1, 17, 20), четыре концевых скребка (рис. 1, 8, 9). Кроме того, найдены две подтреугольные проколки из отщепов (рис. 1, 12—13), три скобеля (рис. 1, 14—16), один из которых (рис. 1, 14) имеет две миниатюрные отретушированные выемки на одной из сторон; два срединных резца из пластин (рис. 1, 11), два наконечника стрелы (один из них фрагментирован) из ножевидных пластин с частичной подретушевкой со стороны черешка и острия (рис. 1, 1, 2), пластинка из кремневого дерева с боковой выемкой (рис. 1, 10), обломки тыльных частей трех наконечников копий (дротиков?), обработанных сколами (скорее всего, это заготовки) (рис. 1, 21). Среди находок есть также девять ножевидных пластин и их сечений (сечений 4 экз.), причем у трех пластин по краю нанесена мелкая ретушь (рис. 1, 3—7).

Характерной чертой перечисленных выше изделий является их микролитичность. Длина орудий не превышает 2—3 см. Лишь наконечник стрелы из ножевидной пластины и два нуклеуса (4—4,5 см), а также, по-видимому, заготовки наконечников копий (дротиков?) имели величину 4—6 кв. см. Размеры остальных колебались от 1 до 3 кв. см.

Состав орудий труда и их облик дает возможность наметить время существования стоянки Подлесное I. Наконечники стрел из ножевидных

пластин, концевые скребки, пластинки с боковой выемкой, резцы, миниатюрные проколки, сечения ножевидных пластин — все эти изделия характерны для памятников эпохи мезолита. Они встречаются на Имерских стоянках в Мордовии², на Яндашевской и других стоянках в среднем Поволжье³. Пластинки с боковой выемкой характерны для мезолитических памятников Волго-Окского междуречья⁴ и Верхнего Поднепровья⁵. Встречаются они и на некоторых стоянках Среднего Поволжья⁶. Остальные находки на стоянке Подлесное I (одноплощадочные нуклеусы, скребки и т. п.) не противоречат предположению о мезолитическом возрасте данного памятника.

Особенностью материалов стоянки Подлесное I является большое количество отщепов и изделий из них по сравнению с числом ножевидных пластин. Последних всего лишь 18 (ножевидные пластины, их сечения, наконечники стрел, концевые скребки и резцы из пластин). Орудий труда из отщепов — 22, т. е. 98% от общего числа орудий. Остальные 2% приходятся на находки из ножевидных пластин. Характерно, что все пять нуклеусов, обнаруженных на стоянке Подлесное I, носят следы скальвания именно отщепов, а не пластин.

Преимущественное использование отщепов для изготовления орудий не было характерно для мезолитических племен Среднего Поволжья, для древних насельников Волго-Окского междуречья и др. На стоянках Приуралья, например, соотношение пластин и отщепов равно соответственно 82 и 18%⁷. На мезолитических поселениях Верхнего Поднепровья содержание пластин (без учета орудий из них) колеблется от 8,61 до 28,9% от всего количества находок⁸. В Волго-Окском междуречье количество орудий, сделанных из ножевидных пластин, достигает 80—90%⁹. На поселениях долины р. Мокши количество пластин и изделий из них составляет в среднем 10—11% по сравнению с отщепами¹⁰.

Таким образом, материалы поселения Подлесное I в отличие от памятников Приуралья, Среднего Поволжья, Волго-Окского междуречья и Верхнего Поднепровья, т. е. наиболее изученных в отношении мезолита близлежащих регионов, обладают определенным своеобразием. Пока остаются неясными причины этого своеобразия. Обусловлено ли оно этнокультурным характером или здесь следует искать какие-то иные причины (хронологические различия!), но бесспорно, что указанные обстоятельства не могут не привлечь внимания к материалам Подлесное I.

¹ Третьяков В. П. Исследования в верховьях рек Мокши и Суры. — АО 1978 г. М., 1979.

² Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье. — В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976, вып. 52; Жиганов М. Ф. Память веков. Саранск, 1976.

³ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Яндашевская стоянка. — СА, 1968, № 2, с. 126—135; Халиков М. Г. Мезолит среднего Поволжья. — МИА, 1966, № 126, с. 185—193; Косменко М. Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье. — СА, 1972, № 3, с. 3—17; Он же. Мезолит Среднего Поволжья. — КСИА, 1977, № 149, с. 94—100.

⁴ Кольцов Л. В. Новые раскопки стоянки Елин Бор. — МИА, 1966, № 126, с. 178—184; Он же. Мезолит Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; Он же. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. — СА, 1965, № 4, с. 17—26.

⁵ Копыгин В. Ф. Мезолит юго-восточной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977; Он же. Мезолит юго-восточной Белоруссии. — КСИА, 1977, № 149, с. 60—66.

⁶ Косменко М. Г. Основные этапы. ..., с. 3—17.

⁷ Бадер О. Н. Стоянка Нижнеадищевская и Боровое Озеро 1 на р. Чусовой. — МИА, 1951, № 22, с. 10; Он же. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. — МИА, 1966, № 126, с. 197.

⁸ Копыгин В. Ф. Мезолит юго-восточной Белоруссии, с. 64.

⁹ Кольцов Л. В. Новые раскопки. ..., с. 180—181.

¹⁰ Шитов В. Н. Указ. соч., с. 40—46.

МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЕРЕГОВАЯ СЛОБОДА (По раскопкам 1979 г.)

Для характеристики мезолита правобережья белорусского Поднепровья очень существенно благодаря значительному количеству материала и его типологической выразительности поселение у д. Береговая Слобода Речицкого района Гомельской обл. В данной статье освещается кремневый инвентарь, полученный в процессе работ 1979 г.

Памятник открыт автором в 1977 г. Он расположен на второй надпойменной террасе правого берега Днепра, в 100 м западнее деревни. Раскопки велись в 1977—1978 гг.¹ В 1979 г. на поселении были заложены два раскопа: раскоп IV (140 кв. м), вплотную прирезанный к западной стенке раскопа III, и раскоп V (56 кв. м), примыкавший с востока к раскопу III и с юга к раскопу II. Культурный слой залегал в светло-желтом мелкозернистом песке на глубине 0,2—0,5 м. Были расчищены ямы овальной и округлой формы и западины культурного слоя, в заполнениях которых обнаружены изделия из кремня мезолитического облика (наконечник стрелы (рис. 1, 7), скребки, резец, пластины и отщепы). Две ямы, отличавшиеся окраской заполнения, содержали расщепленные кремни и маленький неопределимый фрагмент керамики.

При изучении остатков поселения собрана коллекция кремневых изделий, состоящая из 1242 предметов, в том числе 105 изделий со вторичной обработкой. Исходным материалом для выработки подавляющего большинства находок служил меловой серый мелкокрапчатый кремь. Единичны кремни розовато-лилового и шоколадного цветов.

О технике расщепления можно судить по нуклеусам (44 экз., рис. 2, 12, 13), размеры которых колеблются от 2,5 до 5,5 см в высоту. Они призматические (15 экз.), уплощенно-призматические (2 экз.) и аморфные (вследствие их сильной сработанности). Количество одно- и двухплощадочных нуклеусов одинаково — по 16 экз., один нуклеус многоплощадочный. На территории поселения производилась подправка нуклеусов, о чем свидетельствуют найденные здесь частички или полностью сбитые ударные площадки (9 экз.) и продольные сколы с нуклеуса — ребристые пластины (7 экз.). Наиболее многочисленны отщепы (882 экз.) и пластины (200 экз.). Среди отщепов преобладают мелкие, размером 1—3 см. Величина пластин колеблется от 2 до 6 см в длину при ширине 0,5—1,5 см, часть из них имеет на спинке участки меловой корки и неправильные очертания.

Наконечники стрел, изготовленные из пластин (13 экз.), по технике оформления черешка подразделяются на ряд типов, среди которых наиболее устойчивую серию образуют эписвидерские наконечники (6 экз., рис. 1, 1—3), имеющие черешок, хорошо выделенный со спинки крутой или полукрутой ретушью и, как правило, подправленный плоской ретушью с брющка. В отдельных случаях такая же ретушь нанесена по перу изделий. Серией (6 экз.) представлены наконечники с черешками, хорошо выделенными со спинки крутой ретушью (рис. 1, 4—6). Один из них близок к наконечникам гренского типа (рис. 1, 4). Необычен наконечник с боковой выемкой, оформляющей черешок изделия (рис. 1, 7).

Наиболее многочисленной группой орудий являются скребки (25 экз., рис. 2, 1—10). Длина их варьирует от 1,5 до 6 см при ширине 1—2 см. В абсолютном большинстве скребки изготовлены из пластин и их сечений (23 экз.), из отщепов всего два и один — из половинки расколотого нуклеуса. Все скребки концевые, имеют выпуклую или прямую рабочую часть, оформленную, как правило, крутой скребковой ретушью.

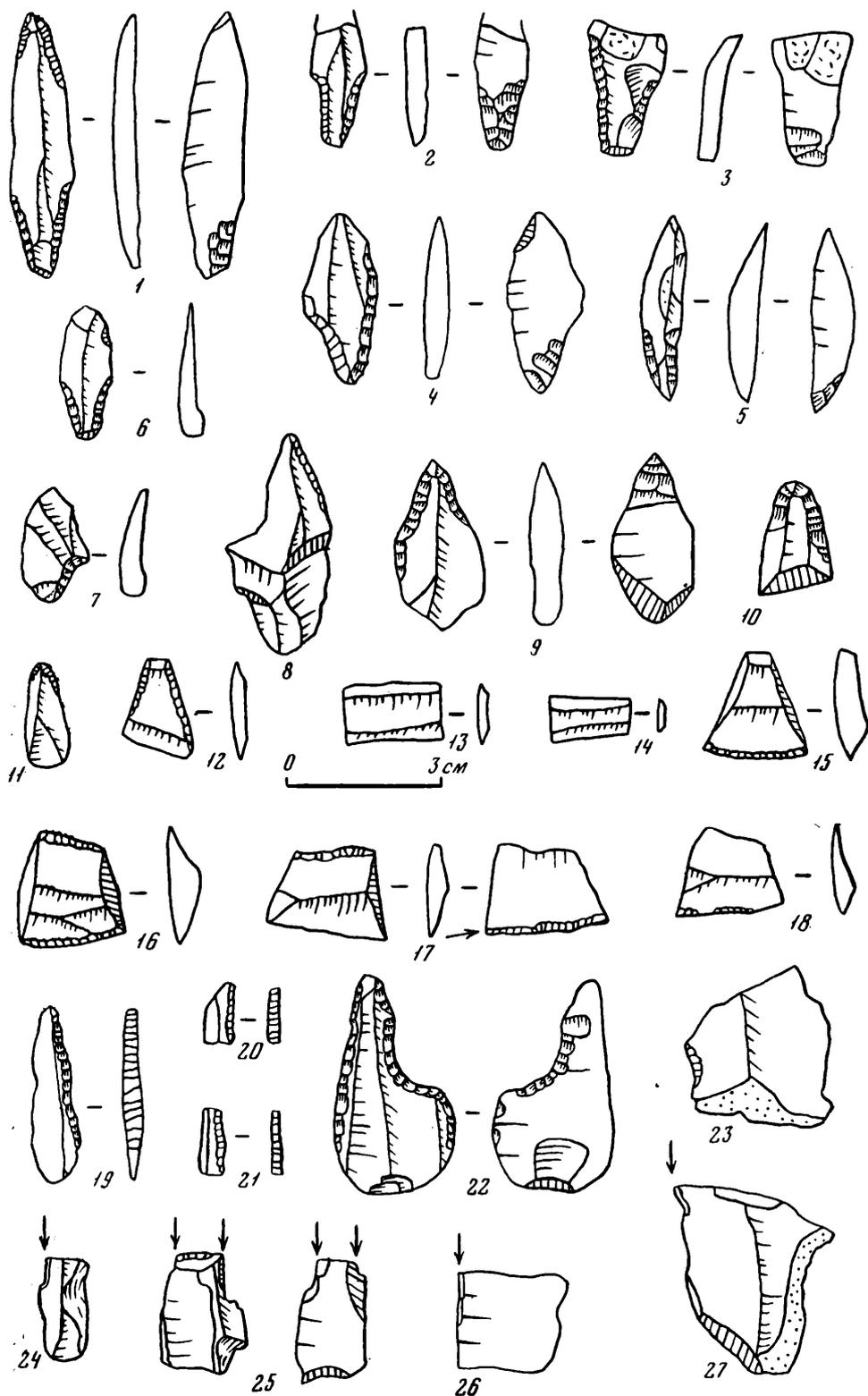

Рис. 1. Кремневые изделия поселени Береговая Слобода (1—27)

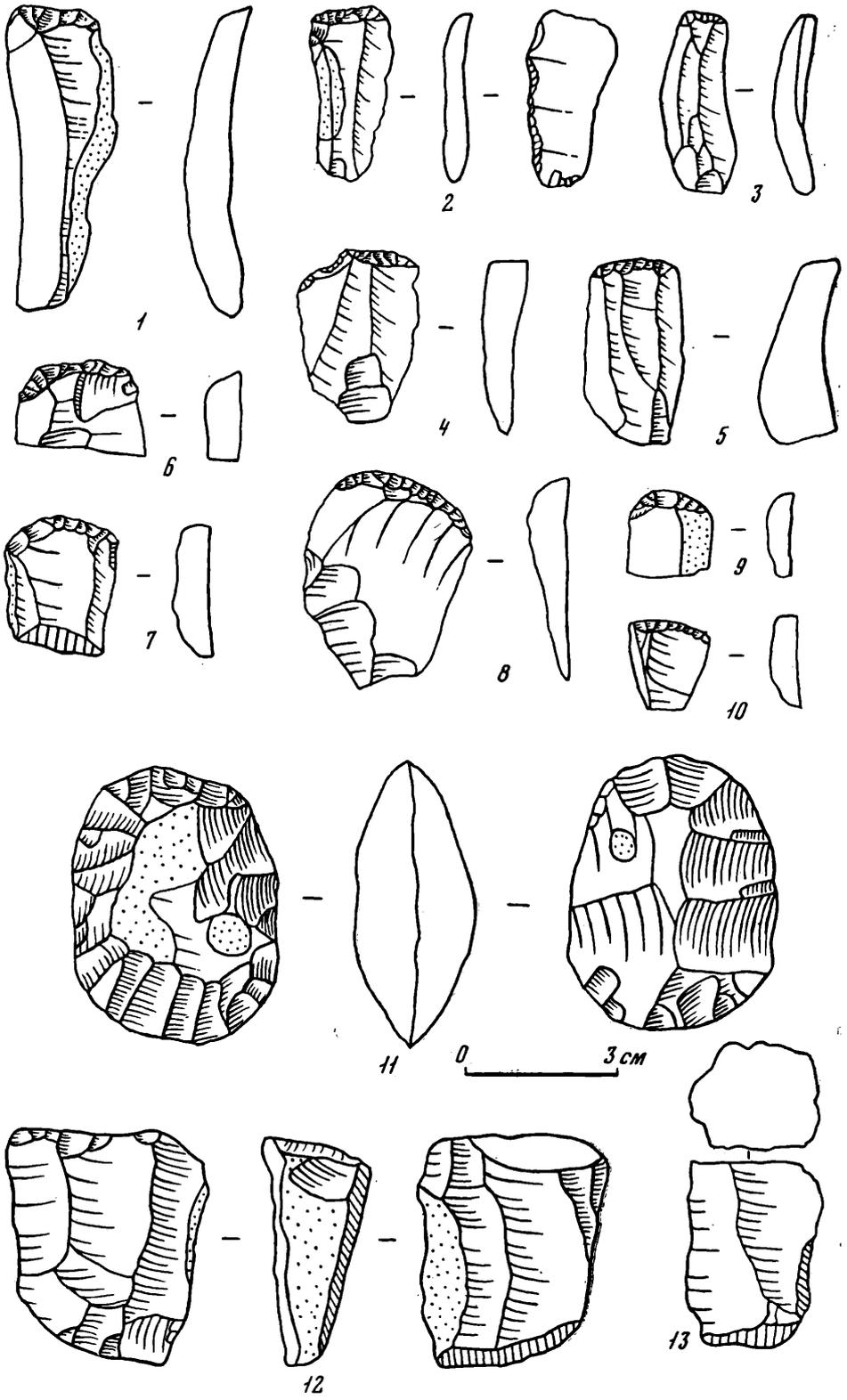

Рис. 2. Кремневые изделия поселения Береговая Слобода (1—13)

Резцы изготовлены из пластин, в отличие от скребков они немногочисленны — 4 экз. (рис. 1, 24—27). Три резца оформлены на углу сложенной пластины, один боковой резец имеет два резцовых лезвия.

Две проколки изготовлены также из пластин, жало их обработано полукрутой мелкой ретушью по краю (рис. 1, 8). Встречены провертка (рис. 1, 9), довольно грубое острие, оформленное на сечении пластины (рис. 1, 10), пластинка со скошенным крутой мелкой ретушью краем, второй край ее у верхушки подправлен очень мелкой ретушью (рис. 1, 11).

Вкладышевые орудия представлены рядом изделий. Наиболее многочисленны сечения пластин — 18 экз. (рис. 1, 13—18), среди них в основном короткие сечения, имеющие как прямоугольную, так и трапециевидную форму. Семь изделий ретушированы по краям с обеих сторон мелкой ретушью. По краю одного сечения нанесен микрорезцовый скол. На поселении найдены также две микропластинки с затупленным краем (рис. 1, 20, 21) и пластинка с притупленной крутой тщательной ретушью спинкой (рис. 1, 19). Единственная трапеция (рис. 1, 12) изготовлена из пластины, ее поперечные края обработаны полукрутой ретушью. Мелкой ретушью подправлен и продольный, более длинный край орудия.

Изделий с ретушированными выемками 12 (рис. 1, 22, 23). Узкие и широкие выемки оформлялись полукрутой ретушью по краям заготовок, в качестве которых использовались пластины и отщепы.

Рубящие орудия представлены топором размером 5,5×4 см, изготовленным из кремневого желвака (рис. 2, 11). Он овальной формы, обработан с обеих сторон по всему периметру крупными сколами, на отдельных участках сохранились следы меловой корки. В число изделий со вторичной обработкой входят также пластины и отщепы, ретушированные по краю как со спинки, так и с брюшка.

Наличие в кремневом инвентаре поселения Береговая Слобода (из раскопок 1979 г.) эпсивидерских и черешковых наконечников стрел, скребков мадленских форм и их резкое количественное преобладание над резцами, а также единичных геометрических микролитов, сечений пластин и других вкладышевых изделий указывает на позднемезолитический возраст памятника. Ближайшие аналоги он находит в материалах поселений позднего мезолита правобережья белорусского Поднепровья (Городок IV, Тайманово, Красновка)², и Посожья (Взлужье, Студенец, Гайшин, Скиток, Замостовье, Горки)³.

¹ Ксенаов В. П. Позднемезолитическое поселение Береговая Слобода на Днепре. — СА, 1979, № 3, с. 227—232.

² Ксенаов В. П. Работы в белорусском Поднепровье. — АО 1977 г. М., 1978, с. 417, 418.

³ Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажы. Працы катэды археалёгіі, Менск, 1928, т. 1, с. 123—252; *Он же*. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажы. — Працы археалёгічнай камісіі, Менск, 1930, т. II, с. 383—478; Копытин В. Ф. Мезолитическое поселение Горки в Посожье. — КСИА, 1979, вып. 157, с. 27—32.

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТЕ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Изучение каменного века междуручья Камы и Вятки началось сравнительно недавно, в связи с чем отсутствие памятников эпохи камня и бронзы привело в свое время археологов к мысли о позднем заселении этой территории — начиная лишь с железного века¹.

Работами Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета (1973—1978 гг.) в настоящее время исследовано около 30 памятников эпохи камня, больше половины которых относится к неолиту.

Почти все раскопанные неолитические памятники приурочены к крупным левобережным (реки Кильмезь, Воя) или правобережным (р. Пижма) притокам р. Вятки. Обычно они концентрируются небольшими группами в устье мелких речек, впадающих в более крупные реки, однако топографическое положение их в деталях различно. Основное количество памятников находится на невысоких дюнах в пойме рек (поселения Моторки II, Тархан I, Кочуровское I, Кыылуд II—IV и др.)², изредка они встречаются в пойме (Новомултанское поселение), на низких участках первой (стоянки Кидалсола I, IX, X) или второй надпойменных террас (Чумайтло I)³. Вместе с тем такое расположение не является хронологическим показателем. Известно два типа памятников: долговременные, иногда многослойные поселения с остатками жилищ и различных сооружений и кратковременные стоянки с находками преимущественно кремневых изделий. Площадь, занятая культурным слоем, варьирует от 400—1500 до 3000—5000 кв. м. Благодаря исследованию памятников на широкой площади (200—712 кв. м) открыты жилища, впадины которых на поверхности не прослеживаются.

На нескольких объектах удалось зафиксировать особенности планировки неолитических поселков (Моторки II, Чумайтло I). В центре их находилось крупное жилище размером 13×11 (10) м, вокруг которого располагались более мелкие (4×6,5—6,8×6 м) жилища и различные пристройки численностью от двух до пяти. Форма жилищ подквадратная или прямоугольная. Различаются слабо углубленные, почти наземные постройки и полуземлянки глубиной 35—60 см. Выходы в виде коротких ниш были расположены в основном по углам жилищ со стороны реки или в противоположном направлении. Очажные ямы и кострища находились в центре либо напротив выходов. Вдоль стен или возле очагов размещались хозяйственные ямы с сосудами и кремневыми изделиями. Почти во всех жилищах около очагов и хозяйственных ям имелись гумусированные участки пола, где сделано большинство находок. Скопление мелких столбовых ямок у стен, отсутствие прочих сооружений и малочисленность находок в ряде жилищ указывает, на наш взгляд, на наличие лежанок-нар.

Прослежена закономерность в размещении ямок от столбов, поддерживавших перекрытие жилищ. В жилищах подквадратной формы ямки в основном были сосредоточены в центре или по диагонали (от центра к углам). В этом случае предполагается шатровая кровля, основу которой составляли центральные столбы, скрепленные сверху рамой. В подпрямоугольных же жилищах столбовые ямки были расположены обычно двумя рядами, отстоящими от стен на 150—200 см, что позволяет реконструировать их кровли как двускатные.

На ряде поселений вокруг жилищ прослеживались крупные и мелкие канавообразные углубления, что является специфической чертой. Часть из них, видимо, осталась от завалинок около стенок жилищ, другая, очевидно, от дополнительных оградок вокруг поселка.

На всех поселениях обнаружены обломки посуды и кремневые изделия, последние численно преобладают. Костные остатки чрезвычайно редки.

Керамика четко делится на две группы: гребенчатая и накольчато-прочерченная. При этом исключительно накольчато-прочерченная керамика встречена в жилище лишь одного поселения (Кыйлуд II). На остальных наблюдалось совместное залегание обеих групп в одних и тех же жилищах.

Гребенчатой керамики насчитывается свыше 3 тыс. фрагментов. В тесте ее заметна примесь шамота и небольшого количества песка, обжиг сильный, цвет серо- или красновато-коричневый. Поверхность сосудов заглажена мягким предметом, редко щеткой либо травой, иногда подкрашена охрой, толщина стенок в среднем 8—12 мм, форма полуяйцевидная с округлым или приостренным дном (рис. 1, 12, 13). По профилировке верхней части различаются сосуды с прикрытым (рис. 1, 3—13), подцилиндрическим (рис. 1, 1) или слегка открытым горлом (рис. 1, 2). Диаметр края варьирует от 16—22 до 35—42 см. Венчики округлые, реже приостренные либо прямые. Наплыв на внутренней стороне края встречается очень редко. Орнаментальные узоры нанесены гребенчатый прямозубым или косозубым штампом. Среди них встречается короткий (3—5 зубцов) и длинный (более 3 см). Преобладают оттиски длинного прямозубого штампа. «Шагающая» гребенка встречена крайне редко. Основными узорами являются наклонно или прямо поставленные оттиски штампа, «елочка», ряды горизонтальных линий, геометрические фигуры в виде квадратов или прямоугольников (рис. 1, 1—11, 13), под венчиком иногда нанесена ромбическая сетка (рис. 1, 5, 8). Преобладают композиции из одинаковых элементов, чередующиеся в строго зональной последовательности. Для части посуды характерно разделение зон короткими овальными или прямыми штампами, горизонтальными линиями или глубокими коническими ямками (рис. 1, 1, 4, 7—9). Ряд сосудов украшен неглубокими овальными ямочными вдавлениями (рис. 1, 12). Лишь на одном поселении (Кыйлуд III) в орнаментации сосудов сочетаются горизонтальные линии гребенки с вертикальными оттисками «фигурного» штампа или ямками подтреугольной формы (рис. 1, 13). При этом сосуды, где разделение орнаментальных зон глубокими ямками отсутствует, носят более архаичный облик (в частности, преобладают закрытые формы горшков) и близки к камской керамике типа Хуторской, Кряжской, II Лебединской стоянок⁴. Керамика же с разделительными зонами в виде ямок имеет черты, объединяющие ее с посудой стоянки Буй I на р. Вятке⁵, а также средневожского варианта⁶ балахнинской культуры.

Накольчато-прочерченный комплекс керамики насчитывает свыше 2 тыс. фрагментов. Внутри него намечаются две группы посуды. Наиболее многочисленна относительно тонкостенная (4—6 мм) из хорошо промешанного теста с примесью мелкого шамота и песка, в отдельных случаях к указанным компонентам подмешена дресва. Обжиг ровный, посуда плотная, в основном красновато- или желто-коричневого цвета. Наружная поверхность тщательно заглажена, иногда залощена и подкрашена охрой. Сосуды имеют подцилиндрическое или слегка прикрытое горло. Венчики плоские или приостренные, редко округлые, форма горшковидная, с уплощенным либо плоским дном (диаметр дниц от 5 до 13 см). Достаточно разреженный орнамент нанесен в большинстве случаев овальной либо треугольной палочкой в отступающей манере, реже прочерченными линиями отдельными наколами (рис. 2). Узоры обычно состоят из рядов наклонно или горизонтально расположенных строчек наколов, зигзагов (иногда двойных) или коротких ногтевидных линий, «елочки», ромбической сетки. Под срезом венчика встречаются мелкие сквозные ямки, а на срезе — насечки (рис. 2, 2, 4, 6, 7). Днища орнаментированы «радиальным узором», выполненным отступающей палочкой, в некоторых случаях орнаментирована и их внутренняя сторона (рис. 2, 14, 15).

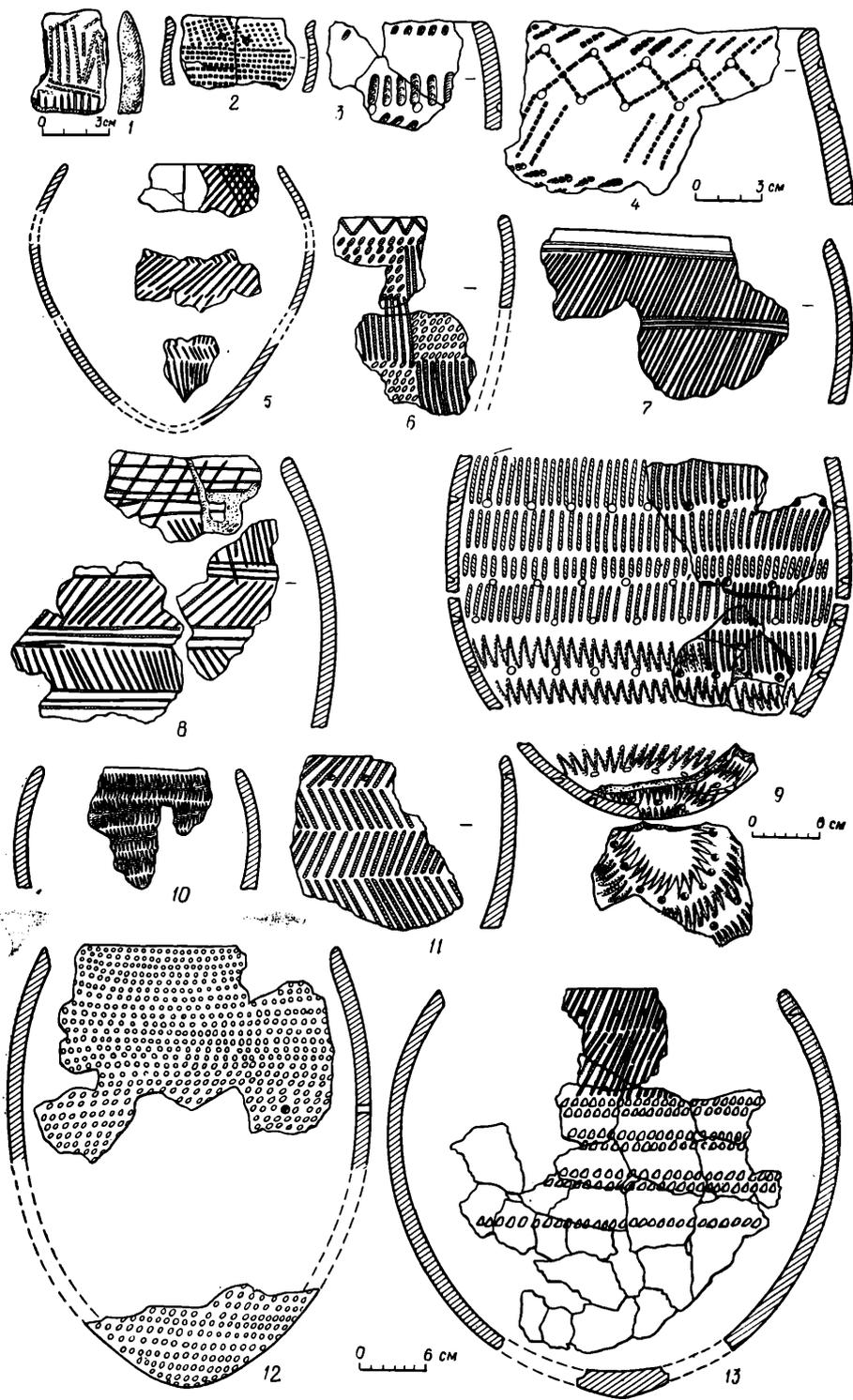

Рис. 1. Гребенчатая керамика неолитических поселений Камско-Вятского междуречья (1—13)

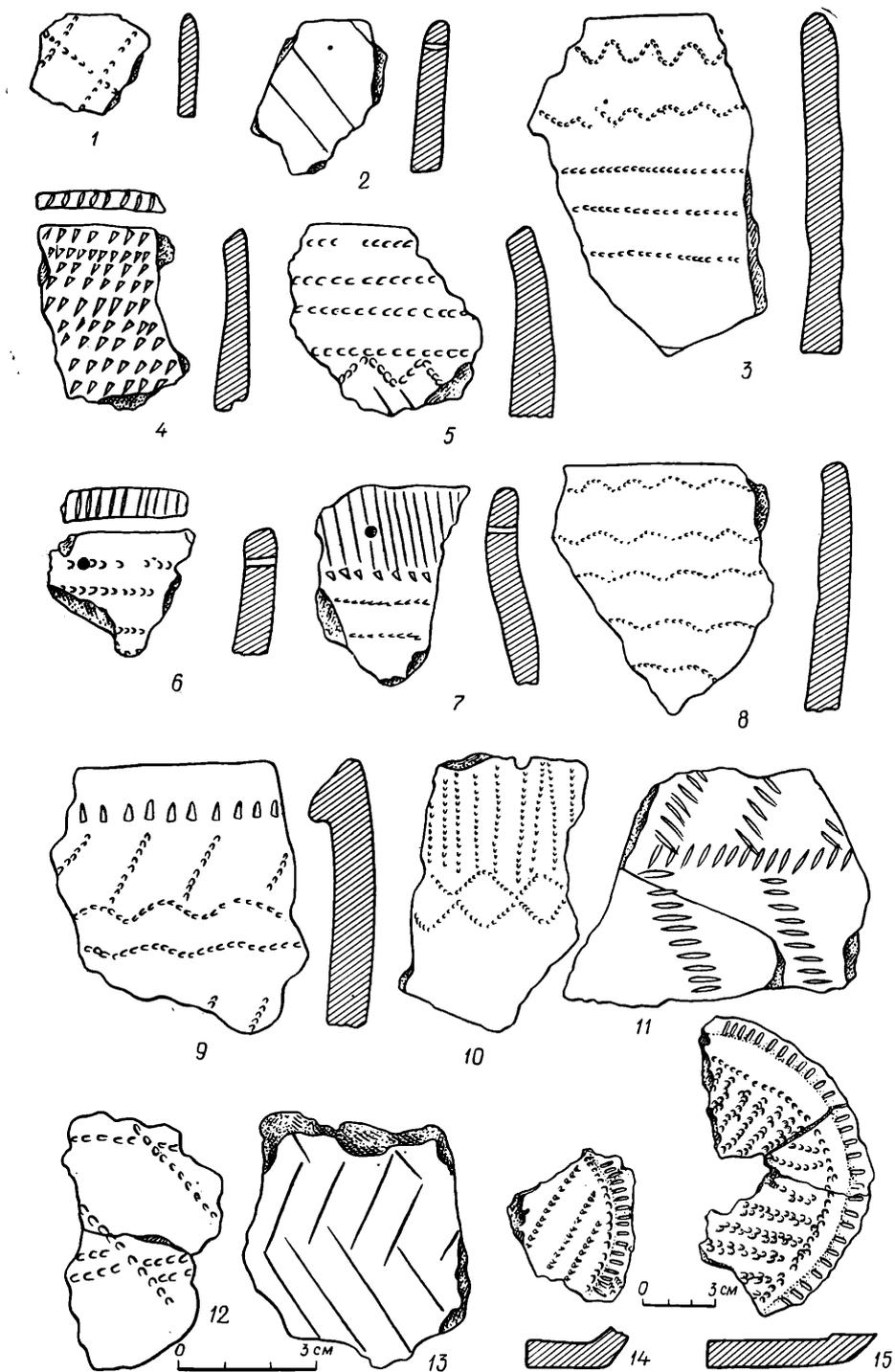

Рис. 2. Накольчато-прочерченная керамика неолитических поселений Камско-Вятского междуречья (1—15)

Вторая группа посуды (менее многочисленная) обнаружена в основном на поселении Кочуровское I. Сосуды толстостенные (7—11 мм), с большей примесью шамота. По технологии изготовления и общему облику она близка к гребенчатой. Орнаментальные композиции также очень сходны, хотя у гребенчатой керамики наблюдается большая разреженность узоров и больший процент неорнаментированных сосудов, включая и днища. Среди элементов орнамента значительно количество резных, ногтевидных линий. В целом накольчато-прочерченная керамика аналогична нижнекамской из поселений II Шерьбетской, IV Мурзихинской, IV Матюшинской⁷.

Кремневый инвентарь составляет около 25 тыс. единиц. Большинство памятников с различными группами посуды сходны по кремневному инвентарю. Сырьем для изготовления орудий служили серый пятнистый, голубоватый, желто-коричневый плиточный, полупрозрачный высококачественный кремнь, сланец, доломит. Иногда применялось окременелое дерево (Чумаитло I). Преобладают отходы производства — отщепы, осколки кремня, в особенности чешуйки и мелкие отщепы (диаметром до 2 см). Крупные отщепы и сколы встречаются довольно редко. Ядрища высотой не более 2,8—4 см представлены в основном остаточными экземплярами. Они, как правило, одноплощадочные, конические или карандашевидные, в последнем случае предельно сработаны (рис. 3, 10, 11). Пластинки по ширине делятся на три типа: 0,4—0,7 см; 0,8—1,0 см и 1,1—1,5 см. В целом пластины и изделия из них составляют 10—28,5% от общего количества инвентаря.

Орудий насчитывается свыше 3500 экз., из них на пластинах — в среднем 40—60%. В качестве вторичной обработки орудий применялась преимущественно краевая ретушь. Количество двусторонне обработанных орудий не более 8—12%, шлифованных — 0,8—1,2%. Многочисленны целые и рассеченные пластинки с ретушью или следами использования (рис. 3, 5—7, 9, 23). Так же как в мезолите, распространены вкладыши удлиненной формы. Однако появляются и короткие на массивных пластинках (рис. 3, 8). В незначительном количестве пластин сохраняется традиция ретуширования их по торцу (рис. 3, 1, 2).

Большая группа орудий представлена концевыми скребками на пластинах или пластинчатых отщепах (рис. 3, 18, 19). Интересна серия скребков с четко выделенной рукоятью (рис. 3, 22). Встречаются экземпляры с круговым лезвием на высоких отщепах и площадках с нуклеусов, а также комбинированные изделия — скребки-резцы. Небольшое количество скреблей изготовлено обычно на отщепах и имеют одну либо две выемки по краю. Разнообразны ножи: ложкари на широких массивных пластинах с изогнутым, круто отретушированным рабочим концом (рис. 3, 24, 25), на удлиненных тонких отщепах с краевой ретушью (рис. 3, 27), на тонких плитках подпрямоугольной, трапецевидной или саблевидной формы (рис. 3, 29) и на массивных плитках полукруглой, сегментовидной формы, иногда с маленьким черешком (рис. 3, 28, 30), или листовидной формы (рис. 3, 31).

Наконечники стрел относительно немногочисленны, изредка встречаются наконечники на пластинах постсвидерского типа (рис. 3, 12), в основном листовидные или подромбические, последние с намечающимся черешком (рис. 3, 13—17).

Найдены в небольшом количестве сверла с массивным, четко выделенным симметричным лезвием и проколки на пластинках или мелких отщепах с тонким «жалъцем» (рис. 3, 21, 26), а также угловые резцы на обломках пластинок (рис. 3, 3, 4). Особенностью индустрии является крайне незначительное число рубящих орудий (от 1 до 3 экз. на одном поселении), представленных небольшими топориками или теслами из серого глинистого сланца с зашлифованной поверхностью.

По своей технико-типологической характеристике кремневый инвентарь неолитических памятников Камско-Вятского междуречья генети-

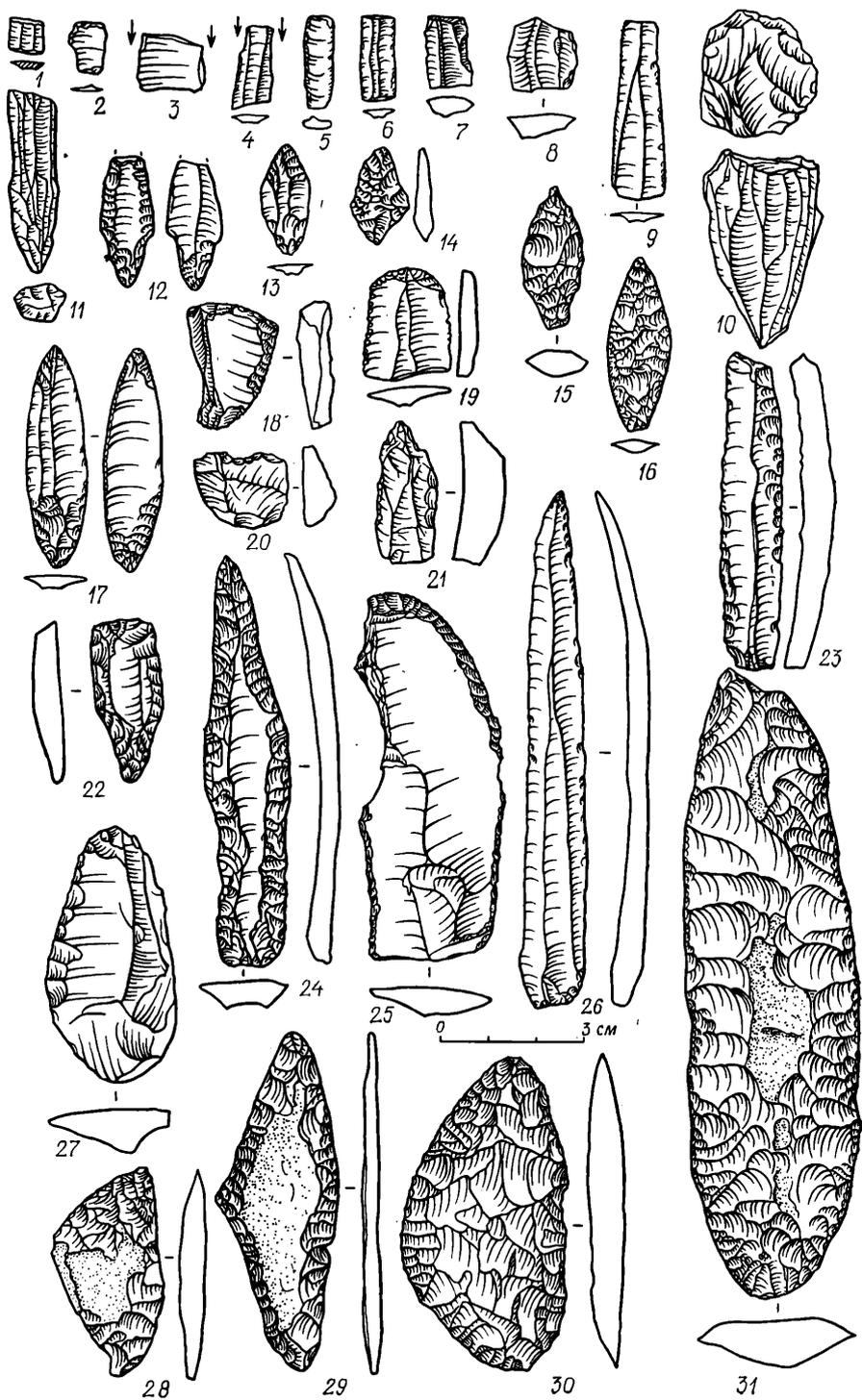

Рис. 3. Кремневый инвентарь неолитических поселений Камско-Вятского междуречья (1—31)

чески восходит к предшествующей мезолитической эпохе. Это проявляется в сохранении высокого процента пластинчатой техники и архаических форм орудий: вкладышей, угловых резцов, некоторых комбинированных орудий. Собственно новыми типами являются двусторонне обработанные наконечники стрел и копий, ножи — ложки и на плитках кремня, устойчивые серии концевых скребков на пластинчатых отщепах, рубящие шлифованные орудия.

Кремневая индустрия находит некоторые аналогии в материалах усть-камских и икско-бельских поселений⁸. Вместе с тем совокупность признаков позволяет говорить и о некоторых самобытных чертах кремневой индустрии этого региона, обусловленных сохранением местных мезолитических традиций.

Можно заключить, что неолитические поселения междуречья Камы и Вятки входили в волго-камскую культурную область, при этом в их материале достаточно отчетливо прослеживаются общие черты с материалами стоянок балахинской культуры Среднего Поволжья. В настоящее время мы располагаем, очевидно, только памятниками развитого и позднего неолита, верхняя граница которого может быть определена концом III тысячелетия до н. э., что подтверждается датой C¹⁴ поселения Чумайтло I 4170±90/ЛЕ 1289 от наших дней.

¹ Смирнов А. П. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX—XIII вв.). — Зап. УНИСК, Ижевск, 1937, вып. 7, с. 178—179; Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. Итоги археологического изучения Удмуртии. — ВАУ. Свердловск, 1961, вып. 1, с. 79.

² Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы. — В кн.: Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979; статьи Т. М. Гусенцовой в «Археологических открытиях» за 1977, 1978 гг. (М., 1978, 1979).

³ Гусенцова Т. М. Ново-Мултанское неолитическое поселение. — В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1979; Она же. Исследование памятников каменного века в междуречье Камы и Вятки. — АО 1978 г., М., 1979.

⁴ Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка. — УЗПГУ, 1960, т. XII; Она же. Кряжская неолитическая стоянка. — ОКВАЭ, М., 1961, вып. 2, рис. 7—9; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1968, рис. 16; 17; 21, 3, 4, 8.

⁵ Денисов В. П. Новые археологические памятники на р. Вятке. — СА, 1968, № 3, с. 119.

⁶ Халиков А. Х. Указ. соч., рис. 29, 3, 4, 5; 31, 9.

⁷ Габяшев Р. С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой в приустьевой части Камы. Казань, 1976, рис. 4.

⁸ Габяшев Р. С. Каменный инвентарь неолитических памятников Нижнего Прикамья. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976, с. 15.

В. И. ТИМОФЕЕВ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЦЕДМАР (СЕРОВО) Д

Неолитическая стоянка Цедмар (Серово) Д расположена в Озерском районе Калининградской обл., на северном берегу обширного, ныне заторфованного водоема. Первые работы на ней были проведены еще в первом десятилетии XX в.¹, но полученные тогда материалы впоследствии были утрачены. В последние годы (1969, 1974—1978) на стоянке были проведены новые исследования, в ходе которых вскрыто свыше 600 кв. м и получен значительный вещественный материал². Керамика стоянки своеобразна, но находит некоторые параллели в материалах неманской куль-

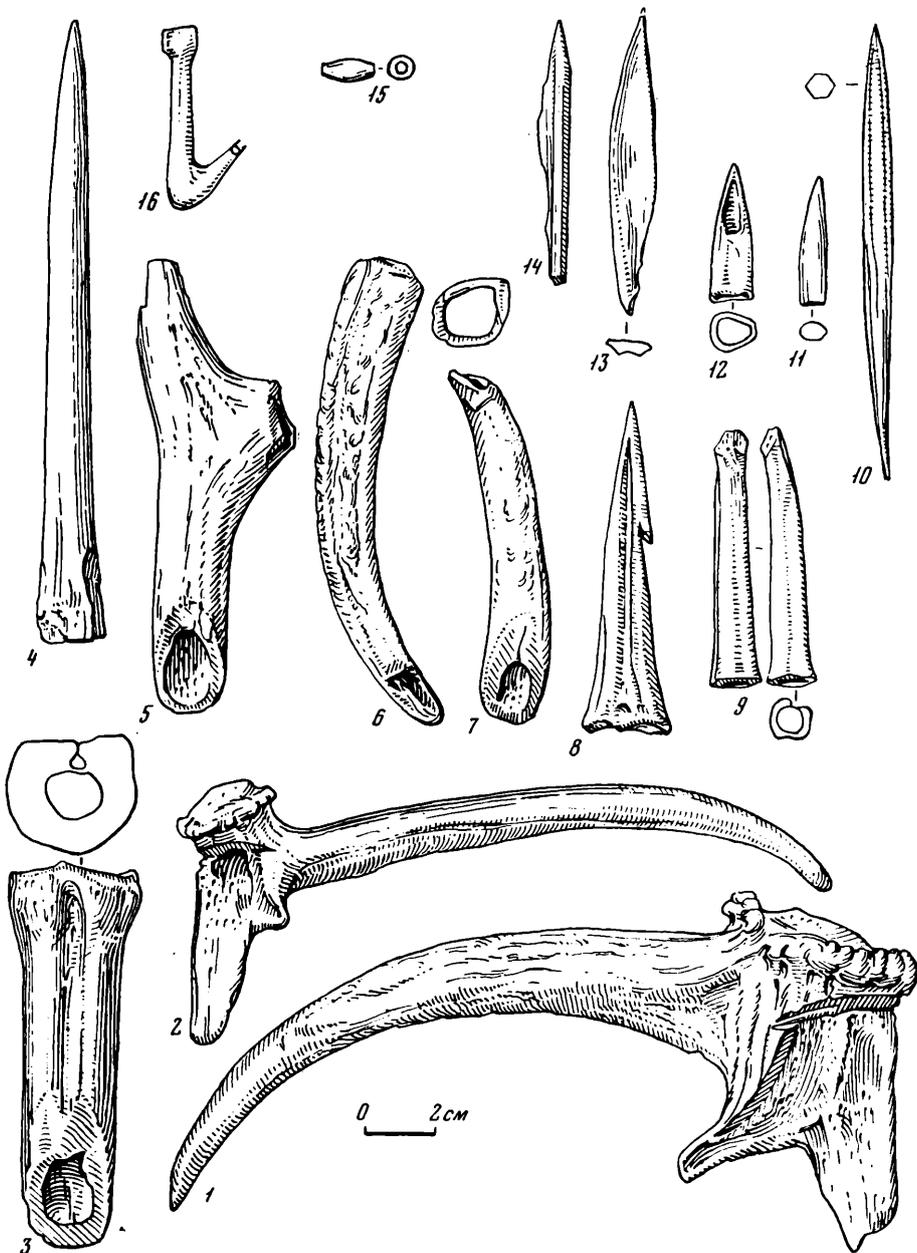

Рис. 1. Цедмар Д. Орудия из кости и рога (1—16)

туры Литвы и стоянок западного варианта нарвской культуры. Судя по серии радиоуглеродных датировок — 4240 ± 90 л. т. н. (JE-1176); 4180 ± 50 л. т. н. (JE-848); 4350 ± 80 л. т. н. (TA-1173); 4020 ± 80 л. т. н. (JE-1181), время существования стоянки относится ко второй половине — концу III тысячелетия до н. э.

Условия залегания культурного слоя, перекрытого мощной пачкой озерно-болотных отложений, способствовали хорошей сохранности костных остатков. Среди находок привлекает внимание довольно значительная серия орудий из кости и рога. В их числе кирковидные орудия (рис. 1, 1, 2; рис. 2, 4—6) из рога благородного оленя (12 целых экземпляров и серия обломков). В целом они имеют довольно стандартную форму и размеры (длина варьирует от 25 до 35 см). Сырьем для них

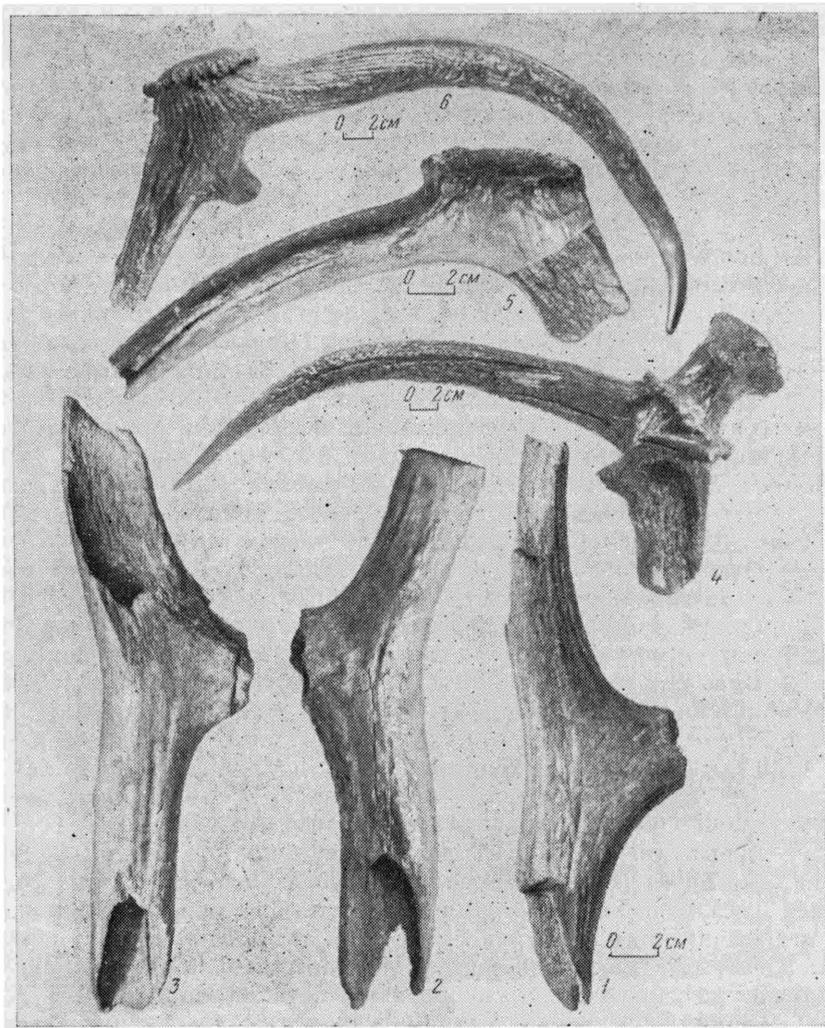

Рис. 2. Цедмар Д. Орудия из рога благородного оленя
1—3 — Т-образной формы; 4—6 — кирковидной формы

послужили как рога, сброшенные животными, так и, судя по сохранившимся участкам черепной кости, преднамеренно отделенные от черепа убитых животных. При изготовлении этих орудий первоначально близ основания целого рога производился глубокий односторонний надрез, затем обламывалась большая часть кроны и оставлялся один (реже два параллельно расположенных) крупный нижний, ближайший к основанию естественно заостренный отросток рога, конец которого и служил рабочим концом орудия. В некоторых случаях наблюдается его искусственная подправка — тонкие срезы, несколько уплощающие кончик. Тыльной частью орудия служило основание рога и остаток удаленного ствола, уплощенный при продольном его расщеплении. В трех случаях тыльной части придана форма рукоятки (рис. 1, 1, рис. 2, 6). Не исключено, что некоторые из таких изделий прикреплялись к деревянным рукояткам. У двух орудий в толще рогового вещества тыльной части сделана выемка (рис. 1, 2), у одного, представленного фрагментом, по основанию рога нанесены глубокие поперечные нарезки, удобные, по-видимому, для прикрепления (привязывания) предмета к рукояти. Рабочие концы кирковидных орудий, по заключению Г. Ф. Коробковой и А. К. Филиппова, изучивших серию их под бинокляром, несут интенсивные следы износа

от рыхления и вскапывания земли. Шестью экземплярами представлены также орудия, изготовленные из массивных Т-образной формы кусков рога благородного оленя (рис. 1, 5, рис. 2, 1—3). Обычно симметрично выпуклый рабочий край их образован косым срезом, тыльная сторона сохраняет следы излома (рис. 2, 1, 3) или отчленения круговым надрезом (рис. 2, 2). Рабочий край орудий залощен от употребления, иногда выкрошен. При исследовании трех орудий под биноклем А. К. Филиппов обнаружил следы износа от применения их при земляных работах, но не исключено применение подобных орудий в различных целях. Возможно, в качестве орудий использовались также длинные (до 30 см) острые, специально обрезанные отростки рога (рис. 1, 6). На концах двух из них имеются короткие уплощающие срезы, из ровно обрезанной тыльной части губчатое вещество вынуто, в двух случаях края отверстия заметно истерты, по-видимому, в результате того, что в отверстие вставлялся какой-то предмет. Встречено также тесловидное орудие, изготовленное на коротком округлом обрезке рога оленя с симметрично выпуклым рабочим краем, образованным косым срезом (рис. 1, 7). Имеется фрагмент крупного орудия из куска широкого уплощенного в сечении полого рога лося (размеры сохранившейся части — $18 \times 7,3 \times 3 - 5,5$ см). Один конец его ровно обрезан, второй обломан, близ места излома заметна часть прорезанного округлого отверстия диаметром около 2 см.

Среди изделий из трубчатых костей выделяется массивное орудие из метаподия лося, с выпуклым рабочим краем, образованным косым срезом. В тыльной его части находится отверстие для крепления рукояти, расположенное по длинной оси (рис. 1, 3), рабочий край заметно выкрошен. Типологически оно близко «мотыгам второго буго-днестровского типа», встречающимися в материалах более южных неолитических памятников. По трассологическому определению Г. Ф. Коробковой и А. К. Филиппова, оно использовалось в качестве мотыги.

Серией представлены втульчатые наконечники или острия (5 экз.), изготовленные из отрезков удлинённых, трубчатой кости, слегка расширяющихся в тыльной части. Острый конец их образован длинным косым срезом с последующим заострением, покое основание ровно обрезано (рис. 1, 9, 12). Из двух игловидных наконечников один прямой, чуть уплощенный, шестигранный в поперечном сечении, двусторонне заостренный, орнаментирован по граням короткими частыми нарезками (рис. 1, 10), второй (фрагментированный) изготовлен из прямого тонкого отростка оленьего рога (рис. 1, 11). Единичен кинжал, изготовленный из длинной, уплощенной, подовальной в поперечном сечении, продольно расчлененной трубчатой кости. Конец его заострен и слегка уплощен, тыльная часть ровная, плоская, представляет собой сохраненную часть поверхности эпифиза (рис. 1, 4). Имеется также острие с одним длинным зубцом из продольно расчлененной широкой трубчатой кости (рис. 1, 8). Основание его (сохранившаяся часть поверхности эпифиза) довольно ровное. Вероятнее всего, орудие использовалось в качестве иглы для плетения (сетей?). Есть несколько проколов с тщательно приостренными подокруглыми в сечении концами, изготовленных из продольно расщепленных кусков трубчатой кости (рис. 1, 13, 14), тонкая костяная игла с уплощенным основанием, крупный рыболовный крючок из рога, округлый в поперечном сечении, место для привязки у него расширено и уплощено (рис. 1, 16). Имеются также куски рога и кости со следами срезов и использования, кусок трубчатой кости с прорезанным отверстием. Единично костяное украшение — тонкая пронизка с отверстием, округлая в сечении, несколько расширяющаяся в средней части (рис. 1, 15).

Охарактеризованный выше комплекс костяных и роговых орудий значительно отличается от орудий неолитических памятников смежных территорий³, в том числе и от костяной индустрии ранненарвских памятников⁴. Обращает на себя внимание значительное, судя по трассоло-

гическим наблюдениям, место землекопных орудий. Не исключено, что, как и на территориях, расположенных к югу и западу от Калининградской обл., здесь во второй половине III тысячелетия до н. э. было известно примитивное земледелие.

Своеобразие набору орудий из кости и рога на стоянке Цедмара Д придает прежде всего серия специфических кирковидных и Т-образной форм орудий. Кирковидные орудия отчасти близки изделиям, происходящим из кремнедобывающих шахт Западной Белоруссии⁵, связываемых Н. Н. Гуриной с неманской культурой⁶. Видимо, это сходство обусловлено однотипностью используемых заготовок — рогов благородного оленя. Отдельные находки сходных орудий известны также с территории Литвы⁷. Т-образные орудия Цедмара сравнивались с орудиями, характерными для культуры Эртебелле Западной Прибалтики⁸. Это сопоставление вряд ли правомерно — рубящие орудия из рога оленя, характерные для культуры Эртебелле, всегда имеют широкие сквозные отверстия для крепления деревянной рукояти (известны и находки подобных орудий с сохранившейся деревянной рукоятью), орудия же Цедмара Д не имеют отверстий для крепления и использовались, судя по трассологическим определениям, как землекопные. В настоящее время костяная и роговая индустрия поселения Цедмар Д стоит особняком среди других костяных и роговых индустрий, известных в неолите Прибалтики.

¹ *Stadie K.* Die Steinzeitdörfer der Zedmar. — In: Festschrift Adalbert Bezenberger. Göttingen, 1921, S. 148—160.

² *Долуганов П. М., Тимофеев В. И., Левковская Г. М.* Стоянка Цедмар Д в Калининградской области. — КСИА, 1975, вып. 141, с. 76—83; *Тимофеев В. И.* Работы Калининградского неолитического отряда. — АО 1974 г. М., 1975, с. 41; *Он же.* Новые исследования поселений Цедмарского торфяника. — АО 1977 г. М., 1978, с. 40—41.

³ *Kulikauskas P.* Naujai Aptikta Akmens-zalvario amziu gyvenviete Palangoie. — Тр. АН ЛитССР, 1959. Сер. А, т. 2 (7), с. 33—41; *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Саргате. Рига, 1970; *Rimantiene R. Sventoji.* Narvos kulturos gyvenvietes. Vilnius, 1979.

⁴ *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, № 144.

⁵ *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976, рис. 22, 23, 25.

⁶ *Гурина Н. Н.* Указ. соч., с. 130.

⁷ *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, рис. 144, 2.

⁸ *Gross H.* Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar Bruch. — Prussia, 1939, Bd. 33, S. 100—158.

Н. Ф. ЛИСИЦЫН

СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

В Хакасско-Минусинской котловине изучение каменного века до настоящего времени в основном производилось на палеолитических памятниках. В долине Енисея были найдены лишь отдельные неолитические погребения¹ и велись небольшие раскопки поздненеолитической стоянки Унюк². Отсутствие сведений о памятниках неолита в степной зоне объяснялось плохой сохранностью и разрушением керамики в связи с значительным накоплением почв³.

В последние годы открыты неолитические стоянки в Койбальской степи⁴ и на берегах степных озер Малый Кызыкуль и Карасево под

г. Минусинском, причем на последних встречах хорошо сохранившийся керамический комплекс⁵.

В 1977 г. автором проведено обследование побережья озер севера Хакасско-Минусинской котловины. Степные озера при весеннем снеготаянии значительно увеличиваются в размерах, но в течение летнего сезона (в результате испарения) площадь водного зеркала постепенно уменьшается. Учитывая, что в древности уровень воды был, вероятно, выше современного, мы обследовали повышенные участки местности, где обнаружили две стоянки.

Стоянка Толстый Мыс (получившая наименование от одноименной деревни и оз. Толстый Мыс) расположена в 25—30 км от долины Енисея. Озеро лежит в небольшой пологой низине у северо-восточного склона горы.

Находки каменных изделий концентрировались в юго-западной части побережья озера, где склон горы рассечен длинным и широким оврагом. Конус выноса представляет собой плавный переход склона возвышенности в пологое понижение, до которого вода не доходит даже при большом подъеме. Сборы каменных изделий производились на левом берегу озера в непосредственной близости от древней поймы озера, отстоящей выше по склону и удаленной от современной поймы на 70—80 м.

Единичные находки встречались в небольших промоинах, под дерном или прямо на поверхности слабого дернового покрова на площади 20 × 40 м. Орудия изготовлены из характерных для побережья Енисея кремнистых серых или зеленых сланцев и резко отличаются от кусков и плиток красного песчаника и красноватого суглинка, покрывающих склоны горы, — свидетельство того, что найденные изделия перенесены в степные районы с берега Енисея.

В коллекции имеется 13 небольших отщепов. Из орудий встречены четыре обломка наконечников стрел и подчетырехугольный скребок (рис. 1, 1—4). Все нуклеусы имеют микролитический облик и изготовлены из обломков или мелких галечек, расколотых вдоль (рис. 1, 8—13). Сколы микропластин производились с подготовленной ударной площадки, обычно с одного торца, однако встречаются и изделия с негативами сколов на $\frac{2}{3}$ периметра. Форма всех 12 нуклеусов различна, но в общем заметна тенденция к конусовидным. Клиновидные нуклеусы, столь типичные на палеолитических стоянках, полностью отсутствуют. Встречено небольшое галечное орудие — чоппер с односторонне обработанным широким дугообразным лезвием. Керамика, несмотря на тщательные поиски, на стоянке не встречена.

Другая стоянка, Интикуль, расположена в 15 км от оз. Толстый Мыс и в 40—45 км от долины Енисея в глубь степной зоны.

Озеро Интикуль расположено в понижении местности степного рельефа. Этот участок с севера и юга ограничен отрогами Кузнецкого Алатау. С севера рельеф возвышенностей относительно пологий, с южной же стороны горная цепь, у подножия которой расположено озеро, имеет крутые склоны. У южного берега озера эти склоны становятся пологими и образуют относительно ровную террасу шириной в отдельных местах 50—100 м и высотой над поймой озера в 5—6 м. Напротив поселка склон горы пересекает длинный узкий лог, который выходит своим устьем на озерную террасу. Наибольшее количество изделий встречено с левой стороны лога, а по мере удаления от этого участка к западу найдены лишь единичные предметы.

Каменные изделия собраны на самом краю террасы, на участке шириной не более 40 м при длине около 100 м. Они встречались под мало-мощным дерном и в выбоинах, выбитых копытами овечьих отар. Часть предметов найдена в дерне и отчасти в грунте, который состоит из легкой серой супеси с обильными включениями плоских плиток серого песчаника и щебня. Почти полное отсутствие гумуса говорит о слабом процессе почвообразования, а находки изделий непосредственно в дерне

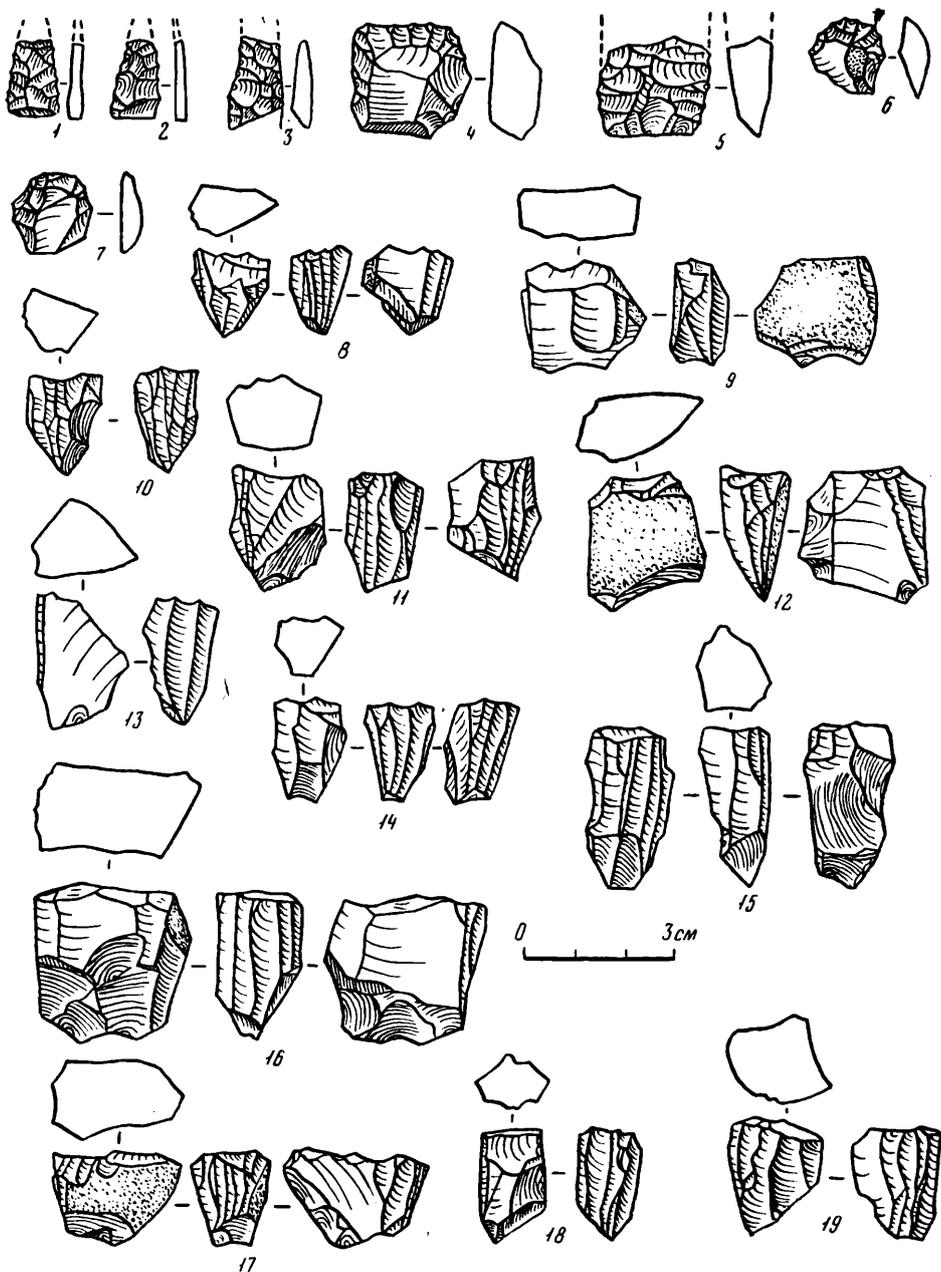

Рис. 1. Каменный инвентарь со стоянок

1—3 — наконечники стрел; 4 — скребок; 8—13 — нуклеусы (Толстый Мыс); 5 — обломок долота; 6, 7 — скребки; 14—19 — нуклеусы (Интинкуль)

свидетельствуют о незначительном возрасте их в рамках каменного века.

Среди 52 предметов, собранных здесь, 16 отщепов и 10 микропластинок. К орудиям относятся обломок долота из серого полупрозрачного кварцита с прямым двусторонне обработанным лезвием, три скребка на отщепах (рис. 1, 5—7). Два из них сделаны из серого кремнистого сланца, третий скребок, округлой формы, изготовлен на отщепе светло-серого прозрачного кремня. Найдено три скребла небольших размеров: первое — из расколотой вдоль гальки серого цвета, со слегка выпуклым лезвием с одной стороны, второе — из округлого плоского обломка темно-

серой вулканической породы, обработанное сколами по периметру с одной плоскости, третье — из серо-зеленого кремнистого сланца, с небрежно оббитым лезвием.

Основную массу коллекции стоянки Интикуль составляют микроизделия и нуклеусы (19 экз.), изготовленные из обломков или из расколотых вдоль небольших галечек с негативами сколов микропластин. Сколы микропластин производились с подготовленной ударной площадки с одного, реже — двух торцов. Форма изделий разнообразна и зависела от формы осколка, но все же основная масса нуклеусов близка к конусовидной (рис. 1, 14—19).

В качестве сырья использовалась преимущественно галька кремнистого серого и зеленого цвета, доставленная с берегов Енисея. Возможно, что часть сырья была принесена с берега Чулыма, о чем свидетельствуют три отщипа розового цвета, поскольку небольшие галечки аналогичного цвета встречаются в осыпях береговых обнажений и пойменных отложениях Чулыма.

По геологическим условиям залегания, типологии изделий и характеру сырья стоянка Интикуль аналогична стоянке Толстый Мыс.

Оба памятника являются кратковременными охотничьими стоянками, свидетельствуя о том, что в послепалеолитическое время население в поисках дополнительных источников питания периодически покидало долину Енисея и посещало степную зону Хакасско-Минусинской котловины. Основной инвентарь в коллекции двух стоянок представлен нуклеусами для снятия микропластинок. Набор столь специфичного инвентаря предполагает широкое использование вкладышевой техники.

Отнесение данных стоянок к голоцену не вызывает сомнений, определение же культурно-исторической принадлежности их в рамках голоцена довольно затруднительно, так как изучение мезолита и неолита в Хакасско-Минусинской котловине только начинается. Отсутствие керамики говорит в пользу мезолитической принадлежности каменного инвентаря, поскольку основная масса находок на обеих стоянках находит полные аналогии в чистом мезолитическом комплексе стоянки Куртак II, расположенной на склоне высокой террасы в долине Енисея⁶. Однако наличие на стоянке Толстый Мыс фрагментов наконечников стрел и типично неолитического квадратного по форме скребка свидетельствует и о значительной примеси неолитических изделий. Возможно, к неолитическим орудиям следует отнести и обломок двусторонне оббитого долота со стоянки Интикуль.

В данном случае смешанность инвентаря разных периодов каменного века говорит о неоднократном посещении озер в степной зоне Чулымо-Енисейского междуречья.

Открытие первых стоянок у степных озер показывает перспективность поисков памятников мезолита и неолита на территориях, ранее считавшихся исследователями обитаемыми лишь в период появления животноводства, т. е. во время раннего металла. На основе небольшого опыта при поисках стоянок в степи установлено, что они встречаются на повышенных участках побережья озер и приурочены к логам.

¹ Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее. — МИА, 1953, № 39; Хлобыстин Л. П., Шер Я. А. Неолитическое погребение близ д. Байкалово на Енисее. — КСИА, 1966, вып. 106.

² Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унок на верхнем Енисее. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1951, с. 14.

⁴ Севастьянова Э. А., Майнагашев П. Н. Охранные работы в Хакасии. — АО 1975 г. М., 1976, с. 279.

⁵ Зяблин Л. П. Поиски неолита в районе Минусинска. — АО 1973 г., М., 1974, с. 204.

⁶ Абрамова З. А., Лисицын Н. Ф. Исследование памятников эпохи камня на побережье Красноярского моря. — АО 1976 г. М., 1977.

СОСНОВКА ГОЛОВАНЬСКАЯ — НОВЫЙ МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ САЯНЕ

В 1976 г. в ходе обследования будущей зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС археологом Минусинского музея Н. В. Леонтьевым на правом берегу Енисея, на мысу у впадения в него речки Сосновка Голованьская, была обнаружена новая стоянка каменного века. Исследование стоянки производилось в 1976—1977 гг. палеолитическим отрядом Саяно-Тувинской экспедиции под руководством С. Н. Астахова (при участии автора и Н. Ф. Лисицына). Всего было вскрыто 30 кв. м площади памятника.

Стоянка расположена в северной части Саянского каньона р. Енисея, у подножия хребта Борус, в 30 км от плотины ГЭС. Геоморфологически на данном участке над галечниковой отмелью выделяется высокая пойма (4—5 м) и 1-я терраса высотой 9 м, к отложениям которой и приурочены культурные слои стоянки.

Стратиграфия памятника: 1) почвенный слой и мешаная земля с современными строительными остатками — 0,3—0,45 м; 2) коричневый суглинок — 0,15—0,5 м; 3) коричнево-желтый суглинок — до 0,5 м; 4) желтовато-зеленый среднезернистый песок — до 0,2 м; 5) желтый суглинок — 0,15 м; 6) желтоватый суглинок, постепенно переходящий в нижележащий слой, — до 0,2 м; 6) желтовато-серый сильно ожелезненный суглинок с прослойками синей глины — 0,3—0,4 м; 7) валунник с отдельными глыбами и галькой, заполнитель — пески и глины — 0,2 м (видимая мощность).

Таким образом, в разрезе вскрыты аллювий (слой 7) и покровные отложения (слои 2—6а), изобилующие ортштейнами и насыщенными обломочным материалом склонового происхождения 1-й террасы. Верхний культурный слой стоянки залегал на глубинах от 0,3 до 1,1 м (во 2-м и 3-м слоях), нижний отделен от него прослойкой стерильного речного песка (слой 4) и залегает в суглинках слоев 6 и 6а и непосредственно на контакте с галечным аллювием. Фаунистических остатков не встречено. Первая надпойменная терраса распространена повсеместно в Саянском каньоне¹ и может быть скоррелирована с 1-й террасой среднего Енисея, аллювий который имеет позднесартанский возраст, а накопление его прерывается в финале плейстоцена с очередным врезом². Покровные отложения этой террасы, таким образом, относятся к голоцену, соответственно чему верхний слой стоянки также датируется голоценом (нижний — самым началом его).

Сильно разрушенный современными перекопами верхний культурный слой представлен изделиями, равномерно рассеянными по вскрытой площади. Найдено 30 отщепов, пять пластин и их фрагментов, восемь микропластинок без ретуши, 40 различных сколов, 67 чешуек и мелких отщепов, 17 осколков и обломков камня, 10 фрагментов керамики и кусок охры. Сырьем для изготовления орудий, как и в нижнем слое, служили черные и серые кремнистые сланцы. Технику раскалывания характеризуют восемь ядрищ и их обломков. Имеется одно галечное кубовидное ядрище с начатым скалыванием и два призматических одноплощадочных нуклеуса с пластинчатыми снятиями (рис. 1, 7). Два вторичных ядрища со скалыванием по торцу служили для получения микропластинок (рис. 1, 3). Последние также снимались и округлого в сечении призматического, близкого конусовидному, микронуклеуса с приостренным основанием (рис. 1, 4). Среди заготовок преобладают отщепы средних размеров с гладкими площадками и продольной огранкой спинки.

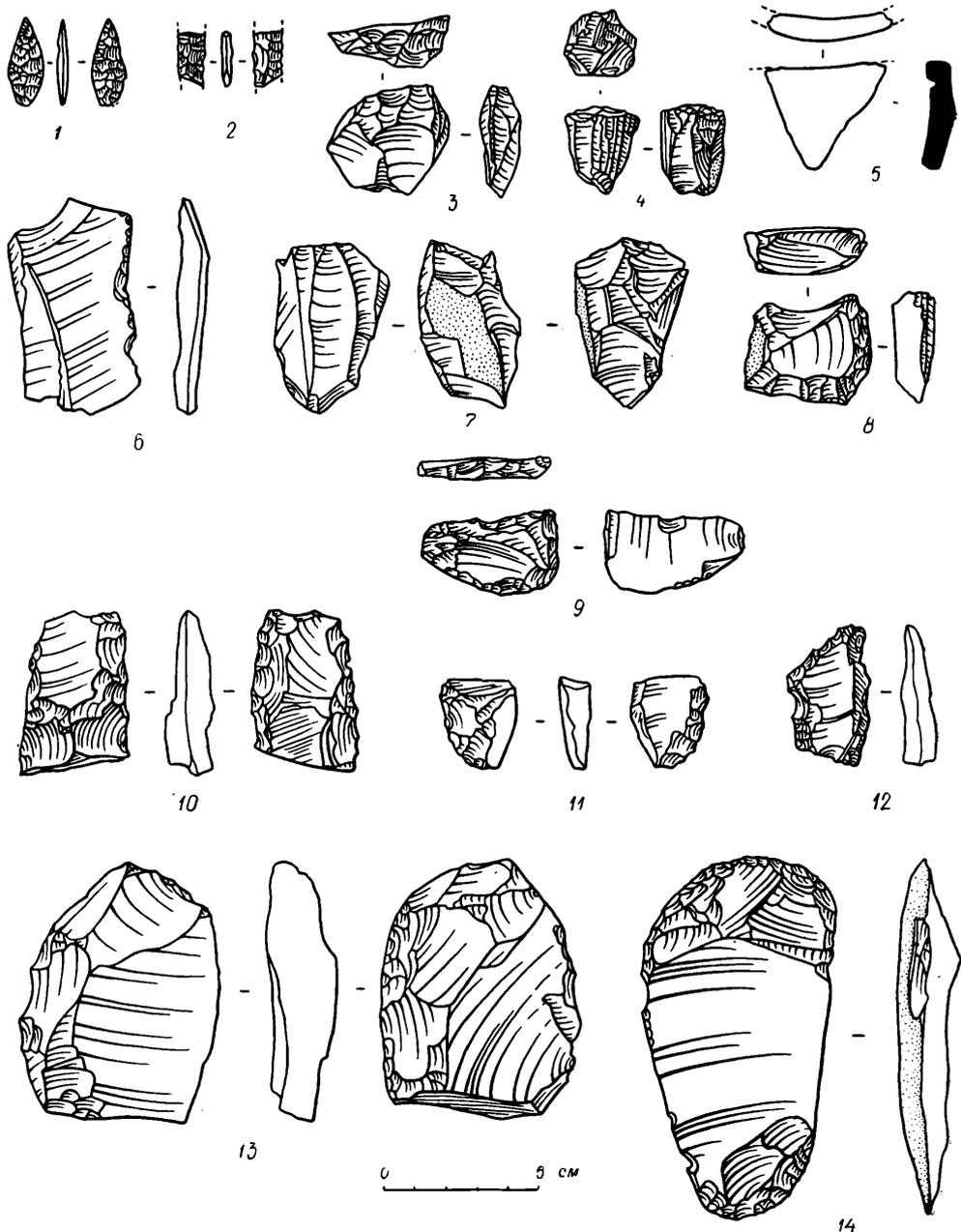

Рис. 1. Сосновка Голованская. Каменный инвентарь и керамика верхнего (1—7, 14) и нижнего (8—13) культурных слоев

Орудий — 12. Это листовидный наконечник стрелы (рис. 1, 1), вкладыш (рис. 1, 2), остальные орудия довольно атипичны (рис. 1, 6): скребок на отщепе, резец (?), мелкое долотовидное орудие, два ножа на пластинчатых сколах с приостряющей ретушью, отщепы и их обломки с ретушью. Керамика толстостенная (8—15 мм), неорнаментированная, с примесью крупного песка, в изломе двухслойная — наружная поверхность красновато-коричневая, внутренняя — черная. Есть фрагмент утолщенного вогнутого венчика (рис. 1, 5). К верхнему слою, вероятно, относятся и четыре орудия, найденные в мешаной земле: своеобразное изделие на расколотой гальке с затесанными концами (рис. 1, 14) и долотовидное орудие, вкладыш и отщеп с ретушью.

Культурные остатки нижнего слоя встречались преимущественно в северо-западной части раскопа, не образуя четких скоплений. Имелось небольшое зольное пятно. Некоторые предметы залежали выше основной массы находок, возможно, это промежуточный горизонт.

Инвентарь слоя состоит из 25 отщепов, четырех пластин, 45 прочих сколов, 44 мелких отщепов и чешуек, 33 обломков и осколков камня, двух нуклеидных обломков галек со следами беспорядочного скалывания.

Среди ядрищ имеются два одноплощадочных, со скалыванием по выпуклой дуге. Один из клиновидных нуклеусов — «подушкообразной» формы, торец и нижняя кромка его тщательно обработаны ретушью. Площадка создана одним снятием от рабочего торца (рис. 1, 9). Второй нуклеус — на пластинчатом отщепе с очень удлинненными пропорциями (рис. 1, 8)³. Нижняя кромка и площадка его отделаны ретушью, что отличает данное ядрище от правильных гобийских⁴ и сближает с нуклеусами Кокорева III⁵. Основной заготовкой служили отщепы (средняя длина 39 мм, ширина 31 мм, толщина 8 мм) с продольной или ортогональной огранкой спинки. Среди площадок преобладают гладкие, образованные одним сколом (65% всех определяемых), реже — фасетированные и покрытые коркой. Вторичная обработка характеризуется чешуйчатой ступенчатой приостряющей ретушью, имеется подтеска и плоская ретушь, резцовые сколы отсутствуют.

Среди орудий преобладают скребла (4 экз.). Наиболее выразительно из них продольное (рис. 1, 13), второе скребло — двойное продольное, третье и четвертое — прямые продольные. Интересно бифациально обработанное орудие типа ножа (рис. 1, 10). Скребки представлены своеобразной формой с удлинненным жалом на ретушированном отщепе (рис. 1, 12). Необычен по материалу нож на отщепе с бифациально обработанным лезвием и обушком (рис. 1, 11), изготовленный из коричневого полосчатого кремня, отличающегося от кремня всех остальных изделий стоянки. Встречены отщепы с ретушью и орудие с подтеской.

Верхний слой стоянки, вероятно, может быть датирован неолитом, хотя и не имеет прямых аналогий в неолите Саянского каньона. Небольшая коллекция из нижнего слоя — практически единственный стратифицированный мезолитический комплекс на верхнем Енисее, видимо, продолжение традиций афонтовской культуры в раннем голоцене (скребла, чешуйчатая ретушь, отсутствие резцов и др.). Заметно сходство с материалом Кантегира. Вместе с тем появляются и новые элементы (удлинненное клиновидное ядрище, бифациальный нож). Материалы стоянки Сосновка Голованьская, заполняя лакуну между палеолитическими и неолитическими памятниками Енисея, вновь свидетельствуют в пользу мнения А. П. Окладникова о переживании палеолитических традиций в Сибири в раннеголоценовое время⁶.

¹ Зяткова Л. К. Новейшая тектоника Западного Саяна. Новосибирск, 1973.

² Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974.

³ Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979, с. 105.

⁴ Медведева Г. И., Мизнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974, вып. 1, с. 70.

⁵ Абрамова З. А. Указ. соч., табл. XXVI, 8, 13.

⁶ Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР (Сибирь, Средняя Азия). — МИА, 1966, № 126.

ХРОНИКА

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

О РАБОТЕ СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА В 1978—1979 гг.

В 1978—1979 гг. сектор палеолита продолжал работу над плановыми темами, связанными с проблемами возникновения человеческого общества, изучением истории первобытного строя, формированием древних этнических общностей.

Продолжались полевые исследования экспедициями и отрядами под руководством сотрудников сектора.

В 1978—1979 гг. проводила исследования многолетняя Костенковская палеолитическая экспедиция, возглавляемая Н. Д. Прасловым и А. Н. Рогачевым. В 1979 г. археологи СССР отметили 100-летие открытия палеолита в Костенках. Кавказская палеолитическая экспедиция под руководством В. П. Любина продолжала исследования Кударских пещер и других памятников. Изучением палеолитических памятников в 1978 г. занималась Авдеевская экспедиция, руководимая М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьевым; в 1978—1979 гг. палеолитический отряд Красноярской экспедиции под руководством З. А. Абрамовой исследовал мустьерскую пещеру Двуглазку; продолжал работы Среднерусский палеолитический отряд, возглавляемый Л. М. Тарасовым. С. Н. Астахов руководил работами Саяно-Тувинской экспедиции. Палеолитические памятники на Украине и в Молдавии исследовал Н. К. Анисюткин. Ряд экспедиций и отрядов изучали мезолитические и неолитические памятники. Продолжали исследования Кольская и Верхневолжская неолитические экспедиции, руководимые Н. Н. Гуриной; Степная неолитическая экспедиция, возглавляемая Л. Я. Крижевской; Костромской и Мезенский отряды под руководством И. В. Гавриловой; в 1978 г. — Заполярная экспедиция на Таймыре, возглавляемая Л. П. Хлобыстиным; в 1978 г. — Калининградский неолитический отряд, руководимый В. И. Тимофеевым, и Смоленский неолитический отряд во главе с В. П. Третьяковым.

Информация о результатах основных исследований экспедиций и отрядов публиковалась в ежегоднике «Археологические открытия».

На заседаниях сектора регулярно обсуждались плановые темы сотрудников. Основное внимание уделялось работе над разделами «Археологии СССР». Всесторонне обсуждались разделы «Поздний палеолит Русской равнины» (авторы А. Н. Рогачев и М. В. Аникович), «Ранний и поздний палеолит азиатской части СССР» (З. А. Абрамова), «Ранний палеолит Кавказа» (В. П. Любина), «Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя» (П. И. Борисковский), «Ранний палеолит Русской равнины и Крыма», «Время и пути древнейшего заселения территории СССР человеком», «Геологические и палеогеографические рамки па-

леолита», «Развитие природной среды в эпоху палеолита на территории СССР (Н. Д. Праслов), «Неолит лесной зоны европейской части СССР» (Н. Н. Гурина), «Неолит Средней Азии и Казахстана» (Г. Ф. Коробкова), «Неолит восточно-сибирского региона» (Л. П. Хлобыстин). Широко обсуждался подготовленный З. А. Абрамовой раздел «Палеолит Северной Азии» серии «Палеолит мира».

В 1978—1979 гг. ряд сотрудников завершили индивидуальные плановые темы.

20—25 августа 1979 г. проведено Всесоюзное совещание «Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины», посвященное 100-летию открытия палеолита в Костенках. В работе совещания приняли участие многие сотрудники сектора, а также специалисты 23 организаций. Заслушано и обсуждено 15 докладов, рассмотрены основные палеолитические стоянки и обнажения.

Совещание отметило, что в изучении позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района достигнуты большие успехи. Открыто и исследуется более 30 стоянок первобытного человека, собран большой геологический материал, проведены реконструкции внешнего облика человека, накоплены огромные коллекции по искусству палеолита, уточнен возраст разных археологических культур. Вместе с тем совещание отметило недостаточную разработанность ряда вопросов изучения района Костенок: слабо изучены склоновые образования, вмещающие культурные слои стоянок; не используются пока в археологии новейшие геофизические дистанционные методы исследования: акустическая голография, радиоуглеродный и термолюминисцентный методы абсолютного датирования, палеомагнитный метод, пока еще недостаточно изучена планиграфия палеолитических поселений и культурно-исторические соотношения между ними.

Совещание рекомендовало создать на базе Костенковской экспедиции межведомственный координационный центр, организовать при Воронежском университете проблемные комплексные геологические исследования четвертичных отложений долины р. Дон, провести крупномасштабную геологическую съемку четвертичных отложений в районе Костенок; обратиться в Президиум АН СССР с предложением о разработке геофизической аппаратуры для дистанционного изучения культурных горизонтов. К числу рекомендованных мероприятий относится подготовка и издание обобщающей монографии по итогам исследования палеолита в Костенках, подготовка на базе Костенок полевой школы по методике раскопок палеолитических памятников и др. На совещании с докладами выступили А. Н. Рогачев, Н. Д. Праслов «Итоги и задачи исследований палеолита Костенок», Г. П. Григорьев «Костенковская культура, методологические проблемы ее выделения». Изучению фаунистических комплексов были посвящены доклады Н. К. Верещагина, И. Е. Кузьминой, В. Е. Гарутта, Е. В. Урбанас, В. М. Мотуза. О геолого-морфологическом изучении палеолитических стоянок сделали доклады И. К. Иванова, Г. И. Лазуков, А. А. Величко, З. П. Губонина, В. П. Ударцев, Л. Т. Шевырев, Л. И. Алексеева, Г. В. Холмовой, о проблемах музеефикации палеолитических памятников — Е. Д. Куликова, о радиоуглеродном датировании ископаемых костей из палеолитических стоянок Костенок — Х. А. Арсланов, Ю. С. Свеженцев, Ю. Н. Марков.

В резолюции, подводящей итоги изучения палеолита в Костенках, принято решение: следующее совещание «Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры» провести в 1983 г.

К Всесоюзному совещанию, посвященному 100-летию открытия палеолита в Костенках, изданы тезисы докладов «Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины» (Воронеж, 1979).

В 1979 г. успешно защищены кандидатские диссертации И. И. Коробковым «Палеолит Восточного Средиземноморья» и В. И. Беляевой (науч-

ный руководитель А. Н. Рогачев) «Кремневый инвентарь Костенок 1 (опыт классификации)». На заседании сектора обсуждались и были одобрены докторские диссертации Л. Я. Крижевской «Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале», Г. П. Григорьева «Палеолит Африки»; кандидатские диссертации И. В. Верещагиной «Каменный век северо-востока европейской части СССР» (научный руководитель Н. Н. Гурина), Н. Ф. Лисицына «Каменный век Хакасско-Минусинской котловины» (научный руководитель З. А. Абрамова), М. В. Константинова (Чита) «Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье)» (научный руководитель А. П. Окладников), А. А. Орехова (Магадан) «Древняя приморская культура северо-западного Берингоморья» (научный руководитель Н. Н. Диков), А. К. Джафарова (Баку) «Мустьерские культуры Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры)» (научный руководитель В. П. Любин).

В 1978—1979 гг. сотрудники сектора принимали активное участие в научных конференциях, проводимых в других городах. Группа сотрудников сектора — П. И. Борисковский, Н. К. Анисюткин, С. Н. Астахов, Г. П. Григорьев, Г. В. Григорьева, Н. Д. Праслов, Л. М. Тарасов — в апреле 1978 г. участвовала в работе 17-й научной конференции Института археологии АН УССР «Археологические исследования на территории Украинской ССР в 1976—1977 гг.» в г. Ужгороде. В. И. Тимофеев принял участие в работе геохронологического семинара Четвертичной комиссии в Москве и выступил на нем с докладом. Л. П. Хлобыстин выступил с докладами на ежегодной теоретической конференции исторического факультета Иркутского университета, на историко-этнографической конференции в г. Омске, на западносибирском совещании «Природа и человек» в г. Томске. М. В. Аникович участвовал в работе конференции «Проблемы методологии истории и историографии» и сделал на ней доклад. В октябре 1979 г. Л. Я. Крижевская и В. П. Третьяков принимали участие в работе конференции «Проблемы датирования археологических памятников степной зоны Северного Кавказа» в Ростове-на-Дону и выступили с докладами.

Сектор принимал активное участие в проведении Всесоюзного юбилейного пленума Института археологии АН СССР, на палеолитической, неолитической и мезолитической секциях было заслушано более 50 докладов. К пленуму была подготовлена открывшаяся в помещении Эрмитажа выставка «У истоков искусства», посвященная древнейшему изобразительному творчеству. На выставке впервые были собраны практически все произведения палеолитического искусства, открытые на территории СССР. К открытию выставки Эрмитажем был выпущен каталог под редакцией З. А. Абрамовой и два буклета: З. А. Абрамова «Женская скульптура» и Н. Д. Праслов «Палеолитическое искусство Костенок».

Успешно развивались в 1978—1979 гг. международные связи сектора. В 1977 г. проведен первый совместный советско-французский полевой семинар «Динамика взаимодействия между естественной средой и историческими обществами». В июле-августе 1978 г. состоялся второй полевой семинар. Вместе с французскими учеными советские исследователи побывали на крымских и кавказских палеолитических памятниках. В семинаре участвовали сотрудники сектора П. И. Борисковский, В. П. Любин, З. А. Абрамова, Н. Д. Праслов, И. И. Коробков. В сентябре 1979 г. В. П. Любин и Н. Д. Праслов участвовали в очередном семинаре во Франции и осмотрели ряд французских памятников. В связи с проведением полевого семинара выпущен путеводитель по крымским и кавказским памятникам с всесторонней их характеристикой. На секторе обсуждались разделы В. П. Любина и Н. Д. Праслова, касающиеся культур и памятников раннего палеолита, предназначенные для совместной советско-французской монографии. В 1978 г. Н. Н. Гурина участвовала в работе второго советско-финляндского симпозиума «Культурные связи стран Балтийского бассейна», на котором выступила с докладом «Изобразитель-

ное искусство древних племен Кольского полуострова». З. А. Абрамова и Н. Д. Праслов в 1978 г. побывали в научной командировке в Алжире, обследовали ряд старых палеолитических местонахождений и открыли новые. В июне 1979 г. З. А. Абрамова принимала участие в работе семинара в Швейцарии «Вклад зоологии и этнологии в интерпретацию искусства охотничьих народов» и сделала на нем доклад «Корреляция искусства малых форм и фаунистических остатков в палеолитических стоянках Русской равнины». В июне-июле 1979 г. Г. В. Григорьева находилась в научной командировке в Румынии; в Институте археологии в Бухаресте и Историческом музее г. Галаца ею сделаны доклады «Поздний палеолит Молдавии». В июле-сентябре 1979 г. Л. П. Хлобыстин принимал участие в многолетней советской археологической экспедиции на архипелаг Шпицберген (Норвегия). В ноябре 1979 г. Н. Н. Гурина побывала в научной командировке в Польше, где занималась изучением коллекций мезолитических и неолитических памятников. В ноябре 1979 г. З. А. Абрамова находилась в научной командировке в Венгрии с целью изучения палеолитических материалов.

На заседаниях сектора с докладами выступали зарубежные ученые; в 1978 г. О. А. Соффер (Нью-Йорк) «Археозоология», Ф. К. Хауэлл (Чикаго) «Новые достижения в изучении эволюции человека»; в 1979 г. Е. Комша (Бухарест) «Неолит на территории Румынии».

За указанное время сотрудники сектора опубликовали ряд статей. Из печати вышли следующие монографии: вторая книга из серии «Палеолит мира», «Палеолит Ближнего и Среднего Востока» (авторы И. И. Коробков и В. А. Ранов), «Древнейшее прошлое человечества», 2-е переработанное издание, П. И. Борисковского, два тома монографии З. А. Абрамовой «Палеолит Енисея»: «Кокоревская культура» и «Афонтовская культура».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО — Археологические открытия
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмийской экспедиции
ОКВАЭ — Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТХЭ — Труды Хорезмийской экспедиции
УЭПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. П. Любин.</i> Изучение палеолита в СССР	3
<i>Н. Д. Праслов.</i> Столетие открытия палеолита в Костенках	9
<i>А. Е. Матюгин.</i> Технология изготовления и типология бифасов Сатани-Дара	12
<i>Ю. А. Смирнов.</i> Мустьерские погребения (вариант постановки вопроса)	17
<i>Г. Н. Матюшин.</i> О времени становления производящего хозяйства на Урале	23
<i>Г. Ф. Коробкова.</i> Общее и особенное в хозяйстве кельтеминарских племен	28

Полевые исследования

<i>А. А. Синицын.</i> О кремневом инвентаре стоянки Костенки XVI (Углянка)	33
<i>М. А. Иванова.</i> Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках	37
<i>В. Я. Сергин.</i> Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении	43
<i>Л. М. Тарасов.</i> Позднепалеолитическая стоянка Косица	50
<i>Н. К. Анисюткин.</i> Стратифицированные находки домустьерской эпохи в Черновицкой области	55
<i>Г. В. Григорьева, М. Н. Клапчук.</i> Позднепалеолитическая стоянка Межигирцы I в Ивано-Франковской области	58
<i>В. Е. Щелинский.</i> Следы от работы на кремневых орудиях из местонахождения Хрящи и Михайловское (Северский Донец)	63
<i>Х. А. Амирханов, П. У. Ауглев.</i> Русланова пещера — новый памятник каменного века Прикубанья	68
<i>А. К. Джафаров.</i> Леваллуазские остроконечники Тагларской пещеры	70
<i>З. А. Абрамова.</i> Мустьерский грот Двуглазка в Хакасии (предварительное сообщение)	74
<i>С. Н. Астазов, С. А. Васильев.</i> Палеолитическая стоянка Джой	78
<i>А. К. Филиппов.</i> Опыт объемной резьбы по дереву каменными орудиями	83
<i>Л. Я. Крижевская.</i> Храпово 4 — памятник каменного века правобережья р. Оскол	88
<i>С. В. Ошибкина.</i> Памятники эпохи мезолита в Восточном Прионежье	92
<i>И. В. Гаврилова.</i> Мезолитические местонахождения в бассейне р. Костромы	98
<i>В. П. Третьяков.</i> Стоянка Подлесное I на р. Суре	102
<i>В. П. Ксензов.</i> Мезолитическое поселение Береговая Слобода (по раскопкам 1979 г.)	105
<i>Т. М. Гусенцова.</i> К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья	109
<i>В. И. Тимофеев.</i> Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д.	115
<i>Н. Ф. Лисицын.</i> Стоянки каменного века степной зоны Хакасско-Минусинской котловины	119
<i>С. А. Васильев.</i> Сосновка Голованьская — новый многослойный памятник каменного века в Западном Саяне	123

Хроника

<i>Г. В. Григорьева.</i> О работе сектора палеолита в 1978—1979 гг.	126
---	-----

Каменный век
КСИА, вып. 165

*Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректоры *В. Л. Гамаюнов, Г. Н. Джиоева*

ИБ № 22130

Сдано в набор 28.10.80
Подписано к печати 14.01.81
Т-04010. Формат 70×108¹/₁₆
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 12,2
Тираж 2850 экз. Тип. зак. 1909
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12